О. В. МААН

Междуречье — низовья реки Кодор

О. В. МААН

Междуречье — низовья реки Кодор

ПРОФ пресс

РОСТОВ-НА-ДОНУ, 2013

ББК 63.52 (5А6х.)
М12

Печатается по решению ученого совета
историко-филологического факультета
Сочинского института РУДН
(протокол № 2 от 04.10.2012 г.)

Рецензент:
доктор исторических наук, профессор, академик АНА
А.Э. КУПРАВА.

М12 **Маан О. В.** Междуречье — низовья реки Кодор. Ростов-н/Д: ПРОФПРЕСС, 2013. — 160 с.

ББК 63.52 (5А6х.)

В настоящую работу вошли материалы, посвященные различным вопросам истории и культуры населения Междуречья — низовьев реки Кодор. В частности, они касаются исторической географии, экологии, средневековых архитектурных памятников; приведены некоторые археологические находки, рассмотрены вопросы судоходства, фамильных имен, религиозных культов и др.

Автором освещаются политические репрессии 1937–1938 гг., события периода грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.

© Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов, 2013
© Маан О.В., 2013

Автор выражает благодарность
Беслану Астамуровичу КАМКИЯ
за содействие в издании книги

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известный абхазский исследователь, историк-этнолог О.В. Маан, анализируя исторические материалы низовьев реки Кодор, выявляет и показывает своеобразные формы реализации культуры населения Междуречья.

Работа посвящена культуре низовьев реки Кодор: ее истокам, логике культурно-исторического процесса.

Не может быть не замеченным пристальный взгляд ученого на постижение особенностей бытия и культуры региона. Настоящее исследование дает возможность понять культуру Междуречья благодаря стремлению автора провести анализ частного исторического факта в связи с мировым контекстом истории различных цивилизаций. Автор по каждому вопросу истории Центральной Апсилии — междуречья дает повод для осмысления истории Абхазии в ее целостности.

В этом регионе с древних времен создавалась и распространялась культура, которая оказывала влияние на дальнейшее развитие как Абхазии, так ее соседей. В низовьях реки Кодор, как показывает исследователь, возникли и получили оформление многие черты духовной и материальной культуры, отразившиеся в бронзовых, гончарных и текстильных изделиях. С античного времени в этом регионе развивались мореходство и рыболовство. Так, средневековая церковь Мармал-абаа свидетельствует о том, что здесь моряки, еще до явления Христа,

перед походом молились покровителю моря — Ага-ныху и совершали специальное моление «Попутному ветру». Здесь реализовывались архитектурные формы Византийской империи VI–VIII веков, воплощенные в Драндском (Кодорском) храме, являющемся в средние века резиденцией епископа, власть которого распространялась от Кодора до Анакопии (современный Новый Афон). Здесь же располагалась кафедра архиепископа Абхазской епархии.

О закономерности, проявляемой на протяжении длительной истории в таких регионах, которые благоприятствуют торгово-экономическим и культурно-историческим связям, свидетельствует экономическое развитие Междуречья — низовьев реки Кодор в XX веке. Однако О.В. Маан выявляет и другую закономерность. Именно здесь часто пересекались и сталкивались злые силы различных империй. Иногда политические, религиозные, военные круги и коммерсанты из разных стран извлекали здесь свои выгоды в ущерб населению и экологии Междуречья.

Исследователь О.В. Маан озадачивает читателей актуальной для современников проблемой: станет ли Междуречье — низовья реки Кодор процветающим регионом, открытым всему миру для созидания, духовного и материального приращения или станет местом раздора и конфликтов? От этого вопроса зависит стабильность не только в Абхазии, но и за ее пределами. И об этом повествует история Междуречья — низовьев реки Кодор.

Кандидат философских наук,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Сочинского института РУДН, доцент Б.А. КАМКИЯ

ЧАСТЬ I

1. Историческая география

В историческом прошлом низовья реки Кодор (главным образом ее дельтовая часть) носили название Авидзибжара-Адзюбжа. Это название, охватывая всю дельту Кодора, состояло из множества второстепенных протоков и двух основных рукавов — Большого и Малого Кодора. Географическое положение исторического ядра исследуемой территории между этими рукавами Кодора, впадающими в Черное море, послужило основанием для ее названия Авидзибжара-Адзюбжа, что в переводе с абхазского означает «Междуречье». Причем, если вплоть до выселения абхазов в Турцию (махаджирство) в середине XIX века оно являлось собирательным обозначением местностей и поселений по обе стороны реки, то с выселением абхазов и проведения царским управлением административно-территориальных преобразований, название Авидзибжара-Адзюбжа было распространено только на левобережную территорию реки, где и ныне находится одноименное с. Адзюбжа, считающееся одним из самых значительных населенных пунктов Абхазии.

В настоящее время территория с. Адзюбжа, в результате исторических превратностей локализующаяся на левом берегу реки Кодор, на севере граничит с селом Атара; на востоке — Аракич и Кындыг; на юге омывается Черным морем, на западе по реке Кодор граничит с Гулрыпшским районом. В этом же

районе по реке Кодор проходит и северо-западная административная граница Очамчырского района Абхазии.

Наиболее раннее упоминание с. Адзюбжа встречается на Венецианской карте XIII столетия, где оно значится как *Goto*[1] (Гото), юго-восточнее Икаба//Цкаба, т. е. современной Дранды. Адзюбжа в форме Гото в том же районе указывается на последующих средневековых картах включительно по XV век[2]. Однако, на картах XVIII века на том же самом месте значится пункт Кодор[3]. По предположению исследователей, точку зрения которых разделяет и автор настоящей работы, Гото есть Кодор[4], т. е. Адзюбжа.

Более определенную локализацию пункта Кодор дает историк и географ XVIII века Ва-

[1] Часть Венецианской карты XIII столетия кавказских берегов Азовского и Черного морей (подлинник хранится в Венеции в библиотеке св. Марка). Фотокопии с материалов Государственного архива Абхазии, сгоревшего в 1992 году.

[2] Генуэзские и венецианские карты кавказских берегов Азовского и Черного морей XIV–XV столетий; часть карты генуэзца П. Весконте 1318 года: часть карты венецианца Ф. Пицигини 1367 года; часть каталонской карты 1375 года; часть карты Г. Бенинказы из Анконы 1480 года; часть карты Фредуче (из Анконы) 1497 года; часть итальянской карты XV столетия. Фотокопии с материалов.

[3] Карта «Иверская земля» 1743 года; Frontleres de Turgulie et de Russi entre le Mer Caspienne et la mer das renfermant le Kuban la Grande et Pe te Kabardie. — Paris. 1770; Кварчия В. Е. Ойконимы Абхазии в письменных источниках. Сухуми, 1985. С. 65.

[4] Кварчия В. Е. Ойконимы Абхазии... Там же.

хушти Багратиони, по которому он располагался «выше Дранды», у реки Кодор[1] (вероятно, здесь имеется в виду наиболее населенная часть Адзюбжи). Адзюбжа, в мингрельской форме «Шкацкари», расположена на правобережье Кодора и на Брульенной карте Абхазии 1814 года[2]. О том, что «Шкацкари» (от «шка» — середина, между, и «цкари» — вода, река) — это Адзюбжа, подтверждает и Квартирная карта Абхазии 1843 года[3], на которой пункт «Шкацкара» (аналогичное грузинскому «Швацкали»)[4], находится и на левом берегу реки Кодор, на месте современного с. Адзюбжа. Причем, если на Квартирной карте значится пункт «Шкацкара», то в тексте самих «Сведений об удобствах...» приводится абхазское название пункта — Адзюбжа. По мере освоения нижнего течения Кодора, Адзюбжа заселялась на обоих берегах, и поскольку название села связано с географическим положением в междуречье, то ясно, что историческое ядро его располагалось между руслами Малого и Большого Кодора, т. е. на правом берегу реки. На этом участке были более благоприятные почвенно-климатические условия. На это, в частности, указывает и то, что представители многих фамилий, ныне проживающих на территории Адзюбжи: Акышаа, Жениаа, Кациаа, Делаа, Допуаа и др., считают себя выходцами с правобережья Кодора. Это подтверждается и топонимикой. Так, например, на правобережье сохранились то-

[1] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собр., пер. на рус. яз., предисл. и коммент.: Г. А. Амичба. Сухуми, 1986. С. 75.

[2] Брульенная карга Абхазии (Брульон (фр.) — первый набросок чертежа или рисунка (Словарь иностранных слов. — М., 1982). 1814 г. ЦГВИА. Ф. 416. Д. 313.

[3] См.: Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губернии и областей. Абхазия. 1843 г.

[4] Джанашиа Н. Село Адзвибжа или Швацкали (Абхазия)//Газ. «Иверия». №200. 1897 г. (на груз. яз.); «Метрические книги Грузино-Имеретин-Синодальной конторы Адзюбжинской Рождества-Богородицы церкви Сухумской епархии». 1910–1911. Абхазский республиканский архив загсов.

понимы «Быджгуа Канхуа икакан», что означает «грецкий орех Быджгуа Канхуа», «Делаа рдзых» — «Делбовых родник» и др. (см. историко-топонимическую карту низовьев реки Кодор в настоящей книге). Ш. Д. Инал-ипа, исходя из указания французского путешественника и ученого Дюбуа де Монпере о трех рукавах дельты реки Кодор, в одной из своих ранних работ в 1949 году писал: «*Указание Дюбуа о трех рукавах дельты реки Кодор соответствует, по-видимому, действительности. В настоящее время эта дельта разделяется на два рукава, причем земля между ними называется по-абхазски Уаджбина*[1]. *Вероятно, именно это междуречье послужило источником для названия Адзюбжа, действительно означающее междуречье. Что же касается третьего его рукава, упоминаемого Дюбуа, то это есть, надо полагать, Малый Кодор, протекающий вправо, недалеко от основного русла реки*»[2].

Разумеется, указания Ш. Д. Инал-ипа и Дюбуа де Монпере о наличии трех рукавов у реки Кодор верны для определенного времени. Следует также подчеркнуть, что картографические источники первой половины XIX века (см. выше) центр села указывают в междуречье Малого и Большого Кодора. Да и по свидетельствам старожилов, в прошлом Адзюбжей называлась территория между Малым и Большим Кодором[3]. Вместе с тем, согласно письменным источникам и другим материалам, Адзюбжа — это собирательное название местностей и поселений, разбросанных как на левобережье, так и правобережье реки Кодор, включая территорию современных населенных пунктов Бабышира (Бабушера) и Куараш, то есть пунктов, расположенных западнее Аджбна[4].

[1] По-абхазски Аджбна. Перевод с абх. *адж* — «дуб», абна — «лес».

[2] Инал-ипа Ш. Д. О топонимике Очамчирского района. Рукопись. 1949. С. 16.

[3] Кварчиа В. Е. Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР. Ч. 1. Сухуми, 1988. С. 20 (на абх. яз.).

[4] Напр., некоторые представители адзюбжских фамилий (Жениаа, Мацаа, Кациаа и др.) выводят себя из Бабыширы-Куараша.

Фрагмент карты Западной части Кавказского края, 1842 г.

На карте Западной части Кавказского края, составленной в 1842 году, Адзюбжа в форме Авидзибжара (Авиджибзара) также указана на том же месте, на правобережье современного Кодора[1]. А на левобережье реки, в районе храма Мармал-абаа. на той же карте указывается пункт Кодор[2].

Отсюда можно предполагать, что появление интересующего нас названия восходит к более древнему периоду, когда и левобережье Кодора, и междуречье одинаково назывались вслед-

[1] Карта Западной части Кавказского края, составленная из топографических сведений, собранных о Закубанских горских народах и дополненная расспросами 1842 года. Тифлис. См.: Карта Кавказского края. Тифлис. 1847 г.

[2] Карта Западной части Кавказского края; Большой Всемирный настольный атлас Маркса. СПб., 1905. Л. 29.

ствие приуроченности их к реке (почему и Драндский собор на правобережье Малого Кодора также назывался Кодорским)[1]. Это обстоятельство объясняется отчасти «хуторским типом расселения, который был доминирующим у абхазов еще в середине XIX века. В работе «Сведения об удобствах...» читаем: *«Дома* (абхазов. — О. М.) *строятся каждым семейством отдельно, иногда на 1/2 версты один от другого, почему деревни, имеющие одно название, занимают обыкновенно большое пространство»*[2].

Фрагмент карты Кавказского края, 1847 г.

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. Т. 1. С. 151; Карла Серена. Путешествие по Абхазии. Проект, редакт., предисл. и коммент.: Денис Чачхалиа. Пер. с фр. Риммы Черниковой. М., 1999. С. 113.

[2] Сведения об удобствах квартирного размещения… С. 17.

Тот факт, что пункт Кодор (Гото) упоминается в более ранних письменных документах, чем Адзюбжа, легко объясним – последнее название трудно выговаривалось иностранными авторами. Местные же поселенцы издавна пользовались названием Адзюбжа, отражавшим характер центральной части этого поселения — междуречье. Тождественность названий Кодор и Адзюбжа подтверждается архивным документом 1830 года, где в числе населенных пунктов «Абхазского общества»[1] называется Кодор (или Аджупсан)[2]; «Сведениями об удобствах...», где говорится: «...ниже селения Кодор-Адзабжи..»[3], а также статистическими материалами первой половины XIX века, в которых при упоминании названий «Кодор» и «Адзюбжа» указывается одно и то же количество дворов. Так, Абрюцкий в 1831 году с. Кодор называет (как это было принято тогдашней русской администрацией, по месту дислокации российских воинских частей) в числе населенных пунктов, располагавшихся на территории нынешнего Гулрыпшского района с населением в 240 дворов[4]. Спустя семь лет, т. е. в 1838 году, А.Д. Нордман упоминает название села в форме «Адзвебша», близкой к абхазской «Адзюбжа». Более того, у него совпадают с Абрюцким данные о численности населения села, назвавшим этот пункт Кодором[5].

Конкретное указание местоположения села Кодор приводит также французский путешественник и коммерсант Поль Гибаль, побывавший здесь в 1818 году: *«Мне хотелось осмотреть село Кодор...,* — пишет он, — *и я попросил у князя*

[1] Современный Г'улрыпшский район Абхазии.

[2] ЦГВИА, ВУА, ф. 414, №301, л. 18 об. Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми. 1965. С. 361. В данном случае ойконим Аджупсан — это, несомненно, Адзюбжа.

[3] Сведения об удобствах... С. 5.

[4] Абрюцкий 2-й. Статистический взгляд на Абхазию // Краткие исторические сведения об Абхазии / Тифлисские ведомости. 1831 г. № 27–29.

[5] Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1838. № 11. С. 422.

Мана[1] *... разрешения поехать туда, чтобы сделать разные покупки... Один молодой турок, уроженец этого побережья, согласился провести меня туда тайком, чтобы показать очень древнюю церковь, расположенную в двух километрах от берега. Но мой бедный проводник так боялся, что его застигнут врасплох во время этой любезной услуги, что не дал мне возможности что-либо внимательно осмотреть. Я считаю, что эта церковь довольно красива, она достаточно велика, чтобы вместить несколько сот человек, и в ней все очень хорошо сохранилось»*[2].

Древняя церковь, о которой пишет П. Гибаль, вмещающая несколько сот человек, по всей видимости Драндский храм, ибо вблизи интересующего нас региона никаких аналогичных по размерам и значимости храмов нет (что касается храма Мармалабаа, расположенного на территории современной Адзюбжи, то он является сравнительно небольшой церковью).

Изменения русла реки Кодор, о которых будет более подробно сказано в дальнейшем, приводили к нестабильности границ между отдельными поселениями Адзюбжи. В связи с этим возникали многочисленные споры между собственниками земельных угодий.

В этом отношении большой интерес представляют материалы 60–70-х годов XIX века управляющего имением князя Г.Д. Чачба-Шервашидзе, А. Пахомова, с которыми он обратился в Сухумскую сословно-поземельную комиссию для ограждения имений своего хозяина, князя Чачба-Шервашидзе, от земельных притязаний других землевладельцев.

Перечисляя земли, входившие в имение Георгия Чачба-Шервашидзе (правнука Келешбея Чачба–Шервашидзе, владе-

[1] Маана.

[2] Поль Гибаль. Одесса. 20 января 1821 г. Дневник моего путешествия от Черного моря до Каспийского и от Астрахани до Таганрога. (Начат 21 марта 1820 года и окончен 20 декабря того же года). Пер. с фр. Р. Г. Крючкова. Сухуми, 1965. С. 29–30.

тельного князя Абхазии), и обосновывая поземельные права его отца, князя Димитрия, на правобережье реки Кодор — поселение Ауарча (Аварче), А. Пахомов пишет: «*Многие теперь говорят, что владение покойного князя Димитрия простиралось только до Малого Кодора* (с северо-запада до Цкыбына-Дранды. — О. М.). *Это или совершенно ложно или, может, тут есть ошибка относительно течения реки Кодор. Известно, что Кодор, подобно Ингуру, Риону и другим горным рекам, пробегающим по глинистым долинам, часто меняет свое русло. Малый Кодор совершенно справедливо принимается за старое русло большого Кодора и отсюда весьма натурально могла возникнуть в последнее время мысль, что именно в этом направлении бежал Большой Кодор, в то время, когда Гасан-бей* (четвертый сын Келешбея от цебельдинской княжны Амаршан Кацицха. — О. М.) *получил свой надел и что именно это русло (известно ныне под именем Малого Кодора), служило границей Абхазского округа с Абживским* (Абжуйским — О. М.) *и по этому расчету селение Аварче не должно было принадлежать покойному князю Димитрию. Между тем положительно известно, что князь Димитрий владел этим имением бесспорно и распоряжался в нем как хотел. Самое поселение там аамыста Маргани доказывает принадлежность этого имения князю Димитрию. Поэтому я полагаю, что в то время, когда Гасан-бей получил от Кялым-бея* (Келешбея. — О. М.) *свой удел* (Абхазский округ, между реками Кодор и Шыцкуара. — О. М.), *то старый Кодор находился на том же или приблизительно на том же месте, где теперь течет Кодор, который в такой долгий промежуток времени мог не раз переменить русло. По крайней мере, я положительно знаю, и это подтвердят все абхазские старики, что Аварче всегда составляло часть Сухумского округа и, стало быть, имения князя Георгия Димитриевича*»[1].

[1] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Тбилиси, 1957. Т. 7. С. 298.

Разумеется, трудно в настоящее время определить, где протекал тогда старый (Малый) Кодор. Для этого необходимо проведение соответствующих гидрологических исследований, но бесспорно, что Кодор часто менял свое русло, что и было причиной возникавших недоразумений. Границы же между округами в тот период не были устойчивыми. В одном из документов за 1834 год, например, говорится, что «границы Абжибского округа[1] проходят между реками Галидзгою и Адзипис[2] (она же Пшап), а не Кодором»[3]. Вместе с тем, если даже исходить из предположения Пахомова о прохождении границы между Сухумским округом, образованным в 1864 году, и Абжуйским по Большому Кодору и вхождении Уарчи в Сухумский округ, то граница эта являлась, разумеется, административно-условной, определенной тогдашней русской администрацией, а посему местное население правобережья Кодора считало себя по праву жителями Адзюбжской «общины», то есть частью Абжуйской Абхазии. Другими словами, река Кодор тогда служила не разделительной границей, а собирательным наименованием урочища, на котором располагалась Адзюбжская «община» (акыта). И, несмотря на введение в крае русского управления и часто происходившими административными преобразованиями, в результате чего правобережье с первой половины XIX века относилось то к Абхазскому, а то Сухумскому, Драндскому округам, то к Гумистинскому участку, население этих мест считало себя адзюбжцами. Народный поэт Абхазии, ученый и просветитель Д.И. Гулиа, в частности, пишет о себе как об уроженце Адзюбжской общины[4]. А представитель абхазской диаспоры,

[1] Абжуйского.

[2] Адзапш.

[3] Подробное описание Абхазии, составленное из лучших известий об Абхазии в 1834 году // Собрание отдельных поступлений Ленинградской публичной библиотеки им. С.-Щедрина в 1928 году. №554/1, 554/2. Л. 13.

[4] Гулиа Д. И. Собр. соч. Сухуми, 1986. Т. 6. С. 258.

врач из Стамбула Яшар Кациа, утверждает: «Мы адзюбжцы и до махаджирства жили в Бабышьира»[1].

Что касается территории, входившей в Авидзибжару — Адзюбжу (Междуречье) с западной стороны (правобережье современного Малого Кодора) еще до середины XIX века, то она прослеживается по нижнему течению реки Кодор. Так, на Квартирной карте Абхазии отчетливо прослеживаются три самостоятельных рукава Кодора при его впадении в море — собственно Кодор, северо-западнее Дранды (Цкыбына); второй рукав к юго-востоку от Дранды; а еще восточнее (в районе современного Кодорского моста) — третий рукав[2]. В Междуречье располагались Дранда-Цкыбын, Допуакыт (Эстонка), Кацикыт (Владимировка)[3]. Согласно А. Пахомову, границы с. Цкыбын (Цхубен), или Дранда, определялись таким образом: «...с запада речка Адзапш, отделяющая Цхубен от Пшапа, с юга — море, с востока селение Бабыш-ира и старое русло Кодора, с севера селение Допуакыт и Кац Игыларта»[4]. Село Допуакыт впервые упоминается А. Д. Нордманом. Пахомов указывает следующие границы села:

«С юга селение Аварче, с запада — Кац Игыларта и Цхубен, с севера часть Кац Игыларта и Гердзеула, близ Наа и с востока Большой Кодор»[5]. В 1881 году, здесь, в покинутом абхазами селе, образовалось эстонское село Эстонка. В приложенном к карте Чачба-Шервашидзе списке населенных пунктов Абхазии прямо указывается «Эстонка — быв. Допуакыт»[5].

Вышеназванные населенные пункты правобережья Кодора — Цкыбын, Допуакыт и Кацикыт или Кац Игыларта (по-

[1] Записано со слов А. К. Кация осенью 1998 г. в г. Сухум.
[2] Квартирная карта Абхазии // Сведения об удобствах...
[3] Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. Сухум, 2002. С. 340 (на абх. яз.).
[4] Пахомов А. Исторические записки... С. 284.
[5] Там же. С. 304.
[6] Кварчия В. Е. Ойконимы Абхазии... С. 59.

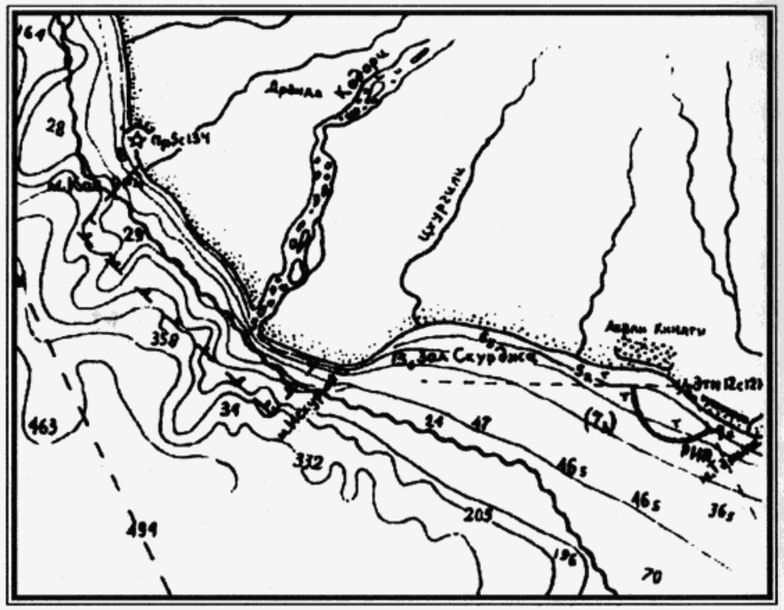
следнее — территориально в составе Кодор — Адзюбжи) в первой половине XIX века (1830-е годы) входили в Абживский (Абжуйский) округ[1]. Это подтверждается данными «Лоции Черного моря» за 1851 год, где о Кодорском мысе и собственно реке говорится, что *«Кодор впадает близ мыса одного с ним имени... Она (река Кодор) обтекает укрепление Дранды»*[2]. Важным свидетельством в пользу положения, что основное русло реки Кодор в указанный период пролегало северо-западнее Цкыбына — Дранды, является и следующее обстоятельство. В районе Дранды, между урезом вод Кодора и Драндской возвышенностью, имеется перепад высот в 35–40 м, тогда как выше Кацикыта (Владимировка) он составляет от 2 до 5 м. По этой равнине, по мнению геолога Н. Заграчева (устное сообщение), основной Кодор в определенные отрезки времени прорезал себе русло и неоднократно через эту равнину в обход Драндской возвышенности с запада. Геолог считает, что это подтверждается наличием в этом районе мощных аллювиальных отложений.

Фрагмент Квартирной карты Абхазии. 1843 г.

[1] Путешествие профессора Нордмана... С. 422.
[2] Лоция Черного моря. Г. Николаев. 1851. С. 41.

По данным письменных источников второй половины XIX — начала XX веков, руслом Большого Кодора служил Малый Кодор[1]. Об этом свидетельствует и современная навигационная карта Черного моря, на которой при впадении Малого Кодора в море указан «Мыс Кодор»[2]. В настоящее время Малый Кодор является самостоятельной рекой, не связанной с основным руслом Кодора. По сообщению гидрогеолога Ф. Чернышева, Малый Кодор берет

Фрагмент навигационной карты Кавказского берега: Черное море (от мыса Пицунда до порта Батуми). 1989 г.

[1] Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии на Кавказе, близ г. Сухума. Историко-археологическое описание епископа Агафодора. Ставрополь, 1894. С. 5–6. См.: Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии... С. 298; Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913. С. 226; Топографическая карта Сухумского округа. Хранится в фондах Управления по геологии, геодезии и картографии Республики Абхазия. Сухумский военный округ просуществовал с 1883 по 1919 г. (История Абхазии. Сухум, 1991. С. 218).

[2] См. карту: Черное море. Кавказский берег. От мыса Пицунда до порта Батуми. Масш. 1:2000000. Главное управление навигации и океанографии Министерства обороны СССР. Пер. изд. 17–111–1989 г. При этом поселения Эстонка и Владимировка (Допуакыт и Кацикыт), расположенные ныне на правобережье Кодора, согласно топографической карте Сухумского округа, в конце XIX в. располагались на левобережье Кодора (см.: Топографическую карту Сухумского округа).

свое начало в районе с. Адзына (Старо-Черниговское), длина реки 14 км, питание сугубо дождевое.

Дюбуа де Монпере относительно низовьев Кодора писал: *«Вся дельта реки Кодор, разделяющаяся так же, как и Нил, на три рукава, представляет, кажется, результат наносов самой реки. Берег равнины, омываемый морем, вырезан лоскутами отмелей, или мысами: самые главные — Кодор и Искурия»*[1].

В официальном руководстве для плавания «Лоции Черного моря», изданном в 1987 году, приводятся следующие сведения: *«Мыс Кодор — ... незначительно выступает от берега. Мыс этот низок и порос лесом. Почти в двухстах метрах от мыса Кодор находится высотное здание, имеющее вид треугольника, хорошо приметное со всех сторон на расстоянии более одного километра. В 940 м от мыса Кодор установлен одноименный маяк.*

Залив Скурча незначительно вдается в сушу между мысом Искурия на западе и мысом Тамыш на востоке. Этот небольшой залив открыт ветрам. Мыс Искурия находится в 7408,6м (4,2 мили) к юго-востоку от мыса Кодор. Мыс Искурия, беловатая конечность которого приметна, — низкий, а лес на нем высокий...»[2].

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С. 145.

[2] Лоция Черного моря. Л., 1987. С. 347–349. Согласно данным геологов, в раннеантичное время Кодорский мыс вдавался в море на расстояние полутора километров дальше, чем современный берег (устное сообщение Н. Заграчева). При этом они исходят из того, что в этот же раннеантичный период Гумистинский мыс имел 2-километровый выступ в море. (Трапш М. М. Труды: в 4-х т. Древний Сухум. Сухуми, 1969. Т. 2. С. 212–213). Что касается самой реки Гумиста, то она, как известно, в тот период впадала в море в районе современного Сухума и постепенно ее русло переместилось на 6 км к западу. А основное русло реки Кодор впадало в море, как указывалось, также западнее (примерно на 5–6 км) ее современного русла. Следовательно, древние дельты Кодора и Гумисты располагались ближе друг к другу, а расстояние между выступами мысов сокращалось до 13–16 км, т. е. на расстояние, примерно, как от нынешнего Сухумского маяка до населенного пункта Агудзера (абх. Абгызырра).

Мыс Искурия расположен, как известно, к востоку от Большого Кодора. На картах конца XVIII и начала XIX веков, Искурия в том же районе отмечается как торговая пристань. Поль Гибаль вместо названия Искурия использует современную форму — Скурча[1]. На левобережье реки Кодор и в настоящее время существуют одноименная местность и две речки под названием Скурча (см. историко-топонимическую карту). Вместе с тем, картографические источники начала XX века речку и местность Скурча указывают и на правой стороне реки Кодор (Малый Кодор), в районе современной Бабыширы[2]. *«В настоящее время,* — писал К.Д. Мачавариани по этому же поводу, — *два разных места носят название «Скурча»: одно из них находится на левом берегу Кодора, а другое — на правом»*, и у одного, и другого места имеются небольшие заливчики[3]. Указываемая источниками начала XX века на правобережье Кодора р. Скурча сейчас течет в районе, где раньше, согласно «Квартирной карте Абхазии», протекал основной Кодор (т. е. к северо-западу от Цкыбына-Дранды). Сейчас р. Скурча (как и Малый Кодор) является самостоятельной речкой, тогда как раньше, по данным геологов, она являлась притоком реки Кодор.

Таким образом, следует допустить, что исторически Адзюбжей, в широком смысле, называлась территория между двумя Скурчами — западной и восточной, поэтому низовья реки Кодор назывались Скурчей, чем и пользовались главным образом жители верховьев реки для удобства в торгово-экономических, военных и других целях.

---

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С. 150.

[2] Карта Черноморского побережья Кавказа, с показанием направления Черноморской ж. д. (по предварительному проекту). Конец XIX века; Апсны ахсаала (Карта Абхазии). 1912 г. Сост. на абх. яз. шт.-кап. кн. М. Л. Чачба-Шервашидзе; Карта ССР Абхазии (Издание Центрального склада Наркомпроса ССР Абхазии). Сухум, 1926(7); Карта памятников материальной культуры Абхазской АССР. Сост. И. Адзинба. 1939.

[3] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель... С. 226.

Три основные рукава Кодора, приводимые Дюбуа де Монпере, Ш.Д. Инал-ипа определяет как Большой, Малый и Средний рукав. Там же Ш.Д. Инал-ипа добавляет: *«Правда, согласно преданию, и на левой стороне устья протекал некогда еще другой самостоятельный рукав, следы русла которого заметны во многих местах»*[1].

О том, что число рукавов у Кодора со временем менялось, свидетельствует и К. Кудрявцев. По его данным, в первой половине XX века Кодор ниже поселения Наа разбивался на рукава и в 15 верстах от моря он снова делился на рукава, число которых в некоторых местах достигало шести[2].

По свидетельству старожилов, в прошлом Кодор, протекая через дубраву Багланской низины (подтверждением чему, как считают они, служат дубы, которые несла река по течению), впадал в море у мыса Искурия (Скурча). Можно допустить, что в районе Скурчи впадал в море не сам Кодор, а один из его рукавов. Видимо, этот рукав и есть Мармал или Искурия, о которой упоминает Дюбуа де Монпере[3]. Очевидно, за более полутораста лет, со времени, когда здесь побывал Дюбуа, Мармал исчез (Мармал не фиксируется и в современной гидронимии Адзюбжи), другими словами его поглотило основное русло Кодора. Что касается происхождения самого наименования рукава реки Мармал (Мармал переводится с абх. языка как мрамор), то оно, по мнению Н. Заграчева, связано с наличием в пойме Кодора каменного материала — известняка, мрамора и мраморовидного известняка (как известно, в верховьях реки Кодор имеется много выходов этих пород), которые несет Кодор, что, видимо, и дало повод назвать этот рукав реки — Мармал.

---

[1] Инал-ипа Ш. Д. О топонимике Очамчирского района... С. 16.

[2] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми, 1922. С. 9

[3] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С. 150.

Дельта реки Кодор представляет собой почти плоскую (местами с береговыми валами) равнину со слабым наклоном к морю, которая характеризуется аккумулятивным рельефом, сформировавшимся в результате устойчивого погружения краевой части Черноморской тектонической впадины. Погружение впадины частично компенсировалось выносами большого количества крупнообломочного материала, сносимого с южных склонов Большого Кавказа рекой Кодор и подобным ей крупным абхазским рекам, впадающим в Черное море.

Сам морской берег сложен речными выносами (нынешний Бабыширский аэропорт, к примеру, также образован наносами реки Кодор), от общего количества которых и зависит состояние морского берега, (наибольшее количество наносов приходится, как правило, на период весеннего половодья).

Низовья реки Кодор. Вид сверху.
По материалам Государственной экологической инспекции Республики Абхазия. Фото 2000 г.

Согласно проведенным исследованиям, Кодор дает в год 200 тыс. тонн пляжеобразующего стока. Однако большая часть береговых наносов поглощается подводными каньонами (к устью реки приурочено шесть основных каньонов)[1]. Кроме того, интенсивному размыву берега способствует нерациональная эксплуатация балластного материала на пляжах. До постройки Очамчырского мола кодорский поток доходил почти до устья р. Ингур, т. е. длина его составляла 68 км, а мощность потока у мола составляла 60 тыс. м^3 [2].

Пойма Кодора, по мнению геологов, примерно за 20 тыс. лет расширилась от современного населенного пункта Пшап на юго-восток до с. Кындыг. С конца XIX века инженерными сооружениями (буны, защитные стены и др.) пойма реки неоднократно заключалась в ограниченное пространство, однако после каждого наводнения река разрушала эти укрепления. По сообщению Н. Заграчева, р. Адзапш (или Пшап), являющаяся естественным рубежом между селами Пшап и Дранда, раньше являлась притоком Кодора (подобно р. Кяласур, которая являлась левым притоком р. Гумиста). Причиной расширения поймы Кодора и смещения его основного русла на юго-восток, могло послужить, по мнению Н. Заграчева, «сводовое» поднятие суши, происшедшее на территории Абхазии в четвертичный период. В настоящее время, как можно судить по остаткам отложений, общая ширина поймы реки достигает 18 км. О том же, что в четвертичное время к юго-востоку от устья р. Кяласур береговая полоса шириной в 500 м была также покрыта

[1] Помимо устья реки Кодор, подводные каньоны находятся у Пицундского мыса — в устье реки Бзыбь; у Сухумского мыса — в устье реки Гумиста, а также в устье реки Ингур. Глубина основного каньона в устье Кодора — от 30 до 100 м (см. карту: Черное море. Кавказский берег. От мыса Пицунда до порта Батуми...). По данным Ф. Чернышева, в устье Кодора в результате донных отложений в течение 1999 года дно реки поднялось до 25 см (в 1988 году максимальный уровень реки составлял 154 см, тогда как годом ранее 130 см).

[2] Человек и окружающая среда. // Сб. статей. Сухуми, 1977. С. 62.

водой, свидетельствует присутствие там морских отложений, перекрытых более молодыми речными отложениями[1].

Название «Кодор» (по-абх. — Кудры) в Абхазии носила еще и другая река, протекавшая в прошлом вблизи Пицунды. Так, на одной карте Абхазии 1846 г. показана *«бзыбская речка Кудрата, впадающая в Пицундское болото»*[2]. И ущелье этой реки до сих пор носит название «Кудырта». Слово «Кудры» (Куды-ра), по Х. С. Бгажба, состоит из основы «Куд» и суффикса «ра», придающего основе собирательное или абстрактное значение[3]. Под названием «Кодор», например в Грузии, известно несколько географических объектов. Так, в Цхакаевском районе имеется местность Кодори; в бассейне р. Риони, в верховьях Пичоры известны Кодорская гора и пункт Кодори[4]. В переводе с арабского «Кодор — «мутная»[5].

В «Сведениях об удобствах квартирного размещения...» сообщается: *«Кодор — из самых больших рек в Абхазии, имеет свое начало в Главном хребте Кавказа, протекает по глубокому ущелью и, приняв много горных речек, выше села Адзидакаро* (Азыдакуара. — О. М.) *в 20 верстах от моря, разделяется на два главнейших рукава — Южный — течет к юго-западу, до впадения своего в море ниже селения Кодор — Адзюбжи, а Северный — тремя рукавами* (на карте же Абхазии, прилагаемой к цитируемому источнику, указаны только два рукава. — О. М.) *впадает в море... Дно этой речки каменисто, вода здоровая»*[6].

[1] Геологическая карта Абхазской АССР. Масш. 1:100000 / С. Г. Букия, Е. М. Абамелик. 1968 г.; Букия С. Г., Колосовская О. В. и др.; Геологическая карта и карта полезных ископаемых Абхазской АССР. М., 1971. С. 96–97.

[2] Ростовцев А. А. Пицундская сосновая роща. ЗКОРГО. Кн. XXIX. Вып. 4. Тифлис, 1916. С. 28.

[3] Бгажба Х. С. Этюды и исследования. Сухуми, 1974. С. 173–174.

[4] Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 386.

[5] Хагуш Б.А. Вопросы топонимики в абхазском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухум, 2000. С. 263.

[6] Сведения об удобствах квартирного размещения... С. 5.

Кодор наиболее значительная из рек Абхазии. Образуется слиянием рек Сакена и Гвандры, берущих начало на юго-западных склонах Большого Кавказа. Длина реки Кодор 117 км[1], площадь бассейна — 2030 км^2, ср. годовой расход 119 м^3/сек.[2]

По мнению исследователей, наиболее крупные реки Абхазии, к числу которых относится и Кодор, из-за узости поперечных долин, проложили свои русла вдоль тектонических структур[3].

Реки Абхазии выносят большое количество твердого стока — крупного и мелкого обломочного материала. Величина выноса твердого стока зависит от площади бассейна, от состава подстилающих пород, от скорости течения реки, количества атмосферных осадков и типа питания реки. По мнению специалистов, из всех рек Абхазии у Кодора самый мощный твердый сток, наибольший бассейн и наибольший уклон падения[4].

Кодор из всех рек Абхазии является наиболее многоводной, так как в его бассейне выпадает большое количество осадков[5].

Исследователь гидрологии и минеральных источников Абхазии С.П. Басария отмечал, что Кодор, как и другие горные реки Абхазии, низвергаясь с большой высоты, даже выйдя на равнину, движется стремительно — со скоростью не менее 55 узлов в час, почему она и непригодна абсолютно для плавания даже маленьких судов[6]. В 25 км от устья река выходит на низменность и

[1] См. напр.: Грузинская советская энциклопедия. Тбилиси, 1981. С. 322. Вторая крупная река Абхазии — Бзыбь, имеет длину 110 км, площадь бассейна 1510 км^2, ср. годовой расход 5,8 м^3/сек. (Там же). См.: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы... С. 38.

[2] Географический энциклопедический словарь. М., 1989. С.241

[3] Куфтырева Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. Сухуми, 1961. С. 143. К числу таких рек относятся: «Хашупсе с Сандрипшом, Бзыбь, Сакен. Чхалта, Брамба» и др.

[4] Природа Абхазии...С, 152.

[5] Там же.

[6] Басария С.П. Избр. соч. Сухуми, 1967. С. 118.

при впадении в Черное море образует дельту, протяженностью в 5 км[1]. Средний расход воды Кодора в низовье, в районе Адзюбжи, составляет 125 м³/сек.[2]

Весной и летом в период усиленного таяния снега и льда в горах, а также осенью из-за продолжительных дождей, и особенно тогда, когда они накладываются друг на друга, формируются паводки[3]. Во время максимальных паводков расход воды на Кодоре увеличивается в 10 раз[4]. В такие периоды нередко случались довольно сильные наводнения, как например, это имело место в ночь с 7 на 8 июля 1986 года, когда в результате чрезмерно интенсивных ливневых дождей вода на реке Кодор вышла из берегов и затопила прибрежные села в низовье[5]. В памяти народа сохранились воспоминания о таких наводнениях, которые уносили человеческие жизни. Известный абхазский просветитель, уроженец с. Адзюбжа, А. М. Чочуа приводит случай, когда в конце XIX — начале XX века, в начале лета, «река Кодор вышла из берегов, неся с собой кустарники, пни и целые деревья». У места переправы, где впоследствии был построен Кодорский мост, «*паром был сорван и унесен вниз, к морю*»[6].

В народе полагали, что причиной частых наводнений на Кодоре является его приток Амткиал[7]. Отсюда и поговорка: «Кудры зырмакруа Амткьал оуп» — «Кодор ворчит (грозится, бурлит) из-за Амткиала». По мнению Н. Заграчева, причина

[1] Природа Абхазии... С. 161.

[2] Географический энциклопедический словарь. М., 1989. С.241

[3] См. Атлас Грузинской ССР. Тбилиси–М., 1964. С. 193–194.

[4] Лашхия Ш. В. Абхазская АССР. Природные ресурсы и хозяйственная практика. Тбилиси, 1982. С. 130.

[5] Бебия С. М. Почвозащитно-водоохранительная роль лесов // Земля - наша кормилица. Проблемы охраны земельных ресурсов Абхазии. Сухуми, 1988. С. 36.

[6] Чочуа А. М. Избр. соч. Тбилиси, 1987. С. 25.

[7] Под названием Амткиал (Амткьал) в долине реки Кодор известны: река (один из притоков Кодора), озеро, населенный пункт.

частых наводнений на Кодоре коренится в резком изменении конфигурации и сужении русла реки в местности Амткиал, что вызвано переходом относительно мягких горных пород (глинистых сланцев, аргелитов и др.), выстилающих дно русла, в более твердые (известняки, доломит). Река Кодор у слияния с Амткиалом из широкой лощины переходит в каньонообразное русло, скорость потока воды в реке резко возрастает, вследствии чего она начинает бурлить.

Прибрежные населенные пункты — Адзюбжа (вместе с Атарой), в отличие от остальных сел Кодорского участка, с наступлением лета часто страдали от безводья в результате продолжительной засухи[1] (особенно левый высокий берег). Население в такие периоды пользовалось колодезной водой или часто высыхавшими речками (Нартоу, Дабакур, Хиачпан, Азтаха, Куатапей и др.), которые в настоящее время обмелели.

Государственный и общественный деятель С. Я. Чанба в 1912 году ставил вопрос о необходимости искусственного водоснабжения указанных населенных пунктов из реки Кодор[2].

2. Скурчинская заповедная территория

В июле 1971 года на территории села Адзюбжа был учрежден Скурчинский заказник (далее в тексте заповедник, см. историко-топонимическую карту) в целях сохранения и охраны колхидской флоры третичного периода, особенно ценных древесных реликтов. Общая площадь заповедника составляет 85 га. Из них 70 га покрыты лесом: 44 га —

[1] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель...С. 118.

[2] Чанба С. Я. На пути к сознательности (статьи и заметки. 1911–1916 гг.). Сухум, 1982. С. 9–10.

ольховые леса, 19 га — самшитовая роща, около 5 га — эвкалиптовые и примерно 2 га — бамбуковые плантации; 8 га занимают поляны, 6 га — песчаный пляж[1]. Заповедник был создан на базе Приморского лесничества Очамчырского лесхоза. В 1977 году заказник был присоединен к Псху-Гумистинскому заповеднику. Своим учреждением Скурчинский заповедный участок обязан ученым-лесоводам В. Гулисашвили, А. Кобахия, А. Тарасову и С. Бебия.

В настоящее время на Скурче произрастают некоторые виды древнейших реликтовых растений. Среди них самшит колхидский (ашыц), инжир, рододендрон понтийский (ахуажэ), плющ колхидский, обвойник греческий, сассапариль высокий (агьымаркатыл), и др. Примечательно, что эти растения сохранили некоторые биологические особенности, которые они имели в третичную эпоху, будучи тогда в составе еще тропических и субтропических лесов. Например, дуб Гартвиса[2], инжир, лапина крылоплодная по-прежнему имеют несколько периодов роста и по два цветения в году[3].

В заповеднике произрастает около 30 видов древесных пород, кустарников и лиан. Некоторые из них как редкие или

---

[1] Кобахия А., Тарасов А. Леса Абхазии... С. 17; Заповедники СССР. Заповедники Кавказа. М., 1990. С. 124, 132, 133.

[2] В честь Гартвиса, бывшего (1824–1869) директором Никитского ботанического сала в г. Ялта (Крым). См. Флора СССР. Л., 1936. Т. 5. С. 337. Н. А. Гартвис — знаток природы и сельского хозяйства Кавказа — оказал большую помощь в устройстве Сухумского ботанического сада. С 1837 по 1855 гг. им были организованы четыре научные экспедиции по Кавказу, в том числе и Абхазии. Изучая местную флору, члены экспедиции одновременно собирали саженцы для Никитского ботанического сада. (Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970. С. 97–98).

[3] Кобахия А., Тарасов А. Леса Абхазии. Сухуми, 1984. С. 17: Заповедники СССР. Заповедники Кавказа… С. 132. На Сухумской горе и в окрестностях с. Атара обнаружены отпечатки листьев деревьев и кустарников, произраставших на побережье Абхазии 2–5 млн лет тому назад, всего более 200 видов. (Природа Абхазии... С. 196).

исчезающие — самшит колхидский, тис ягодный (аа, аацла), плакучка колхидская (акампыр), лапина крылоплодная и др. — занесены в Красную книгу.

Большую научную ценность представляет Скурчинская самшитовая роща. Возраст отдельных экземпляров самшита в Скурче от 100 до 160 лет, а некоторых около 200 лет, более же старые не сохранились. Высота деревьев — 6–7 м, диаметр — 10–12 см. На небольших площадях есть чистые самшитники, без примеси других деревьев. Обычно в самшитовых лесах встречается ольха бородатая, лапина, грабинник, инжир и др. Под пологом леса в большом количестве сохраняется подрост самшита.

На Скурче до сих пор встречаются крупные пни тиса ягодного (Кавказское красное дерево), отдельные из которых в диаметре достигают 1,5 м.

К сожалению, в настоящее время заповеднику не оказывается должное внимание. Территория его нуждается в опеке органов власти (и не в меньшей степени населения) с. Адзюбжа и Очамчырского района. Однако вместе с тем не следует забывать, что для защиты и охраны природы на благо общества недостаточно только принятия природоохранных законов и санкционирование административных мер. Это постигается, прежде всего, благодаря экологическому просвещению населения. Более 80 лет назад известный исследователь Кавказа, лесовод Д. И. Сосновский писал: «*...необходимо, чтобы бережное отношение не только к заказникам, но и вообще ко всей живой природе дошло бы до сознания народа, проникло в его плоть и кровь... Для этого необходимо, чтобы заботливое отношение к природе достигалось воспитанием в известном направлении, чтобы эту идею мог воспринять подготовленный ум... Только тогда, когда мероприятия природоохранной комиссии найдут себе отклики у самого коренного населения... можно считать охрану памятников природы обеспеченной*

вполне»[1]. Актуальность высказывания ученого неоспорима и в наши дни.

Значительный, возможно и невосполнимый ущерб экологии всей Скурчи был нанесен мощным Цкургильским заводом нерудных материалов, занимавшимся здесь выработкой гравийных и песчаных отложений, который в огромном количестве вывозился на стройки Западной Грузии.

Проблема загубленной заводом природы имеет свою предысторию.

В 1963 году в Москве вышла в свет повесть Георгия Гулиа «Скурча уютная». Красоту этого уголка Абхазии писатель воспел с большой любовью. В 1964 году Совмин ГССР принял постановление о строительстве на Скурче Цкургильского завода нерудных материалов. Под завод для добычи песка и гравия был выделен земельный участок площадью 97,33 га[2]. Срок эксплуатации карьера был определен 25-ю годами. Со временем выяснилось, что происходит хищническая эксплуатация недр Скурчи. Карьер стал захватывать территорию дюнных песчано-гравийных наносов, «непосредственно в пляжной полосе». В результате чего появились признаки наступления моря на берег. В 1967 году в Москве, в газете «Известия» появилось письмо представителей интеллигенции с. Адзюбжа под названием «Тревога с берегов Скурчи». В нем, в частности говорилось: *«Карьер продолжает расти, уродуя землю, вырывая с корнями вековые деревья, уничтожая растительность. За какие-то два года строители так «постарались», что появились признаки исчезновения дюновой полосы — захвата ее морем. На отработанных участках образовались болотистые грязевые водоемы...»*. В корреспонденции отмечалось, что *«с удивительной предприимчивостью руководство карьера приняло сдавать в аренду «под арбузы» частным лицам пустующие участки колхозных земель, а те с жаром продолжают хищническую раскорчевку леса...»*[1].

По просьбе редакции газеты «Известия» Г. Гулиа прокомментировал корреспонденцию из Абхазии.

«Бухта Скурча... начинается мыском на левом берегу звенящего Кодора и зеленой подковкой плавно обводит залив. Чуть голубовата, чиста и прозрачна его вода. Здесь же, на берегу, и рыбацкий поселок. Морской прибой и лес отделены широкой серовато-желтой полосой песка и гальки. Летом приезжают сюда те, кто ищет тишины.

Я видел много красивых мест. Я не скажу, что нет в мире бухты красивее. Скурча своеобразна. Скурча хороша по-своему. В десяти километрах от нее находится аэропорт, связывающий столицу Абхазии со всей страной. Скурчинская красота доступна всем, даже самым далеким жителям нашей страны.

К Скурче примыкают колхозные земли. Древняя колхидская растительность поражает всех прекрасной первозданностью... Дикорастущие груши, яблони, алыча, кизил, барбарис, ежевика. Даже тис — ценное красное дерево. Я помню озеро. Такое глубокое и ясное. Берега его — прибежище самых разнообразных птиц. Редкостная белая цапля взмывает медленно в небо...

В свое время я посвятил ей повесть «Скурча уютная» — точнее людям ее. Теперь, спустя несколько лет, я с грустью думаю о том, что все, о чем писал, скоро может стать памятью: нет здесь больше древней колхидской растительности, озеро изуродовано и превратилось в болото.

Я только что побывал на Скурче. Ущерб, нанесенный скурчинской земле, едва ли можно исчислить в денежном выражении.

---

[1] Сосновский Д. И. Охрана памятников природы на Кавказе // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Кн. XXVIII. Вып. 3. Тифлис. 1913. Цит. по: Заповедники СССР. Заповедники Кавказа... С. 6–7.

[2] Газ. «Абхазия». 21 сентября 1991 г.

[1] «Тревога с берегов Скурчи» // Газ. «Известия». 6 сентября 1967 г.

Сейчас речь идет о том, чтобы оградить Скурчу от полного уничтожения.

Я твердо знаю и убежден, что гибель Скурчи надо немедленно предотвратить. Да и, кстати, не мешает посмотреть, что делается на всем прекрасном побережье Абхазии, которое следовало бы все же по-хозяйски беречь, как бесценный дар природы»[1].

В юбилейном статистическом сборнике «Народное хозяйство Абхазской АССР за 60 лет» говорится о том, что Цкургильское предприятие нерудных материалов (ЦЗНМ) было введено в действие в 1975 году[2].

Фактически завод вступил в строй задолго до указанного в юбилейном сборнике времени — в 1964 году. «Ошибка» геологов, дававших в свое время заключение на строительство ЦЗНМ (карьер мог дать не 70% щебня и 30% песка, а наоборот, 30% щебня и 70% песка) нанесла серьезный ущерб экологии района[3]. Причем, запретив заводу расширяться одновременно ему позволили «в порядке исключения» углубляться в землю, т. е. осуществлять выборку инертного материала на глубине большей, чем предусматривалось первоначальным проектом. Эта мера определялась как «вынужденная», так как затягивалось строительство дробильно-сортировочного завода в Гальском районе.

На нарушение экологического равновесия в зоне всего Скурчинского залива обращалось внимание и созданной в 1986 году компетентной комиссии Зональной инспекции по охране природы Минлесхоза Абхазской АССР, Абхазской опытной лесной станции и ученых Сухумского ботанического сада.

В последующие годы природоохранными службами Абхазии вновь неоднократно ставился вопрос о закрытии ЦЗНМ,

[1] Тревога с берегов Скурчи...

[2] Народное хозяйство Абхазской АССР за 60 лет. Стат. сб. Сухуми, 1981. С. 110.

[3] Газ. «Абхазия». 21 сентября 1991 г.

которое, в конце концов, было намечено на 1 января 1992 года (завод, однако, так и не был закрыт). Совет Министров Абхазии постановил считать территорию ЦЗНМ и его окрестности рекреационной зоной и осуществлять в дальнейшем строительство здесь объектов с обязательным проведением независимой государственной экологической экспертизы. В результате деятельности карьерного хозяйства на Скурче стала наблюдаться аккумуляция аллювиального материала в глубь территории, а также дефицит аллювия в потоке береговых наносов. В 1991 году председателем ассоциации по интеграции научно-экономического потенциала (ИНЭП) И.А. Киртбая для Скурчи была предложена развернутая программа создания свободной экономической зоны (широко освещавшаяся в прессе и по телевидению).

Программа эта предусматривала производство, предпринимательство, торговлю, бартерные сделки с зарубежными странами, создание перевалочного пункта и т. д. Для реализации ее материальной части требовалось сооружение морского грузового порта на базе существующего озера, железнодорожного узла, автодороги, строительство производственных, торгово-деловых и гостиничных комплексов. Для нормальной работы и жизни не менее 10 тыс. служащих, плюс членов их семей и работников подсобных предприятий предусматривалось строительство зданий для жилья, медицинских, учебно-воспитательных, культурных, бытовых и других организаций и учреждений. Однако реализация этой заманчивой программы экономического развития Абхазии была в дальнейшем приостановлена.

Отгремела грузино-абхазская война. Через несколько лет после ее окончания, Скурча вновь привлекла к себе внимание.

Летом 1996 года Абхазию посетил посол США в Грузии Уильям Кортни и американские конгрессмены, о чем сообщал в статье «Торг у Скурчанского озера» в газете «Правда» И. Лен-

ский. Причиной визита послужил активно обсуждавшийся проект нефтепровода Баку — Новороссийск, который должен был пролегать через Грузию и Абхазию[1]. Естественно, грузинское руководство преследовало здесь не столько экономические, сколько политические интересы — привязывая к себе Абхазию. Однако у американцев был свой план: закончить маршрут нефтепровода в Абхазии. В районе Скурчи предполагалось создать мощный терминал. А это еще более отрывало бы Абхазию от России и привязывало к Грузии. Очевидно то, что создание такого терминала привело бы к гибели природы не только на территории Скурчи... Вместе с тем имеется давний проект размещения торгово-экономического морского терминала в районе г. Очамчыра. Еще в 30-е годы XX века возникла идея создания экономического центра Абхазии. Глава правительства Абхазии Н.А. Лакоба привлек крупнейших специалистов бывшего СССР к разработке такого центра. Место для него было выбрано к западу от г. Очамчыра, причем с учетом природоохранных мер. Удачно выбранное географическое положение, геодезические данные окрестностей, соответствующие требованиям строительства необходимых сооружений; близость транспортных коммуникаций и т. д. делали программу рациональной и перспективной. Началом ее реализации явилось строительство торгово-грузового морского порта с бухтой и молом, создание железнодорожного узла со своим депо, прокладка железнодорожной линии к Ткуарчалу и проведение ветки к порту. К сожалению, затем эту программу предали забвению. С началом Великой Отечественной войны Советского Союза порт был превращен в военно-морскую базу подводных лодок, а затем в базу пограничных морских охотников.

Скурча — это уникальная заповедная зона. Земля здесь наносная — тучная, что нельзя не учитывать при возведении строений промышленных сооружений, если мы не хотим повторения пицундской оплошности. Морской залив, близость реки Кодор, рельеф местности со своей сложившейся фауной и флорой, и, наконец, пресноводное озеро, отделенное от моря узкой полосой берега, создали своеобразную благодатную природно-климатическую зону.

В 1994 г. Международной ассоциацией гидротехников водного транспорта были выдвинуты «Предложения по развитию береговой базы морского транспорта Абхазии»[1], в которых говорится о «целесообразности и реальности интенсивной работы по строительству мощного международного значения морского торгового порта на оз. Цкурчил (Скурча. — О. М.) с развитой специализацией по видам грузов и соответствующими мощностями смежных видов транспорта»[2].

Авторы «предложений», в частности, полагают, что «создание порта международного значения целесообразно рассматривать как важнейший аспект возрождения Абхазии, поскольку предопределяет участие заинтересованных стран, решает частично вопросы занятости населения, стабилизации и т. п.»[3]. В «Предложениях» дается характеристика предполагаемого района строительства грузового порта[4], «Генеральный план порта»[5]. К «Предложениям» также прилагается и схема озера Скурча.

Летом 1997 года опять был озвучен вопрос о создании на Скурче «свободной экономической зоны»[6]. Нетрудно себе представить, к чему может привести реализация этой программы. Превращение озера в морскую бухту лишит ее пресной

[1] Ленский И. Торг у Скурчанского озера // Газ. «Правда». 23–30 августа 1996 г.

[1] Предложения по развитию береговой базы морского транспорта Абхазии (Предпроектные проработки строительства морского торгового порта на оз. Цкурчил). Вариант 2. Одесса, 1994. С. 3–9.

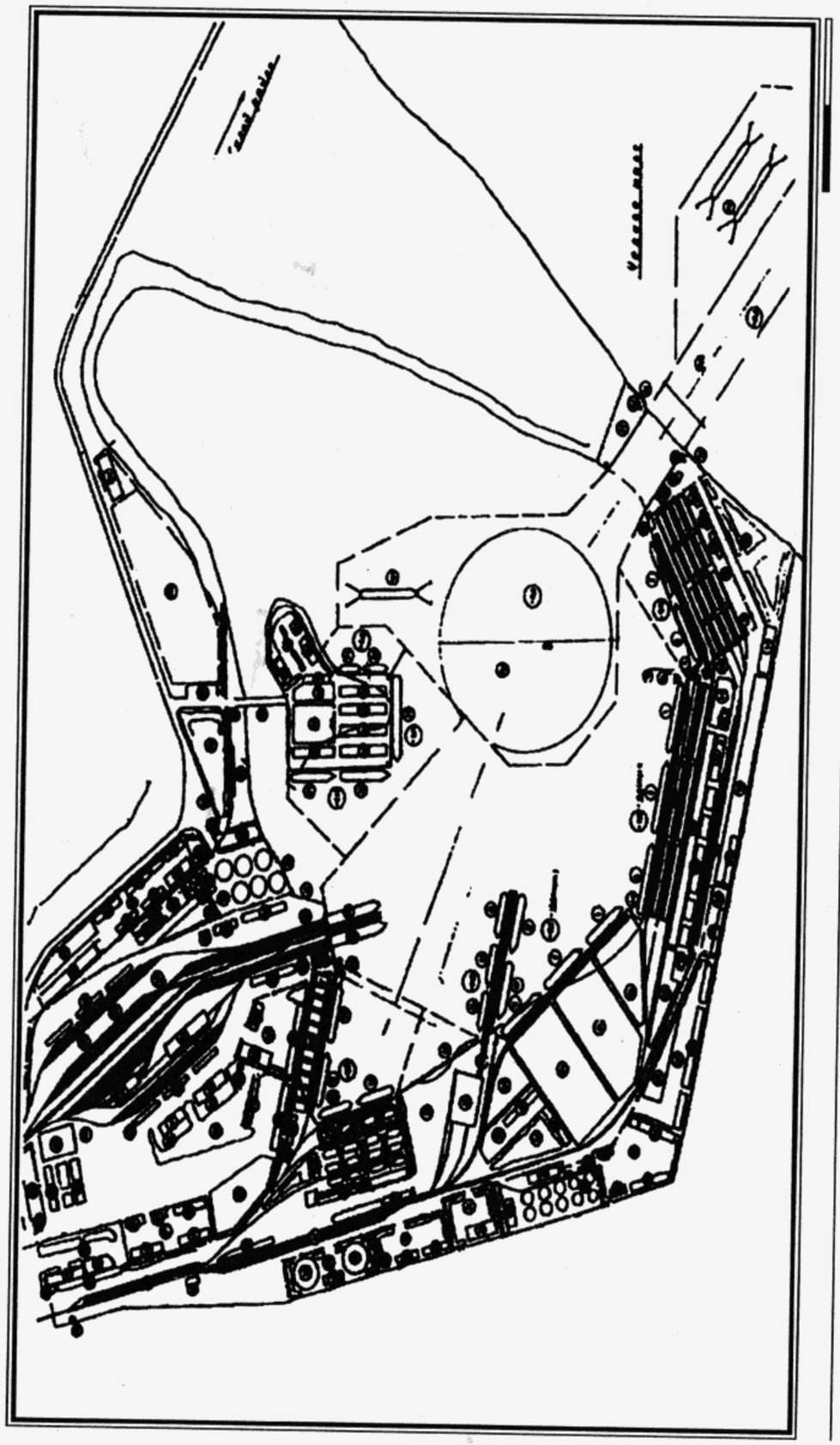
[2] Там же. С. 4.

[3] Там же. С. 5.

[4] Там же. С. 7.

[5] Там же. С. 8–9.

[6] Газ. «Абазамюа». Август. 1997 г. №1 (на абх. яз.).

Инфраструктура озера Скурча.
Из проекта: «Предложения по развитию береговой базы морского транспорта Абхазии...». Одесса. 1994 г.

воды, а это, в свою очередь, ликвидирует сложившуюся здесь природно-климатическую среду. Необузданное желание извлечь из природы все, что можно, неизбежно разрушает ее. Кстати, более полвека назад планировалось осушить огромные Лахтинские болота близ Ленинграда, которые тогда трактовались как «враг» социально-экономических потребностей человека. Сейчас же поняли, какую роль играют эти болота в сохранении сложившейся природной среды, и объявили их заповедными. Во все времена, а тем более сегодня, очевидно, что, хозяйствуя, необходимо заботиться о сохранении ландшафта и нетронутой среды, которые нужны для отдыха и лечения человека.

В Скурче постоянно протекают геодинамические абразионно-оползневые процессы. На границе двух стихий идет вечная борьба: прибой моря разрушает берег, компенсируемый наносными отложениями реки Кодор, чем и поддерживается их равновесие. Нельзя игнорировать законы, управляющие природой. Неосторожное вмешательство в нее очень часто приводит к экологическим катастрофам, и за примерами не надо ходить далеко. Историки считают, что античный город Диоскурия располагался в глубине нынешнего залива на Сухумском песчаном берегу, окруженном лиманами и болотами дельт рек Гумисты и Беслетки. Здесь находились главные сооружения города — пристань, склады, крепостные укрепления и т. д. Однако стихийные силы произвели скрытую разрушительную работу. Сначала Диоскурия потеряла свой порт с причалами и молами, а потом и большая часть города с жилыми домами, крепостью, храмом и кладбищем ушла под воду. Подобные процессы в античные времена происходили, по-видимому, и на Пицунде: берег здесь отступил почти на целый километр, и древний город оказался на дне моря.

Такая же участь может постигнуть и Скурчу, расположенную на зыбких отмелях. Уютная особенность и отдаленность от городов и дорожных коммуникаций, близость моря, большое число

погожих дней в году и, особенно, наличие здесь озера, позволяют создать зону отдыха — общения с природой. Скурчинская заповедная территория, безусловно, привлечет внимание желающих ближе познакомиться с природой Абхазии. Конечно, здесь возникнут различные объекты туристско-оздоровительного характера, как это имеет место в Пицундско-Мюссерском заповеднике, но они не должны мешать сохранению природы. К примеру, здесь можно создать океанарий, восстановить гребную базу на озере, организованную ловлю рыбы, охоту на дичь...

3. Архитектурные памятники

Торгово-экономические и культурно-исторические связи Центральной Апсилии с греками и римлянами, а затем и с Византией, наложили определенный отпечаток на развитие местной культуры и религии, а господство в прибрежных частях в этот период раннеклассовых отношений с достаточной социально-экономической базой, привели, как известно, к началу новой важнейшей вехи в историческом развитии Абхазии — сравнительно быстрому проникновению и распространению, главным образом, на побережье новой мировой религии — христианства.

Драндский (Кодорский) храм. Рисунок 1838 г.

С начала IV века на территории Абхазии была

образована древнейшая парикия (Д. Дбар), о чем свидетельствует участие питиунтского епископа Стратофила на Первом Вселенском Соборе в Никее (на территории Малой Азии), состоявшемся в 325 году.

В низовье Кодора, на правом крутом берегу одного из его рукавов — Куараш — в VI веке был воздвигнут величественный православный христианский храм, позже названный Драндским кафедральным собором, и по мнению ряда исследователей, ставший важным культурно-политическим, стратегическим и религиозным центром Апсилии, где находилась резиденция епископа[1].

Драндский храм принадлежит к купольным сооружениям, в котором созданы своеобразная пространственная структура, напоминающая Софию Константинопольскую. Это наталкивает на мысль, что ее создатель или прибыл из Византии, или если он местный, то побывал в Константинополе. Все христианские храмы того времени воздвигались в черте укреплений (Гагра, Пицунда, Анакопия, Зиганис и др.). В центре Цкыбына, вероятно, находилось не сохранившееся к настоящему времени укрепление, которое могло быть выстроено еще в позднеантичный период[2].

Драндский храм строился в Апсилии как оплот Византийской империи в проведении церковной политики. Обнаруженный в Драндском храме богатый комплекс раннесредневековых амфор подтверждают мысль о том, что в Драндах так же, как и в других укреплениях на зависимых от Византии территориях,

[1] Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в селе Дранда/ Абхазия. М., 1984. Т. 45. С. 192. Отдельный оттиск. Ю. Н. Воронов, считая наиболее основательными по Драндскому храму работы А. Л. Якобсона и В. А. Леквинадзе, он пишет: «*Исследователь (В. А. Леквинадзе) поддержал мою точку зрения, согласно которой Дранда являлась резиденцией сначала архиепископа Себастополя, через который осуществлялся контроль над Апсилией, а с XI века и верховного пастыря уже объединенной Абасгии*». (Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. Сухум, 1998. С. 300–301.)

[2] Хотелашвили М. К. Село Дранда. Рукопись. 1982. С. 14.

шла постоянная доставка провианта для солдат гарнизона не только от местных жителей, но и из далеких центров империи.

Об отношении местного населения к Драндскому собору, один из авторов середины XIX века сообщал, что «*окрестные жители-абхазцы, не только христиане и магометане, но даже не исповедующие никакой религии...имеют особое уважение к этому храму и во всех важных случаях прибегают к нему. Очень часто у дверей его зажигают восковые свечи, приносят в храм все найденное ими: подкову, гвоздь, камушек, ремешок*»[1].

Как и во всех крупных замках, крепостях и церквах, Драндский собор имел подземное сообщение с рекой Кодор, служившее, по-видимому, защитой при неожиданной атаке, так и связывавшее его с рекой. К северо-востоку от храма, в 250–300 м у подошвы обрыва имелись три подземных выхода, два из которых были объединены целой сетью коридоров, идущих довольно глубоко внутрь горы. Подземные ходы имели площадки, ниши в стенах и сводчатые потолки, высотой в 2–2,5 м. Третий ход вел внутрь горы к храму[2].

Очевидно, что Драндский собор, являясь одним из крупнейших церковных владений, расширял монастырские земли

[1] Саблин С. Древний собор в Драндах //Газ. «Кавказ». 1846 г. № 8.; Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии на Кавказе близ г. Сухума. Историко-археологическое описание епископа Агафодора... О глубоком почитании этой «знаменитой некогда церкви в Абхазии» говорит следующее сообщение. «*Однажды между овцами ближних отар объявилась какая-то болезнь и для прекращения ее абхазцы принесли в жертву ягненка, зарезав его на пороге оного. Другой раз, женщина, кормившая грудью дитя, вдруг лишилась молока. Она пришла пред захождением солнца в храм, села посередине его и в продолжении получаса обливала груди свои водою из маленького кувшинчика, беспрестанно шепча какие-то слова. Впоследствии она сама выкормила ребенка*». (Успенско-Драндский общежительный монастырь...). У абхазов, как известно, не существовало смертной казни. Тем не менее, одного здешнего поселянина казнили за святотатство перед собором (уст. сообщ. М. К. Хотелашвили–Инал-ипа).

[2] Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958. С. 72.

и увеличивал численность своих верующих. Собору со второй половины XIX века принадлежало 300 дес. земли, «*он вел широкую торговлю лесом и скотом, а на монастырских землях трудились послушники и крестьяне близлежащих сел*»[1]. Собор, как видно, являлся не только важным христианским, но и торговым центром. Окрестное же население, находясь в постоянном страхе из-за угрозы быть угнанными в рабство, сами искали себе церковного покровительства как наиболее надежного. Немало было и лиц, просивших у церкви временного приюта, которые также превращались в зависимых и обязывались выполнять феодальные повинности в пользу своих покровителей, а кроме того, для церковных крестьян строго обязательной являлось несение военной службы[2]. Несомненно, что Драндская церковь, обладая значительной материальной базой, становилась и объектом нападений. Такое произошло в мае 1637 года, когда около устья Кодора турки высадили военно-морской десант[3]. М. Селезнев, со ссылкой на источник 1605 года, пишет, что из всех христианских церквей Абхазии «*к началу XVII века оставался только невредимым один Драндский монастырь, где соединялись остатки христианства Абхазии*»[4]. О том, что Драндская епархия прекратила свое функционирование в первой половине XVII века может свидетельствовать и следующий факт: Антиохийский патриарх Макарий, пребывавший в Мингрелии (1664–1665 гг.) ничего не сообщает о посещении

[1] Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии, 1958ю С. 78; Пачулиа В. П. Абхазия. Сухуми, 1976. С. 124.

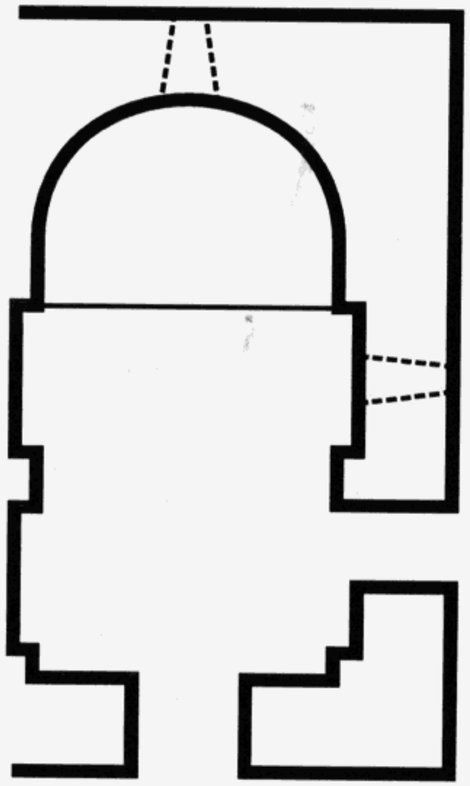
[2] Антелава И. Г. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII–XVIII веках // Труды Абхазского Государственного музея. Вып. 1. Сухуми, 1947. С. 68, 70.

[3] Чачхалиа Д. Хроника Абхазской церкви // Газ. «Абхазия». 1994 г. № 1 (29).

[4] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III. Архитектурные памятники Абхазии. СПб., 1850. С. 76; Смыр Г. В. Религиозные верования и свободомыслие у абхазов (Этнокультурологические аспекты). Дис. ... д. и. н. Майкоп, 1997. С. 128.

им храма, в то же время соседей мингрелов-абхазов, изъявивших желание принять христианство, он поручил окрестить бедийскому епископу, а не драндскому[1].

В период интенсивного храмового строительства наряду с Драндским и другими большими храмами сооружались, как известно, и рядовые церкви. На левом берегу Кодора, в трех километрах от его устья, была построена одна из таких церквей, которая была приписана к Драндскому собору. Храм был сооружен на месте существовавшего здесь языческого святилища мореходов Ага-ныха (см. историко-топонимическую карту). Поскольку он был облицован известняковыми плитами, местное население назвало его Мармал-абаа (мраморное сооружение).

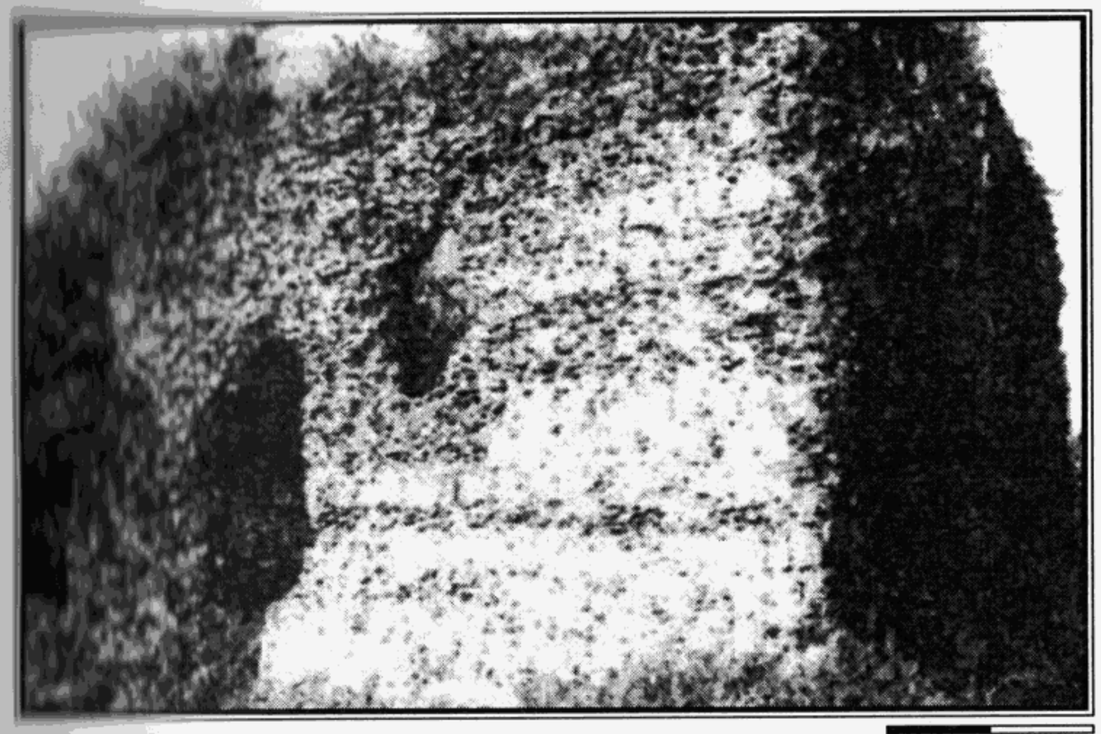

План храма Мармал-абаа. Чертеж А.К. Кация

Вблизи храма от шоссейной магистрали ответвляется пятикилометровая проселочная дорога к морю. В 200 метрах от храма еще недавно был расположен колхозный кирпичный заводик.

Руины церкви, живописно увитые густой зарослью ольховника, возвышаются над обрывистым берегом реки. Вокруг не сохранилось каких-либо следов строений или могильных плит. Стены церкви ободраны. Обнаженный булыжник вызывает досаду тем, что нещадно уничтожена великолепная облицовка,

[1] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв). Сухуми, 1959. С. 296.

Развалины храма Мармал-абаа. Фото 1998 г.

остатки которой еще кое-где сохранились. Уже в наше время, по свидетельству многих жителей с. Адзюбжа, некоторые служители кирпичного заводика эти известковые блоки из церковной стены выжигали, а полученную готовую гашеную известь продавали населению. К сожалению, такое отношение к архитектурному памятнику не пресекалось местными властями.

Сохранившиеся стены Мармал-абаа говорят о достаточно высоком качестве строительных работ. Церковь имеет два входа: западный и южный боковой вход и одно окно с восточной стороны. Внутри алтарная часть храма представляет в плане полукруг, а снаружи — прямоугольник.

По общим очертаниям церковь такая же, как и многие другие средневековые церкви, расположенные на территории Абхазии.

От храма сохранились три стены, а четвертая, северная, полностью разрушена. Но сохранились свод и часть конхи. Полностью развалился западный притвор, от него остались

лишь фундамент и некоторые фрагменты. В плане это довольно вытянутый четырехугольник размером 7х11 м, в который вписаны почти квадратное зальное помещение и примыкающее к нему полукружие алтаря с глубокими нишами по бокам. Очертания храма строги и правильны.

На внутренней стороне стен, которые, несомненно, были оштукатурены, нигде не сохранились следы фресок, хотя можно с уверенностью сказать, что с таким мастерством построенная церковь не могла быть не расписана[1].

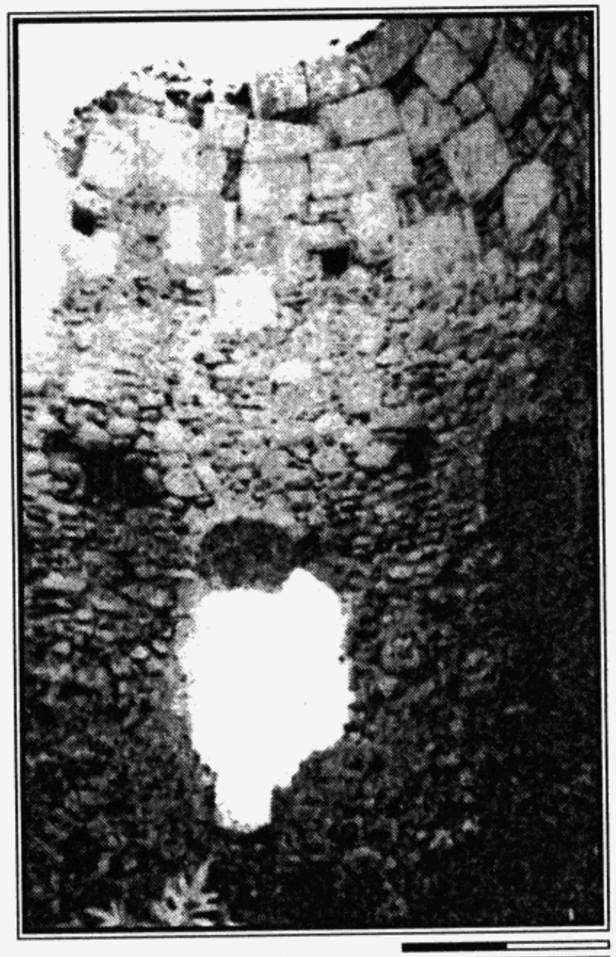
Почти метровой толщины стены церкви выложены с внутренней стороны из речного булыжника различного размера в сочетании с грубо сколотыми известковыми камнями и неиспользованными в облицовке блоками. С расчетом на штукатурку снаружи стены были выложены известковыми квадрами. Пространство между сохранившимися стенами цоколя заполнено бутом из гравия и булыжника на известковом растворе. Таким же материалом облицованы все проемы окон и дверей, а также выступающие части здания — пилястры, арки и т. д. Лицевая сторона белоснежного известкового камня настолько тщательно отшлифована, что невольно напрашивается на отождествление камня с мрамором. По-видимому, отсюда и произошло наименование развалин Мармал-абаа, т. е. мраморное сооружение.

Краевед И. Адзинба, исследовавший церковь в 30-е годы XX века, до того, как исчезла облицовка и декоративное убранство, свидетельствует о том, что облицовка камнем хорошей тески подтверждается остатками стен, найденными здесь в 1939 году и фрагментом — орнаментированный кусок капители.

Как видно, церковь была богато оформлена, с применением мрамора в отделке и оборудовании, что подтверждается

[1] Кация А. К. Мармал-абаа — архитектурный памятник средневековья. Рукопись. 1958. С. 7.

названием самих развалин[1]. К сожалению, в настоящее время здесь нет каких либо фрагментов или деталей, изготовленных из мрамора. Вообще мрамор в здешних церквах не находил себе применение, а если к тому же в распоряжении строителей был качественный известняк, то вряд ли была в нем необходимость. По-видимому, И. Адзинба исходил из названия, которым окрестило местное население развалины. А В. П. Пачулиа пошел еще дальше — он утверждал, что *«храм был облицован мраморными плитами»*[2]. Это, разумеется, не соответствует действительности[3]. Исследователь же скульптуры раннесредневековой Абхазии Л. Г. Хрушкова, исходя из местного названия храма, считает, что *«в древности сооружение, видимо, было украшено мрамором»*[4]. К сожалению, у исследователей нет каких-либо конкретных сведений о храме. Ни А. Ламберти, ни И. Цампи, посетившие в XVII веке Мингрелию,

Алтарная часть
храма Мармал-абаа. Фото 1998 г.

[1] Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии... С. 75.

[2] Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1960. С. 151.

[3] Кация А. К. Мармал-абаа — архитектурный памятник средневековья... С. 8.

[4] Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. Тбилиси, 1980. С. 18.

ни московские послы к владетельному князю Левану II Дадиани Ельчин и Захарьев, посетившие Дранду в 1640 году, не оставили каких-либо свидетельств об этой церкви. Но Нордман в своих статистических сведениях упомянул Мармал-абаа, когда писал: в «*Адзвыбши расположен храм без купола и не совсем развалившийся*»[1].

В 1888 году этот храм посетил русский архитектор А. М. Павлинов, который пишет, что в толще стены апсиды находились «*глиняные горшки большого размера, напоминающие голосники*» (керамические амфоры, вставленные в стену алтаря для усиления звуков. — О. М.) По стенам полукружные поперечные арки и коробоватые своды, которыми перекрыта церковь... пустоты с остатками древесины... в которые, вероятно, были вставлены концы поперечных связей. С западной стороны находилась входная дверь: перед ней была небольшая пристройка... «*Юго-восточнее храма виден фундамент еще какого-то продолговатого здания*»[2]. Краевед И. Адзинба отнес храм Мармал-абаа к такому же типу церквей, что и на горе Пскал (с. Джгиарда), в Абаа-хыбе (с. Гуада) и в Куланба (с. Арасадзых), т.е. к числу сооружений X века[3]. Искусствовед А. К. Кация, занимавшийся последующим исследованием храма Мармал-абаа, утверждает, что нынешние развалины церкви являются частью более древнего и значительного храма и укрепления, о чем свидетельствуют фрагменты крупных стенных блоков, характерные для строительного мастерства VIII–X веков, и резные детали с орнаментикой, исполненные в технике, свойственной тому времени. В планировке и конструкции храма прослеживаются и византийские архитектурно-строительные традиции. Массовый характер строительства церквей в рассматриваемую

[1] Путешествие профессора Нордмана... С. 425–426.

[2] Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978. С. 110–111.

[3] Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии... С. 75.

ошну в Абхазии, естественно, способствовал выявлению местных мастеров, сначала работавших под руководством приглашенных специалистов, а затем уже сложившихся строительных корпораций, самостоятельно возводивших необходимые сооружения[1]. Вполне возможно, что храм Мармал-абаа построили территориально-патронимические общины, исповедовавшие христианство. При замкнутости феодального хозяйства целесообразнее было использовать в строительстве подручные материалы (главным образом, местный камень, известняк, гранит, мрамор), а не доставлять их извне[2]. Очевидно церковь функционировала до 40-х годов XVII века.

К сожалению, память старцев не сохранила, кому она была посвящена и по какой причине покинута. Однако причина, по всей вероятности, была связана с появлением в XV–XVI вв. на абхазском побережье турок-османов (в 1637 г. высадивших десант около устья Кодора), которые стремились утвердить здесь

[1] Аналогичные корпорации существовали в Древней Армении, и ее члены назывались «мастерами камня». Позднее цехи каменщиков были организованы в западноевропейских странах.

[2] Черняк В. В. Уроки старых мастеров. М., 1989. С. 83, 85. Следует сказать, что церковь Мармал-абаа в настоящее время нуждается в реставрации и охране. В этой связи нельзя не привести заметку, опубликованную в республиканской прессе поэтом, выходцем из с. Адзюбжа Владимиром Тарасовичем Маан (автором поэтического сборника стихов «Разговор наедине») под названием «Спасите памятник».

«В с. Адзюбжа, на левом берегу реки Кодор, в двух километрах от центра села и в трех — от берега моря стоит древний памятник VIII — X вв. Мармал-абаа («Мраморная крепость»). Два метра отделяют его от русла реки, которая смыв почву, образовала обрыв высотой более трех метров, при глубине потока более двух метров. Так что памятник этот обречен. Он висит над потоком, цепляясь за клочок берега из ила и гравия.

В десяти метрах от Мармал-абаа живут люди, там их дома, сады, огороды, но никто не задумывается о том, что надо предпринять что-то для спасения памятника. А что думают об этом наши ученые-историки? Или этот памятник не представляет собой никакой ценности?» // Газ. «Республика Абхазия». 24–25 апреля 1996 г. № 45.

свое господство и мусульманскую религию и, в частности, изгоняли священников в связи с чем Мармал-абаа пришла в запустение.

Стратегическое положение и экономическое значение района дельты Кодора свидетельствуют о возможности существования в этих местах сооружений, обеспечивавших ее охрану.

И действительно, на левом берегу реки, в нынешних поселениях — Допуакыт и Ахыуаа — во время полевых исследований нами были выявлены остатки трех сооружений, являвшихся, по заключению искусствоведа А.К. Кация, крепостными башнями (см. историко-топонимическую карту).

Северная башня (в пос. Допуакыт) расположена на достаточно высоком (около 20 метров) и крутом берегу реки на бывшем участке ныне покойного местного жителя Шабата Допуа. Это остатки небольшого каменного сооружения четырехугольной формы с закругленными углами, площадью около 800 м². Толщина стен 90 см, высота — 1,5 м. К сожалению, поскольку большая часть стены разрушена, проследить вход в него не представляется возможным. (Следует отметить, что аналогичная сторожевая башня, более меньших размеров, была и на правобережье Кодора — в историческом Допуакыте (Эстонка). См. историко-топонимическую карту в настоящей работе).

В поселке Ахыуаа две башни. Одна из них на территории усадьбы Хутуши Маан — в плане четырехугольная. Длина южной стены — 8,9 м, северной — 8, 5 м и юго-восточной — 9 м; толщина стен — от 60 до 70 см. Сохранилась лишь северная стена этой башни высотой до 2 м. Остальные стены разрушены до фундамента. От второй башни сохранилась западная стена тоже высотой до 2 метров. Длина северо-западной стены — 11 м, южной — 12, 9 м. Расстояние между башнями в Ахыуаа — 300 м; от первой башни в Допуакыт эти башни отстоят на

расстоянии 3 км. К сожалению, у нас нет конкретных данных о первоначальной высоте сторожевых башен. Все башни расположены в пределах видимости. Сложены они из крупного булыжника на известковом растворе. Время их строительства А.К. Кация ориентировочно относит к XIII–XIV веках. Наблюдательные башни были выстроены на севере современной Адзюбжи — поблизости от жилищ, а две из них на стратегических высотах.

Последние предназначались для наблюдения за проезжими путями. Башни, естественно, являлись средствами народной самообороны и были, очевидно, выстроены коллективным трудом одного из родов этих поселений. Местоположение указанных башен было расположено так, что, в случае необходимости, находившимся в них можно было бы быстро связаться друг с другом. В дни невзгод башни могли использоваться как укрытие от врагов. Предупреждающим сигналом между караульными в ночное время мог служить огонь, а днем — дым. Однако, какими бы силами не располагало местное население, очевидно, подолгу здесь задерживаться было невозможно. При появлении серьезной опасности окрестное население, оповещенное дозорными — сигнальщиками с берега реки Кодор, спасаясь от набегов, уходило в горы, за Абхазскую стену, под ее защиту.

4. О чем поведало древнее захоронение

В центре села Адзюбжа на невысоком холме, где в прошлом была усадьба, с 1958 г. образовалось кладбище. 23 марта 1996 года местные жители Астамур Камкия, Николай Инал-ипа, Демур Маан и Беслан Аргун во

время рытья могилы случайно обнаружили здесь ряд железных, сильно коррозированных предметов: боевой топор, наконечник копья, часть посоха и обломок лезвия серпа. Они находились в вырытой могиле на глубине 40–50 см от поверхности земли. Какие-либо раскопки на этом месте никогда не проводились, потому трудно определить характер древнего захоронения, где обнаружены данные предметы. Можно лишь сказать, что из захоронения вытащено множество камней-булыг.

Посох и наконечник копья лежали острием на восток. Боевой топор имеет удлиненный молоточковидный обух четырехгранной формы с клинообразно вытянутой в сторону лопастью. Длина топора — 15 см, ширина лезвия — 7 см. Наконечник копья имеет плоское листовидное перо, продольная его ось переходит в разрезную снизу втулку, сделанную в виде свернутой трубки. Основные очертания сохранены, за исключением обломанного кончика. Поверхность в результате коррозии деформирована. Сохранившаяся длина наконечника — 25 см (при реставрации можно предположить, что общая его длина достигала 30 см), длина пера — 15 см.

Сохранившаяся длина представленного в захоронении посоха составляет около 12 см. Диаметр у основания — до 2 см. Серп сохранился всего около 8 см. Но исходя из его изгиба, можно предположить, что общая его длина достигала 25 см.

В 1978 году археологическая экспедиция, в которой принимали участие абхазские ученые Г. Шамба и В. Бжания, здесь же в селе, в пос. Балан раскопала и исследовала погребения, датированные III в. до н. э., в которых был обнаружен ряд аналогичных железных предметов (топоры, наконечники копей, стрел, ножи и т. д.), а также керамика и золотые украшения: пришивные бляшки, браслет, серьга, подвески и др.

Нынешняя адзюбжская находка — еще одно свидетельство того, что места эти были обитаемы в древние времена.

Аналогичные находки, выявленные в ряде комплексов Абхазии (Сухумская гора, Куланырхуский могильник, некрополь Гуадиху, Эшерское городище, датируемые серединой I тыс. до н. э.), позволяют отнести адзюбжские находки к этому же времени.

Газ. «Республика Абхазия». 24–25 апреля 1996 г. № 45

5. Находка в Адзюбже

На днях в Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии поступило сообщение от жителя села Адзюбжа Очамчырского района Рауля Зарандия о том, что во время земляных работ он обнаружил «какие-то керамические изделия, не похожие на современные».

На место находок выехали заведующий отделением гуманитарных и социальных исследований Академии наук Абхазии академик Б. Сагария, член-корреспондент АНА Г. Шамба, младший научный сотрудник АБИГИ, аспирант Б. Аргун и автор этих строк. Осмотр местности показал, что здесь имеется крупное поселение с так называемой «текстильной керамикой», с отпечатками ткани в сопровождении глиняных столбиков с роговидными навершиями.

Подобные памятники известны в Абхазии и в целом в Восточном Причерноморье. Но особенность Адзюбжского поселения состоит в том, что оно, во-первых, более крупномасштабное из известных памятников (занимает несколько гектаров); во-вторых, тянется оно не вдоль морского берега, как обычно, а

в глубину села; в-третьих, памятник полностью покрыт лесом, в связи с чем и оставался до сих пор вне поля зрения археологов. Его возраст, по предварительным данным, — с первых веков I тыс. до н. э.

Участники поездки пришли к единому мнению, что Адзюбжское поселение нуждается в раскопках. Есть надежда, что это откроет нам еще одну страницу древней истории и культуры Абхазии.

Газ. «Республика Абхазия». 7–8 октября. 1998 г. № 113

ЧАСТЬ II

1. Из истории судоходства

Имеющиеся у исследователей разнообразные, хотя порой и скудные, материалы дают основание не сомневаться в том, что в жизни абхазов с древних времен особое значение имело море и пользование им, а также водные пространства озер и рек, в которых прежде чем отважиться выйти в море, они пробовали свои силы.

Так, о прямой и тесной связи населения низовьев реки Кодор с водой говорит само название села Адзюбжа, дословно с абхазского означающее «междуречье». Поскольку располагавшиеся в низовьях этой реки поселения (в 3–4 км от устья) были отрезаны друг от друга руслами реки и его рукавами, а приморская часть была заболочена, то и сообщение между ними становилось возможным в основном по воде. В результате этого, очевидно, уже в древности возникала необходимость в плавучих средствах передвижения.

В своем труде «Люди. Корабли. Океаны» Х. Ханке приводит таблицу хронологической последовательности развития судов, где показано, что примерно за 40 тыс. лет до н. э. люди уже пользовались сначала плотом, затем лодкой-однодеревкой, причем отмечается, что это было повсеместно[1], следовательно это относится и к Абхазии, а значит и к Кодору, как одному из

[1] Ханке Х. Люди. Корабли. Океаны. 6000 лет мореплавания. М., 1984. С. 23.

мест интенсивного общения с морем. Более поздние сообщения античных авторов, а также средневековых источников и географические обзоры, составленные в XIX веке, свидетельствуют о том, что Кодор являлся «судоходной» рекой, что следует понимать как вход в устье или плавание на определенное расстояние от устья реки.

В этих местах с древности был невольничий и обычный рынок. По материалам А. В. Фадеева, *«этот рынок был расположен на восток от Кодорского мыса на берегу небольшой бухты, соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту. В те времена… естественные данные маленькой… но достаточно вместительной для парусных фелюг и галер, хорошо защищенной Скурчинской бухты были весьма благоприятны для стоянки торговых судов»*[1].

На это обстоятельство обратил внимание Н. Ломоури. Он пишет, что «вслед за Гиппом, т. е. Кодором, Арриан называет реку Астелеф (у Плиния, Астефос), которая отстояла от Гиппа всего на 30 стадиев, т. е. около 5 км и, что с первого взгляда кажется непонятным, для чего понадобилось Арриану называть столь незначительную речку… Однако и это обстоятельство находит себе объяснение. Аноним V века отмечает, что река Астелеф в его время называлась «Еврипом», что означает «вход судов»… Это обстоятельство… должно, как нам кажется, указывать на какое-то особое значение этой реки. Поскольку р. Кодор ввиду ее быстрого течения и разветвления дельты не могла быть использована для стоянки судов, Арриан, надо полагать, должен был искать где-либо поблизости пригодное для этой цели место. Таковым могло являться именно устье р. Скурча, речка эта у впадения в море достаточно глубока, и, кроме того, берег здесь образует не-

[1] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Сухум, 1934. Ч. 1. С. 129.

большую, но удобную для стоянки судов бухту»[1]. Действительно, недалеко расположенное Скурчинское озеро, в которое впадала речка Скурча, могло играть роль внутренней гавани. На озере-гавани вплоть до недавнего времени прослеживались следы соединения канала с морем. Следует при этом иметь в виду, что под озером-гаванью, соединенным в древности каналом с морем, подразумевается не современное Скурчинское озеро (у м. Искурия), образовавшееся, по словам старожил, в результате добычи нерудных материалов, а расположенное восточнее и недалеко от него, ныне более маленькое озеро — в центральной части залива.

Мореходство в Абхазии было связано с именем профессиональных пиратов-гениохов. Вопроса о гениохах касались ученые-кавказоведы П. Услар, Н. Марр, И. Орбели, Д. Гулиа и др. Этот же вопрос рассматривает и проф. Ш. Д. Инал-ипа и мы даем здесь его определение: *«Слово «ениохос» по-гречески буквально значит «держащий за повод», отсюда «возчик», «возничий», «извозчик», «кучер», иногда «тот, кто сражается на колесницах»*. На основании такой этимологии некоторые авторы считают возможным говорить, что в лице гениохов мы имеем не отдельное особое племя, а профессиональных возчиков, специально занимавшихся торговыми перевозками в соответствующих прибрежных и других пунктах. Так, Н. Квезерели-Копадзе, резюмируя свой взгляд по вопросу о гениохах, пишет, что *«в обстановке массовых перевозок из различных районов Северного Кавказа к Абхазскому побережью Черного моря и обратно, была создана в античный период целая система торговых путей с возчиками»*, что обширностью этой торговли вызывалась необходимость в целой армии возчиков, формировавшихся из местных жителей, которых античные авторы якобы могли принять

[1] Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды // Вестник древней истории. М., 1954. № 4. С. 104.

за отдельную этническую группу населения». Однако, пишет проф. Ш. Д. Инал-ипа, *«имеющиеся исторические источники, дают основание не сомневаться в том, что под гениохами древние авторы понимали, очевидно, не группу профессиональных возчиков, а, по всей вероятности, многоплеменную причерноморскую кавказскую этническую среду»*[1].

Видный советский ученый, ученик Н. Марра, профессор Г. Ф. Турчанинов в своей книге «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа», произведя специальное исследование данного вопроса, пишет: *«Слово «гениох» — которое звучало по-абхазски «ганыуаху» показывает род занятий части населения — пиратство. Абхазский компонент этого слова подчеркивает, что гениохи были абхазами»*[2].

Известно, что древние греки (как и другие народы) имели традицию называть племена по их месту жительства, по роду занятий или по каким-то иным признакам. Античные источники разных веков упоминают гениохов в разных регионах Восточного Причерноморья, в частности, в районе современного Сочи, Питиунте, в окрестностях Диоскурии (совр. Сухума), Фасисе (Поти), в районе Трапезунта и др. Если гениохи находились в разных местах по побережью Черного моря и *«были опасны для высадки купцов и переселенцев»*[3], очевидно, тем и другим трудно было совершать «путешествия» вдоль восточного и юго-восточного побережья Черного моря без проводников-возничих из туземцев-гениохов[4]. Определенным указанием в пользу этого положения служит тот факт, что в те времена, греки, предпринимая плавания по Черному морю,

[1] Инал-ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. 1959. Вып. 30. С. 74.

[2] Турчанинов Г. Ф. Открытие и дешифровка...

[3] История древнего мира. М., 1982. Ч. 2. Греция и Рим. С. 41–42.

[4] Гулиа Д. И. Собр. соч. Сухуми, 1986. Т. 6. С. 65.

за плату приглашали лоцманов-варваров[1]. Гениохи занимались торговыми перевозками и на суше, но не только вдоль абхазского побережья, но и на Северный Кавказ и обратно по важнейшему древнекодорскому торговому пути (кстати, с точки зрения этнического взаимоотношения с гениохами, определенный интерес, возможно, представляет и абхазская фамилия Генаба, вплоть до недавнего времени имевшая распространение как в юго-восточной, так и северо-западной частях Абхазии). Следует в этой связи еще раз вспомнить и свидетельство Страбона о том, что с торговыми целями в Диоскуриде (совр. Сухум), сходилось до 300 представителей разноязычных народов, и, что римляне вели здесь свои дела с помощью 130 переводчиков.

Сколь бы преувеличенными ни были эти данные, очевидно, что торговля здесь в античный период имела характер и размах международной торговли. Поэтому неудивительно, что подобная торговля нуждалась и в «целой армии возчиков, формировавшихся из местных жителей». Если в данном случае и этимология слова гениох указывает на род занятий, то естественно предположить, что этой «профессией» могли заниматься и представители «многоплеменной причерноморской кавказской этнической среды», в том числе и входившие в их состав отдаленные предки абхазского народа. На основании вышеизложенного представляется вполне вероятным, что для античных авторов название «гениохи» являлось собирательным обозначением целого ряда «мелких этнических единиц, локализуемых прежде всего на территории современной Абхазии и непосредственно прилегающих к ней местах»[2], скорее всего по роду занятия как проводников на суше и на море.

[1] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1949. № 3. С. 263.

[2] Инал-ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху... С. 75.

По свидетельству Страбона, гениохи «господствовали на море». На своих знаменитых лодках — «камарах» отчаянные морские разбойники наводили ужас на купцов. Страбон подчеркивает, что гениохи «живут морским разбоем». А широкому расселению гениохов по всему восточному побережью Черного моря способствовало, по-видимому, именно развитое у них мореходство.

Поскольку пиратство было чрезвычайно широко распространено и являлось промыслом, оно неизбежно должно было иметь и собственную производственную базу, уравнивающую его, например с военным делом. Для того, чтобы корабли гениохов, по крайней мере, не уступали в быстроходности и маневренности торговым судам и военным кораблям, должны были у них быть и судостроительные верфи, и опытные корабелы. Имеются сведения, что такая верфь («место кораблестроения») имелась и в низовьях Кодора (на Скурче)[1]. О большом значении мореходства в этой местности, по-видимому, говорит и предание о святилище бога морского побережья Аг(Ага) — Ага–ныха, которое находилось на месте церкви Мармал–абаа. Грозное божество, согласно легенде, никому не прощало непочтительного отношения к себе. Известный краевед и историк, выходец из с. Адзюбжа Н. Джанашиа писал, что *«божество моря не любит, чтобы с ним шутили: тогда море бушует и наказывает недостаточно почтительных. Поэтому даже детям запрещается бросать камешки или плевать в море»*[2]. По преданию, абхазские моряки перед выходом в море посещали капище и со свечой корабельного моления (ашхэныхэацэашь) просили у божества благополучный исход морских походов[3]. Согласно

[1] Гожба Р. Абхазия — страна древних мореплавателей // Газ. «Республика Абхазия». 25–26 июля 1998 г.

[2] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии / Сост. и предисл. Х.С. Бгажба. Сухуми, 1960. С. 53.

[3] Пачулиа В. П. Абхазия. Сухуми, 1973. С. 139.

преданию, недалеко от церкви Мармал–абаа абхазы совершали жертвоприношения и божеству морского ветра — Апшаныхуара. Происхождение моления о ниспослании благополучного ветра связано, несомненно, с парусным мореходством, о чем может говорить и наличие в абхазском языке древнейшего термина для обозначения паруса — апра, который был заимствован и грузинским языком. Небольшие легкие и узкие лодки гениохов — камары, также, по всей вероятности, были парусными. А одна местность в районе устья Малого Кодора (там, где во второй половине XIX века протекал Большой Кодор), носила название «ашхуапшырта», что переводится как «место наблюдения за кораблями». То, что рассматриваемый район служил притоном для пиратов, подтверждается, например, немецким автором середины XIX в. Ф. Боденштедтом, который отмечал, что Анаклия, Дранда и др. были такими же опасными пиратскими гнездами на побережье Абхазии, как Модон и Парга на побережье Албании[1].

Сам Кодор, как указывалось, являлся рекой, в устье которой заходили суда или поднимались вверх по реке на определенное расстояние. Об этом свидетельствует сирийский араб Павел Аллепский, который упоминает его в числе судоходных рек: «Имеется шесть рек великих, и ходят на них кораблями. Первая река — Кодор, вторая — Галидзга, третья — Енгур, четвертая — Хоб, пятая — Тихур, шестая — Конская (Цхенисцкали)»[2]. Эти реки упоминаются как «судоходные» и в других источниках[3]. По свидетельству старожилов, в прошлом, когда Кодор был полноводнее, мореходы, в зависимости от времени года, на различных плавсредствах с моря заходили в реку и при-

[1] Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии (пред., коммент., послесл. Дениса Чачхалиа). М., 2002. С. 119.

[2] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси, 1989. С. 237.

[3] Там же.

ставали поблизости от церкви Мармал-абаа, найдя для этого удобное место. В 1819 году русский офицер Энегольм в кратком описании Западной Грузии и Абхазии, сообщал, что «южный рукав Кодора, имея при устье своем медленное течение, представляет возможность входить в оный небольшими лодками»[1]. Об этом же писал и немецкий путешественник Эйхвальд в 1826 году. В частности, Эйхвальд говорит о «судоходстве» и на другой крупной реке Абхазии — Бзыби. Хотя река Бзыбь не судоходна, пишет он, но черкесы все-таки плавают по ней на своих маленьких лодках, скрываясь у ее скалистых берегов и, улучив момент, нападают на абхазов[2]. Безусловно, Бзыбь и Кодор были реками, наиболее тесно связывавшими абхазов с морем. И все же приоритет в этом принадлежал Кодору, поскольку площадь бассейна Кодора была обширнее и имела выход на Северный Кавказ через три пункта: Марухский, Нахарский и Клухорский перевалы.

О судоходстве на Кодоре говорят и другие материалы XIX века[3]. О пригодности реки для навигации на короткое расстояние и возможности входа в устье Кодора говорит и топоним Баглан. Местность Баглан расположена непосредственно на левобережье устья реки Кодор, где образовался одноименный «мыс Баглан». Это позволяет нам сделать вывод о возможности причаливания к берегам Баглана кораблей различных типов, увозивших из Скурчи корабельный лес, сплавлявшийся прямо к устью реки. В этих же местах устраивались временные сто-

[1] Энегольм. Краткое описание Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. Фонд ВУА. Тифлис, 1819. № 18497. С. 36.

[2] Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus, unternommen in den Jahren 1825–1826. Bd. I. Stuttgart, 1837. C. 321–326.

[3] Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губернии и областей. Абхазия. Составлено при 1-м отделении департамента Генерального штаба. 1843. С. 5; Дзидзария Г.А. Труды. Сухуми, 1990. Т. 2. С. 264; Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып VI. Отд. III. С. 1.

янки моряков, с которыми общались и местные жители. Такая ситуация в прошлом, позволяет предположить, что топоним Баглан турецкого происхождения, в переводе с которого означает «место привязки»[1] лодок и кораблей.

Кодор также использовался для перевозки грузов и перемещения с берега на берег. Так, в 1877 году, например, корреспондент грузинской газеты «Голос» переправился с берега на берег Кодора на судне местного изготовления. Еще ранее, в 1869 году, имеретинский епископ Гавриил со своей свитой переправлялся на лодке в с. Адзюбжа[2]. В другом источнике за 1877 год говорится, что в «трех-четырех километрах от берега моря, на каждом из двух рукавов Кодора, у села Адзюбжа, у абхазцев были довольно большие каюки»[3]. Генерал Я. Алхазов (командующий Ингурским отрядом в русско-турецкую войну 1877–1878 годов) также сообщал, что «абхазцы с правого берега р. Кодор сели на суда у устьев этой реки и удалились к Сухуму»[4].

Выше сообщалось о том, что с древности в низовьях Кодора располагался Скурчинский (Исгаурийский) рынок. Через этот важный пункт береговой торговли поддерживались довольно тесные торгово-экономические взаимоотношения Абхазии со странами Черного и Средиземного морей.

Искурия (Скурча) как невольничий и обычный рынок, без сомнения, существовал с древности. Однако, в раннесредневековый период она не упоминается в письменных документах[5], что должно свидетельствовать о его незначительной роли как торгового пункта. Превращению Искурии-Исгаура в крупнейший пункт работорговли в XVII веке способствова-

[1] Турецко-русский словарь. М., 1977.

[2] Дзидзария Г.А. Труды. Сухуми, 1990. Т. 2. С. 267.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего феодализма (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). Сухум, 2002. С. 214.

ло то обстоятельство, что конечный пункт, получивший в это время интенсивное развитие, главным образом, работорговый путь, шедший с Северного Кавказа через Клухорский перевал по долине р. Кодор, находился не в Сухуме, а в устье Кодора с достаточно вместительной для парусных фелюг и галер Скурчинской бухты, располагавшейся ближе к кодорской дороге, и в XVI–XVII веках существующий здесь порт Исгаур отбивает значительную часть торговых оборотов у Сухума[1].

В рассматриваемое время в Исгауре (как и в с. Маркула) функционировали таможни, здесь происходила морская торговля, взимались пошлины с иностранных судов, причаливавших туда. В день своего прибытия в Исгаур французский купец и знаменитый путешественник Жан Шарден (XVII век), видел стоявших на скурчинском рейде семь торговых кораблей. Когда тот же Шарден в XVII веке из Исгаура направлялся к устью р. Ингур (в Анаклию), то никому не пришло в голову предложить ему продолжить свой путь по суше — Шарден собирался направиться в Мингрелию на нанятой им лодке. Но черкесы и абхазы угнали местные лодки, а с ними и ту, которую нанял Шарден[2].

Стимулом к развитию мореходства являлось и занятие морским рыбным промыслом. Согласно документам, крестьяне-рыбаки из Искурии в первой половине XVI века должны были одновременно нести морскую повинность и служить на морских судах в пользу владетельного князя или феодала[3]. О мореходстве в этом районе пишет и С. Броневский, который в числе «знатных мест и крепостей» на Черноморском побережье,

[1] Соловьев Л. Н. Диоскуриада–Севастополис–Цхум // Труды Абхазского Государственного музея. Сухуми, 1947. Вып. 1. С. 129; Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Сухум, 1931. Ч. 1. С. 143.

[2] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902. С. 143; Дзидзария (Дзария) О. П. Морская лексика в абхазском языке. Сухуми, 1989. С. 34.

[3] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 230.

от Кубани до р. Чорох, называет Скурчу (Искурия) и Дранду (Дандар)[1].

Уже отмечалось о том, что в античный период, когда греки плавали по Черному морю, они пользовались услугами местного населения как проводниками судов. Об этом свидетельствует пример абхазского махаджира из с. Адзюбжа, осевшего затем в Аджарии, Мамада Бадия, в конце XIX века установившего рекорд по плаванию, проплыв от Батуми до Поти. По данным профессора Т. А. Ачугба, в детстве Мамад учился плаванию на р. Кодор, откуда из с. Адзюбжа была родом и его мать по фамилии Делба. Попав в Турцию, Бадия, в 18–20-летнем возрасте, хорошо знавший морские течения, сопровождал турецкие суда, вывозившие лес из Кодорского лесозавода.

Во второй четверти XIX века было известно об одном из «выдающихся» пловцов из поселения Аджбна (Оджбина, на правобережье низовья р. Кодор) — Мсоусте Бзаркал. Этот крестьянин, как рассказывают знавшие его, брал своих младенцев и, не обращая внимания на сопротивления матери, бросал их в воду, говоря, что для них же будет лучше, если они с детства привыкнут к воде[2]. Вообще же, местное население, плавая в реках и на море, знало многие приемы плавания[3].

Вплоть до учреждения русскими властями в 30–40-х годах XIX века Черноморской береговой линии у побережья Абхазии осуществлялась контрабандная торговля. Источниками в этот период зафиксировано два нападения пиратов на торговые суда в районе Кодорского мыса[4]. Во втором случае, по свидетельству

[1] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. С. 295–296.

[2] Газ. «Апсны капш». 31 мая. 1991 г. (на абх. яз.).

[3] Чочуа А. М. Избр. соч. Тбилиси, 1987. С. 30.

[4] Дзидзария Г. А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды Сухумского Государственного педагогического института им. А.М. Горького. Сухуми, 1958. Т. XII. С. 263; Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937. Т. 1. С. 143.

Дюбуа де Монпере, экипажи двух абхазских галер (в которых находилось 120 человек) *«налегли на весла и исчезли в одно мгновение в устье р. Кодор, куда они, «по своему обыкновению, втянули за собой свои галеры»*[1]. Там же, недалеко от современного озера Скурча, имелась местность, которая была более удобной для укрывания пиратских судов. 2 сентября 2003 года научная экспедиция Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа в составе В. В. Бжания, Д. С. Бжания и автора этих строк, при участии Ю. В. Горлова (Институт археологии Российской академии наук), обнаружила следы значительного судоходного канала, (аналогичного тамышскому), идущего от берега моря наискосок в глубь с. Адзюбжа. Его протяженность в длину доходит почти до 2 км, при ширине около 10 м. В связи с пиратством абхазов интересно и следующее. Согласно полевой информации, житель с. Адзюбжа Ясон Дочия (Мцвагуача), рассказывал о том, что его предки, как и гениохи, занимались морскими разбоями («грабили турецкие суда»).

Чтобы покончить с нападениями на суда, русскими властями было введено крейсирование побережья и устроена система береговой кардонной линии. О прохождении одной из систем (укреплении) береговой линии в низовьях Кодора указывает топоним «Акардон» в районе мыса Искурия (Скурча)[2].

Свидетельством важного значения реки Кодор как перекрестка путей передвижения, экономических связей и военно-стратегического пункта, является сообщение о том, что в 1843 году в Дранде было устроено земляное укрепление на 300 человек «как для берегового сухопутного сообщения, так и для защиты входа в реку Кодор»[3].

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Указ. соч. С. 143–144.

[2] Кварчия В. Е. Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР. Сухуми, 1988 (на абх. яз.). С. 230. См.: историко–топонимическую карту низовьев реки Кодор XIX — начала XXI вв. в настоящей работе.

[3] Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губернии и областей. Абхазия. Составлено при Первом отделении департамента Генерального штаба. 1843. С. 18.

Таким образом, из приведенного материала следует, что судоходство здесь издревле было более оживленным, чем это отразилось в письменных источниках. Их фрагментарность и эпизодичность объясняется, по-видимому, тем, что мирное мореходство для некоторых авторов не представляло интереса и они не освещали этот момент. Но и приведенных данных достаточно для вывода о том, что низовья Кодора представляли собой значительный приморский, а также населенный пункт, который водным сообщением поддерживал торгово-экономические и прочие связи с соседними прибрежными пунктами и другими государствами.

2. Фамильные имена

С времени усиления роли мужчин в обществе, стремления к восполнению потомства и наследования собственности происходит закрепление кровно-родственной связи в сохранении памяти о единстве своего происхождения в общем эпониме. Отсчет родства по поколениям мужской линии знаменует начало истории фамилии.

До массового выселения абхазов в Турцию наиболее многочисленными по обе стороны низовья реки Кодор и в с. Адзюбжа являлись фамилии: Джикирба, Допуа, Кациа (Кацаа), Маан. До махаджирства в этом районе проживали также эмигрировавшие в Турцию роды: Бадиаа, Зыхуаа (Зухба), Баснакаа (Баснык-ипа), Дбараа, Хуатышьаа, Гыцаа, Леиаа, Хециаа, Бгаа и переселившиеся позднее в другие районы Абхазии — Чамиаа, Папаа, Мкуабаа, Гогуаа, Ешаа, Арахамиаа и др. Еще ранее, согласно «Памятникам грузинского права», в местности Ашьашла (район Скурчи) проживал род по фамилии Шамба (дается в грузинской форме Шамбия): в документе названы Тавaза Шам-

бия, Машутиа Шамбия, Куакуалиа Шамбия, а также Учакочи Чучурия[1]. В Адзюбже по данным Ш. Д. Инал-ипа проживала ныне вымершая фамилия Швныхуаа (Шъныхъаа)[2].

Определение времени появления в Абхазии родоначальников тех или иных фамилий, в частности, тех из них, которые принято считать мингрельскими, помимо мингрелов, переселившихся после махаджирства и в период Советской власти, практически невозможно. Причины же их появления являлись разнообразными. Но главная причина, очевидно, заключалась в отсутствии у низших категорий абхазского крестьянства (амацуразку, ахоую), пленников, купленных или похищенных и их потомства своего родового имени (фамилии)[3], которые со временем могли получить фамилию по имени отца по форме: сын такого-то. Впоследствии эти фамилии с формантом «ипа» мингрельские священнослужители ввиду сложности восприятия абхазских фамильных имен, а также и потому, что абхазские фамилии были политически «нежелательны» нарекали мингрельскими фамилиями (например, родовое имя Адгуа-ипа было переделано в Яшвили, Согум-ипа (Согум-ипацъа) в Сабекиа (по другой версии, первоначально фамилия Сабекия звучала как Апакиа), Мазлоу в Бзиава, Мцвагуача в Дочиа, даже фамилия адзюбжских негров Абаш была записана как Абашидзе): ими действительно являлись лица мингрельского происхождения, еще в феодальный период попадавшие в Абхазию, впоследствии воспринимавшие язык, обычаи местного населения и переходившие в категорию коренной национальности.

Следствием подобных миграций мингрелов в Абхазию, продолжившиеся со второй половины XIX века, было взаимо-

[1] Памятники грузинского права // Церковные законодательные памятники (XI–XIX вв.). Тбилиси, 1970. Т. 3. С. 331, 435.

[2] Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 334.

[3] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. М., 1995. С. 406.

проникновение этих народов, чем, в частности, можно объяснить наличие среди современного населения республики немало обабхазившихся мингрельских фамилий. По свидетельствам старожилов одними из первых в районе низовьев реки Кодор и с. Адзюбжа появились носители фамилии Тевзадзе (впоследствии записавшиеся как Тиваз, Тивазба), Рогава: позднее, в том числе с появлением в Адзюбже лесозавода — Кобалия, Сичинава, Тордия, Чхапелия, Цинадзе, Габелая, Букия, Меркатия, Чедия, священник Меладзе и др. Следует оговориться, что здесь в тексте речь идет о мингрелах и носителях мингрельских фамилий, живших только в селе Адзюбжа. Ряд носителей фамилий: Сичинава, Чхапелия, Абашидзе встречаются и в других районах Абхазии, они знают свои абхазские родовые (фамильные) незафиксированные наименования, замененные грузинскими церковнослужителями на фамилии грузинских этнических групп, например, фамилия Басник-ипа была переделана на Сичинава, Кужираа — Чхапелия и др.[1].

Грузинский историк конца XIX века Дм. Бакрадзе, относительно фамилии Кациа писал: «*Слово Кациа существует доселе в Имеретии, Мингрелии как собственное имя человека. «Архонт» Кациа показывает, по моему мнению, что в то время, когда составлена надпись, имя Кациа в Западной Грузии уже было в употреблении*»[2]. В этой связи отметим, что в низовьях Кодора вплоть до махаджирства существовало поселение Кацикыт[3]. В Турции проживают представители фамилии Кацаа (Акац), причем они принадлежали, по утверждению, представителя абхазской диаспоры Орхана Шамба к этнографической группе абхазов — «цвидже», занимавшее до выселения в Тур-

[1] Смыр Г. Основные особенности абхазских фамилий. Сухум, 2000. С. 34.

[2] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. 1898. С. 122.

[3] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Тбилиси, 1957. С. 280.

цию на территорию ниже племени «ахчипсы», т. е. в ущелье притока реки Мзымта — Цвыдзыпсы (Цъзыпсы).

Поэтому, видимо, не обязательно выводить мингрельских и абхазских носителей фамилий Кациа из одного корня, так как они могли образоваться самостоятельно друг от друга. С разрастанием фамилий из ее древа выделялись отдельные семьи (или разделялись сыновья) и переселялись на новые места жительства. Одна из отделившихся ветвей фамилии, по имени ее родоначальника могла образовать патронимию Каципацъа (Кац — имя, распространенное в прошлом у абхазов), то есть «сыновья Каца» (создание же хозяйств и очагов вне пределов родовых владений являлось достаточным основанием для смены фамильного имени именем главы семьи). Впоследствии название патронимии Кац-ипацъа превращалось в Кацаа, Кациа. Надо отметить также, что между носителями фамилий Кациа — мингрелами и абхазами отсутствуют какие-либо родственные связи.

Согласно полевым материалам, записанным этнографом Л. Х. Акаба в селе Члоу в июле 1963 года от председателя колхоза села Команды Камкиа, *«когда Камкиевы приехали в Абхазию, у них не было никакой аныхи, и однажды один из них заболел. Пошли к прорицательнице. Она сказала, что надо поехать на прежнее местожительство и пожертвовать Клюшкар-ныхе золотую модель люльки (под Клюшкар-ныхой имеется в виду «икона» в селе Кулишкари в Западной Грузии, откуда и считаются выходцами Камкиевы). Они так и сделали. Кроме того, они отдали три рубля серебром и одного поросенка. Камкиа (Очамчырский район) и Канкия (Гудаутский район) — это одна и та же фамилия. Они приехали из Одиши (прадед современных представителей этой фамилии). Они пришли сначала к Маан в Адзюбжу. Затем младший брат отправился в село Гуп к Маршану. Средний брат отправился в село Кочара (Куачара)».*

Потомки же Османа Камкиа (записано автором этих строк весной 1998 года) утверждают, что их предок — выходец из Садзена (садзы — одна из этнографических групп абхазского народа, до своего поголовного выселения в Турцию занимали территорию от г. Гагра до реки Мзымта). Подтверждением данного обстоятельства служит, очевидно, и тот факт, что на карте «План имения «Новые Гагры» в Черноморской губ. Сочинского округа доктора Сергея Ниловича Нахимова» значится «земля Петра Камкия»[1].

Согласно материалам истории выходцами из Садзена являются представители фамилии Гвинджиа (Гунджьиа)[2], одна из ветвей фамилии Апшцба[3]. Согласно народному преданию фамилия Апшцба вышла из местности Рица, где находится одноименное озеро[4]. Указанная фамилия в форме Пшыцаа, Пшьысба ныне встречается и в с. Бармыш Гудаутского района.

Согласно фамильному преданию рода Допуа, они являются выходцами из с. Псху (под которым иногда понимается и Северный Кавказ) и первоначально носили родовое имя Думанаа (Думановы)[5]. При этом заметим, что сама фамилия Допуа, наряду с такими как Ануа, Джопуа, Тарба и другими, принадлежат согласно представлениям абхазов к числу древних абхазских антропонимов. Поэтому логичнее полагать, что с переселением Думановых на территорию низовья Кодора они приняли фамилию Допуа.

Предки Делба (Делаа) — выходцы из Бзыбской Абхазии. Первоначально они проживали в с. Лдзаа и носили фамилию Са-

---

[1] План имения «Новые Гагры» в Черноморской губ. Сочинского округа доктора Сергея Ниловича Нахимова. СПб., начало XX в. Из фондов Российской Государственной библиотеки.

[2] Инал-ипа Ш. Д. Садзы. М., 1995. С. 160.

[3] Дзидзария Г. А. Труды. Сухуми, 1988. Т. 1. С. 368.

[4] Зухба С. Л. Абхазское народное поэтическое творчество. Сухуми, 1981. С. 190–191.

[5] Кварчиа В. Е. Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР. Сухуми, 1988. Ч. 1. С. 29.

манаа (живут Саманаа и ныне в селе Лыхны). Переселившись в Адзюбжу лет триста назад они вначале жили в междуречье Малого и Большого Кодора, а затем к северу от храма Мармал-абаа. Ведя свое происхождение от родоначальника Джышаныху, компактно населяют центральную часть Адзюбжи. Сказанное подтверждается другими нашими полевыми материалами, согласно которым фамилия Делба, а также Джикирба, Маан, Ченгелиа, Амзцба и Амзалакиа когда-то вышли из Лдзаа, близ Пицунды.

По свидетельству жителя с. Адзюбжа Ивана Коблуховича Карчава 1931 г. р., его род является выходцем из района Пицунды (с. Алахадзы), и первоначально они носили фамилию Акаюба (Кове).

В районе низовьев Кодора ранее встречались (а некоторые встречаются и сейчас) фамилии, в которых нашли отражение прозвища людей, связанных с растительным миром, поклонением космосу, животным, географическими названиями, сравните например фамилию Балан, встречающуюся ныне как в Абхазии, так и среди македонских абхазов в Греции[1], с местностью Балан в Адзюбже. Название адзюбжского поселка Джобриа старожилы также увязывают с проживавшим там некогда родом Джыбраа (Джьыбраа). Фамилия Цагуриа тотемного происхождения, в его основе лежит «ацгу» — «кошка» (Кошкин) и аналогична фамилии Цугба.

В основе фамилии Лапсандзе (вар. Апсандзе) лежит одно из почитаемых у абхазов дерево-тотем — пихта (апса). В основе фамилии Амзцба и Амзалакиа (в настоящее время носители фамилии Амзцба пишутся как Муцба: фамилия же Амзалакиа фиксируется в топонимии с. Адзюбжа в форме Мызлакиа), населявших в древний период долину Куараша (Малого Кодора)[2] лежит слово «амза» в значении луна, это же слово лежит в на-

[1] Сагария Б. Е. Трагедия македонских абхазов. 1995. СПб., С. 17.

[2] Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 336.

звании «амза-цла», букв. «луна-дерево», также почитаемого с древних времен. Со священным грабовым деревом, занимавшим в религиозных представлениях абхазов второе место после дуба, связано происхождение фамилии Хециа. До махаджирства, по сообщению старожила Леварсана Кациа, фамилия проживала на правобережье Кодора — в местности Аджбна (Оджбина). Хециа из абхазского языка буквально переводится как «грабов». Вместе с тем, по объяснениям адзюбжских старожилов «у анцва мать из мингрельского княжеского рода Мхеидзе, по-абхазски — Хециа»[1]. Следует заметить, что Мхеидзе буквально переводится как «не рожающая», а Хециа имеет другое значение («грабов»).

Согласно нашим полевым материалам, фамилия Акшба первоначально звучала как Агшба. Вместе с тем есть сказание: «Единственная сестра семи братьев и Акшба Георгий»[2]. Такие сказания по данным фольклористов, возникают в эпоху позднего средневековья. И, следовательно, форма фамилии Агшба (от «агш» — по-абх. «тополь») является более древней и восходит к почитанию тополя как тотемного дерева фамилии Агшба-Акшба.

Происхождение фамилии Абухба (Абахуба) по преданию связывают с тем, что некогда в походе одна женщина из рода Адлейба родила сына у подножья скалы, а посему новорожденному дали имя Абаху (абахъ — «скала» по-абх.) и все потомство последнего стало именоваться Абахуба[3].

С термином ацан (ацан — название карликового племени, некогда, согласно легенде, населявшего Абхазию) весьма созвучна фамилия Цаа-Цаава. С названием ацан Ш. Д. Инал-ипа сопоставляет фамилию Цанба, топоним Цандрипш[4]. По сведе-

[1] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 23.

[2] Избранные произведения писателей Советской Абхазии. Тбилиси, 1938. С. 137–142.

[3] Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954. С. 22.

[4] Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми, 1977. С. 181.

ниям же некоторых информаторов, фамилия Цаава в прошлом звучала как Цхажъаа.

В среде адзюбжского рода Чанба бытует сказание о том, что их предки вышли из Псху. Причина их выселения оттуда, как рассказывают, такова: после женитьбы по так называемому феодальному «праву первой ночи» молодожен должен был в первую ночь уступить невесту местному князю.

Один из рода Чанба этого не позволил. Он убил князя и, естественно, затем его род скрылся. Часть из них по пути осела в нынешнем Гудаутском районе, а другие двинулись дальше и поселились на правобережье Кодора (Кацикыт). Здесь со временем не стало хватать пастбищных земель. Тогда Чанбовы купили земли на левобережье Кодора (в селе Атара) и переселились туда.

По словам Чанбовых, из села Атара, они издавна жили в поселении Чанааркыт (ныне на территории села Атара). Также считают; под выше приведенным событием убийство князя, имеется в виду сообщение, приведенное в «Истории Абхазии», а, именно, что «*в середине XVIII века крестьяне Дбар и Чанба убили князя, пытавшегося обесчестить девушку*»[1]. По словам нынешних старожилов Адзюбжи из рода Чанба в Атаре у их предков возникли проблемы с водой. Один из Чанба по имени Едгиат решил снова возвратиться в Кацикыт. Запряг арбу и двинулся на старое место. По пути его догнал родной дядя Куаташь (дед Самсона Яковлевича Чанба) и стал настаивать, чтобы тот вернулся обратно. Поднявшийся спор был услышан членами рода Допуа. Узнав в чем дело, один из них предложил: «*У нас один центр (Атары и Адзюбжи), мы дадим тебе землю и вода близка, оставайся!*». И Едгиат таким образом остался на земле, выделенной ему в Допуакыте. Место же, где они сегодня живут,

[1] Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1986. С. 68.

называется Чанаа рхабла — «поселение Чанбовых». Сейчас их там насчитывается пять хозяйств.

Происхождение фамильного имени Чанба исследователи увязывают с одним их перечисляемых турецким путешественником Евлией Челеби (XVII в.) абхазским «племенем Чанды»[1]. По утверждению старожила Ашуба Зинаиды Тычовны, она встречала в Западной Грузии (в Цаленджихе примерно в 1940-х годах) носителей фамилии Чаниа, которые знают, что их фамилия происходит от фамилии Чанба. В то же время очевидно, что в корне фамилии Чанба лежит этническое название чан (чаны — этнографическая группа грузин). О том же свидетельствуют и, например, представители фамилии Ахобадзе из Западной Грузии (абх. Ахуба).

В фамилии абхазского дворянского рода Маргания «... *мы имеем два образовательных суффикса,* — писал акад. Н. Я. Марр, — *один позднейший мингрельский — «иа», а другой наличный и в сванских фамилиях — «ан». Основа «марг» — яфетического (кавказского) происхождения, хайское слово (хайский язык — древнелитературный язык Армении), сохранившейся в грузинском в значении «звезды» (в груз: «мемарге» — «звездочет»), а фамилия буквально значит «сын звезды». Но в абхазском языке она проявляется без мингрельского нароста — «иа», но с утратой группы рг в виде Маан (Марган), мн. Маанаа*»[2]. Следует при этом отметить, что старшее поколение абхазов никогда не говорит Марганиа, а только Маан. В своей работе «Самурзаканцы или мурзаканцы» С. Басария приводит факты о том, как Маан было переделано на «мингрельский» лад — в Марганиа[3]. Так же как Инал-ипа было переделано в Иналискуа, Иналишвили, Лакр-Лакербая, Эмхи-Эмухвари и др. Вместе с тем, если во вто-

[1] Бгажба Х. С. Этюды и исследования. Сухуми, 1974. С. 178.

[2] Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М.–Л., 1938. С. 64–65, 108.

[3] Басария С. Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1990. Вып. 1. С. 29–30.

рой части антропонима Маан видеть сванское «ан» (не отрицая факты языковых встреч сванского с абхазским), то частица «ан» присутствует в целом ряде фамилий у абхазов — Ануа, Нанба, Званба, Анба, Андырбыуа, Тванба, Миканба, Барканаа, Барганджиа и др. В абхазском языке «ан», как известно, обозначает «мать». В этой связи «ан» сопоставим с теонимом «нан» — культом великой матери плодородия, существовавшим в Малой Азии во времена хаттов и хеттов (III–II тыс. до н. э.). У абхазов «нан» — мать, богиня, аныха — святилище, нанхъа — языческий праздник в честь великой животворящей матери, Анана-Гунда — богиня пчеловодства и др. При этом и первая часть антропонима «Маан» — «Ма» являлась у хеттов названием великой Богини — матери богов, образ которой также связан с представлениями о производительных силах природы. Культ малоазийской богини — «Ма» был широко распространен на территории проживания древних синдов (синды, как принято считать, являлись одним из непосредственных предков современных адыгов), от нынешнего города Анапы до города Новороссийска. Об этом свидетельствуют археологические данные[1]. По-видимому, культ богини «Ма» был почитаем и в среде абхазов. Трудно сказать, насколько приведенное здесь суждение о происхождении фамилии Маан соответствует действительности. И над этими вопросами исследователям еще придется поразмышлять, хотя связь данного ономастикона с древним населением Малой Азии исключать полностью, видимо, не следует.

На примере генеалогии фамилии населения Междуречья — низовьев реки Кодор, можно проследить связи абхазов с народами Северного Кавказа. Так, фамилия Черкезия своим происхождением связана с термином, употребляемым для обозначения всех адыгов — «черкес». Фамилия Качарава, а также Карчава (Карчаа), по всей видимости, связана с названием «ка-

[1] Крушкол Ю. С. Древняя Синдика. М., 1971. С. 177–180.

рачай» (*къарачайлыла* — самоназванием карачаевцев). Абхазскими по происхождению являются и такие ныне балкарские фамилии, как Джапуев, Апсуваев...

Относительно генезиса балкарского рода Апсуваевых балкарка Шамсия Апсуваева рассказала автору этих строк: «*Наш фамильный род Апсуваевых из Абхазии. Мы из абхазского рода Маан (Маргания). Нашего предка, переселившегося когда-то в Приэльбрусье, звали Огурлу. Переселившись на нынешнюю территорию Приэльбрусья, Огурлу, называя себя «апсуа», основал фамильный род Апсуваевых. Огурлу Маан был выходцем из села Адзюбжа...*». В настоящее время связи между Апсуваевыми и их адзюбжскими родственниками не прерываются. Еще в советский период один из братьев Апсуваевых — Ачахмат (отец Шамсии Апсуваевой) получил образование в Сухуме. В последующие годы, вплоть до 1990 года, а затем и после завершения боевых действий, с 1993 года представители Апсуваевых ежегодно гостят в селе Адзюбжа.

Отметим также, что один из племянников Шамсии — Альберт Апсуваев в настоящее время является имамом мечети в Приэльбрусье (села Эльбрус, Терскол, Байдаевка, Тегенекли, Нитрина), а двоюродная сестра Шамсии — Мариам Апсуваева после завершения войны 1992–1993 годов восстановила свою исконную фамилию Маан.

Абхазы на протяжении веков, как известно, поддерживали тесные этнокультурные связи с осетинами[1]. Многовековое территориальное соседство приводило к этническому взаимопроникновению, частичной этнической инфильтрации в ту и другую сторону, и нередко к полной ассимиляции. Например, роды Алания, Осия, Шармат и др., — как полагают исследователи, являлись потомками переселившихся некогда в Абхазию групп

[1] Инал-ипа Ш. Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 216–217.

осетино-алано-сарматского происхождения. Об этом говорят сами фамильные имена (Осия — от груз. «оси» или абх. «ауапс» — осетин); родовое имя «Шарамат» связано, по-видимому, с названием «сармат»; фамилия Алания также этнического происхождения — от «алан»[1]. Фамилии, производные от Шармат и Алан, встречаются и ныне в селе Адзюбжа в форме Шаматава и Маланиа.

Согласно фамильному преданию, предки ныне проживающего в Адзюбже рода Канхуа, переселились в Абхазию в XIX веке по причине кровной мести. Со слов Канхуа Сурама Быджговича, его дед, Селым Канока, черкес, выходец из села Джамбачей (ныне относится к Красногвардейскому району Краснодарского края) вынужден был приехать в Абхазию по причине убийства. Здесь он поменял фамилию Канока на Канхуа и записался абхазом[2].

Видимо, к этой же группе фамилий можно отнести и фамилию Жван, принявшую, по К. Д. Мачавариани, грузинскую форму Жвания[3]. Эта фамилия, звучащая по-абхазски как Жьениаа (Жьаниаа), сопоставима с одним из адыгских (шапсугских) этнонимов жанэ (жанеевцы) — названием племени, некогда жившего в долине Цемезь, примыкающем к Суджук-Кальской (совр. Новороссийской) бухте и вдоль берегов Черного моря до Пшады[4]. Носители фамилии Жанаа (Жанава), однокоренной с Жениа также выходцы из Шапсугии, представитель которой Басиат поселился в селе Джгиарда в XIX веке и уже тогда говорил по-абхазски.

[1] Инал-ипа Ш. Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 223.

[2] Тхайцухов М. Генеалогия абазинских фамилий как историко-этнографический источник // Известия АИЯЛИ. Сухуми, 1989. Т. 15. С. 107–108.

[3] Басария С. Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1990. Вып. 1. С. 30.

[4] Люлье. Черкесия. Историко-этнографические статьи // Материалы по истории черкесского народа. 1990. С. 11.

3. Пути сообщения

В исторической жизни Абхазии с древнейших времен основным средством сообщения служил путь по ущелью р. Кодор, далее пролегавший вдоль р. Амткиал с выходом к Клухорскому перевалу.

С началом интенсивного общения с морем, возникновения постоянных торговых путей через перевалы Главного Кавказского хребта (конец III — середина II тыс. до н. э.)[1], в прибрежье низовьев р. Кодор возникают, надо полагать, опорные пункты для перевозок «рабочих» людей, принадлежавших могущественным вождям верховьев реки Кодор.

Интенсивное освоение кодорского пути было вызвано, очевидно, и тем, что в верховьях Кодора и Джампала встречались золотые россыпи. При этом, само название, данное древними греками реке Кодор — Хрисоррой («золотая»)[2], не обязательно понимать буквально, а в том смысле, что это была вообще река, «дающая прибыль», «золотая жила».

Путешественникам и торговцам, прибывавшим в Междуречье и низовья реки Кодор и далее направлявшимся на Северный Кавказ, необходимо было переправиться через реку, что, конечно же, создавало определенные трудности: наиболее же удобной была переправа у поселения Наа.

[1] Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы–Стоянки Воронцовской пещеры // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1958. Т. 29. С. 29.

[2] Соловьев Л. Н. Диоскурия–Севастополис–Цхум // Труды Абхазского Государственного музея. Сухуми, 1947. Вып. 1. С. 109. При этом не исключено, что «Хрисоррой» абхазское как «Ахьрыссара», что в переводе означает «место золотой россыпи»: от ахьы — «золото», асса — «россыпь, и ра — «место».

В низовьях же реки переправа через Кодор еще в средние века была паромная. В церковном документе XVI века один из жителей Скурчи назван содержателем парома[1]. Паромная переправа существовала на Кодоре вплоть до первой половины XX века[2]. По данным ученого-краеведа и общественного деятеля С. П. Басария, в 1920–1930-х годах паромщиком на Кодоре долгое время был житель с. Пакуаш Джат Начкебиа (проживший 140 лет)[3].

Переправлялись через Кодор и вброд. Осмотр этой местности показал, что удобное место переправы находилось на левобережье — в нынешнем пос. Допуакыт (Кудрахыку), там, где выявлены руины (фундаменты) сторожевой башни. Путники, которых заставала ночь у переправы, здесь оставались до утра. Бывали и такие ситуации, когда река поднималась и переправа откладывалась. Стоянка расположена на высоком левом берегу Кодора (около 15–20 м), откуда хорошо обозревается низменное правобережье Кодора. Не исключена также возможность использования этой башни в качестве склада товаров. Таким образом, этот район Кодора вследствие своего местоположения являлся перекрестком магистральных торговых и других путей, пунктом морских связей, где, начиная с древних времен из-за торговых целей, скапливалось немало текучего иноэтнического элемента (греки, армяне, мингрелы, русские). Поэтому, надо полагать, что среди населения Междуречья — низовьев реки Кодор на людей из других поселений и соседних земель, появлявшихся в этих местах или же останавливавшихся проездом с торговыми или другими целями, распространялось и гостеприимство. Однако по большей части (в связи с гидрологическим режимом реки Кодор и необходимостью откладывания переправы на неопределенное время), надо полагать, что эта форма гостеприимства была вынужденной, к тому же накладной для

[1] Памятники грузинского права. Тбилиси, 1965. Т. 2. С. 179–180 (на груз. яз.).

[2] Чочуа А. М. Избр. соч. … С. 25.

[3] Басария С. П. Избр. соч. … С. 50, 59.

местного населения. Нужно также думать, что этой переправой вброд через Кодор пользовались пока в начале XX века через реку, вблизи нынешнего кодорского шоссейного моста, не был построен деревянный мост с металлическими фермами.

Торговцам, направлявшимся из Скурчинской бухты на Северный Кавказ, не менее удобным было переправлять грузы и людей на судах и фелюгах к западной Скурче. Там, на правом берегу северного рукава Кодора, был небольшой залив. Оттуда уже дорога, минуя пункты Бабышира, Дранда, Кодор, направлялась в верховье реки. Обращает на себя внимание сам топоним Дранда и его варианты Дандара, Даранда. В последнем случае, как и в названии «Даринский», совершенно явственно звучит персидское «дар», означающее «ворота», «проход»[1]. Название, возможно, этим пунктам дали аланы или персы во время их пребывания в Абхазии. Интересно, что и топоним Goto (Гото), указываемый на Венецианской карте XIII века в качестве обозначения пункта Кодор, по некоторым данным, с португальского переводится как «горло», «ущелье», что также соответствует географическому положению топонима. Через Дранду и Кодор горцы, в частности цабальцы (цебельдинцы), проходили в Юго–Восточную Абхазию и Мингрелию, т. е. к побережью, как об этом писал Дюбуа де Монпере[2].

Вызывает интерес и старинное название пункта у Южного приюта, который, согласно Ц. Н. Бжания, сваны называют «абхазская таможня»[3]. Таким образом, дорога через Дранду, Кодор, Клухор — это «ворота», «проход» на Северный Кавказ и обратно. Естественно, что и «ключи» от этой дороги должны были находиться у населения бассейна Кодора.

[1] Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. Тифлис, 1909. С. 46–47 и 49–50; Воронов Ю. Н. Драма Клухорской (Военно–Сухумской) дороги. Сухум, 1994. С. 3.

[2] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие… С. 152.

[3] Хотелашвили М. К. Село Дранда. Рукопись. С. 13.

Вторым важным путем на Северный Кавказ является, как известно, путь из Питиунта по р. Бзыбь, через Псху и Санчарский перевал. Адыгейский историк А. Н. Абрегов сопоставляет Санчара с санскритским *sancara* — «проход»[1]. Профессор В. Е. Кварчия полагает, что Санчара может быть и из Сан-цара или Цан-цара «проход Цановых (или Сановы)», где цара «идти», «ход». Древнейшими маршрутами, хотя и имевшими гораздо меньшее значение, являлись: путь из Сухума вдоль р. Западная Гумиста через Псху и Санчарский перевал. Другой путь через Клухорский перевал спускался вдоль р. Кодор и в районе Дала, пересекая Панавский хребет, через Ажару и перевал Ходжал выходил к долинам рек Мыку и Аалдзга. В работе А. Золотарева «Военно-географический очерк окраин России и пути в соседние территории», говорится: *«Река Кодор на большей части омывает глубокую котловину Цебельдинскую (Дал) и далее, прорвавшись среди скал, выходит на равнину и впадает в море у мыса Очамчира»*[2]. Цитированный автор пользовался сведениями лиц, знавших дорогу, идущую через Клухорский перевал к морю: поскольку она шла вдоль Кодора, он полагал, что Кодор впадает в море у мыса Очамчира. Очамчира же, или Шимшир, в переводе с турецкого означает *«самшит»*. Как уже отмечалось, самшит растет и в низовье Кодора (Скурче). Сведения о том, что Кодор впадает там, где растет самшит, и было, по всей видимости, воспринято Золотаревым как название Очамчир. О том же, что Скурчинский залив назывался и Очамчирским свидетельствует К. Кудрявцев, который в числе известных заливов Абхазии упоминает «Скурчу или Очамчирский залив»[3].

---

[1] Джонуа Б. Г. INDOARICA в Абхазии //Абхазоведение. Сухум, 2000. Вып. I. С. 122.

[2] Золотарев А. М. Военно-географический очерк окраин России и пути в соседние территории. СПб., 1903. С. 133.

[3] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми, 1922. С. 9.

В конце XIX веке наиболее удобным на Северном рукаве Кодора считался брод против Цкыбына–Дранды[1]. Путники, перейдя брод у Цкыбына, спускаясь по северному рукаву реки Кодор, выходили на прибрежную дорогу.

С расширением торгово-экономических связей возникла необходимость в улучшении путей сообщения. При этом на реке Кодор, в ее низовьях, предлагалось, в частности, устроить *«паром на высоких чугунных колесах, с употреблением на то быков и буйволов»*[2].

«Под давлением быстрого экономического роста всей прилегающей к Сухуму местности» возникает необходимость заменить шоссе на железную дорогу. Через Кодор предлагалось строить мост железнодорожной конструкции[3] (железный мост через р. Кодор был построен в 1935 году).

Путям сообщения низовьев реки Кодор с другими населенными пунктами Абхазии, К. Д. Мачавариани в своем «Описательном путеводителе по городу Сухуму и Сухумскому округу» посвятил специальный раздел под названием «Селение Адзюбжа и пути сообщения до м. Очемчиры». К. Д. Мачавариани отмечает, что пассажирские перевозки между этими пунктами в 90-х годах XIX столетия стали совершаться на фаэтонах и дилижансах[4]. Грузовое движение от Сухума до Кодора совершалось *«в сутки на арбах и дрогах на 850 лошадях, буйволах и быках, а пассажирское — дилижансами, фаэтонами и дрогами на 829 лошадях; кроме того, по тому же тракту проходили в сутки 120 вьючных и 118 под всадниками лошадей»*[5]. Ежедневно между

---

[1] Сведения об удобствах… С. 5; Утверждение наше в Абхазии // Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. 13. С. 198.

[2] Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 98.

[3] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001. С. 37.

[4] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу… С. 115–116.

[5] Там же. С. 84.

Очамчирой и станцией Кодор стали курсировать многоместные кареты-омнибусы[1].

Заслуживает, наконец, внимания построенная в с. Адзюбжа в конце XIX века лесопромышленником В. Максимовым, узкоколейная железная дорога, протяженностью 7 верст. Абхазы называли его «*агон мюа*», где «*агон*» означает «*вагон*», «*амюа*» — «*дорога*»[2]. Узкоколейка шла от лесозавода до Скурчинской бухты, где были сооружены склады и пристань. Узкоколейка пролегала по холмистой местности; поднималась на подъем и подходила ко второй возвышенности. У подножия этой возвышенности железная дорога поворачивала направо — на юг и примерно 300–400 метров шла вдоль подножия возвышенности. Затем она поворачивала налево и пролегала через густые леса Агдарра, что по левой стороне шоссейной дороги. Почти на повороте от шоссе на Скурчинской (Цкургильской) проселочной дороге узкоколейка поворачивала направо и подходила к бухте[3].

4. Адзюбжа

Село Адзюбжа является западными воротами Очамчырского района Республики Абхазия. Это один из наиболее древних и крупных населенных пунктов, и не только Юго-Восточной Абхазии. В историческом прошлом название

[1] Ган К.Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию // Кавказский вестник. Тифлис, 1902. № 4. С. 30.

[2] Камкиа Ш.Т. Адзюбжа в прошлом и настоящем // Газ. «Апсны». 1997 г. № 66. (на абх.яз.).

[3] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа Очамчирского района. 1965 г. Машинопись//Архив АБИГИ. Ф. 6. Д. 1. С. 1.; Апсны ахсаала (Карта Абхазии). 1912.

Адзюбжа распространялось на всю дельту главной реки Абхазии — Кодора, состоявшую из множества мелких протоков и двух основных рукавов — Большого и Малого Кодора. Расположение исторического ядра села между этими рукавами послужило основанием для названия Адзюбжа (Азоыбжьа), что в дословном переводе с абхазского означает «междуречье». В настоящее время территория села (в результате исторических превратностей), как уже отмечалось, локализуется лишь по левому берегу р. Кодор. В Адзюбже в настоящее время есть следующие поселки: Адзюбжа, Ахыуаа, Баглан, Балан, Допуакыт, Джобриа, Кудрахыку, Скурча, Цкургил.

В 1971 году в целях охраны ценных древесных реликтов третичного периода, и в целом колхидской флоры, в Адзюбже был организован Скурчинский заповедник (площадью 85 га). В 1977 году он был присоединен к Псху-Гумистинскому заповеднику. Примечательно, что ряд растений (самшит колхидский, обвойник греческий, дуб Гартвиса и др.) сохранили некоторые биологические особенности, которые они имели в далекую третичную эпоху. По территории села проходит один из интенсивных миграционных путей птиц — восточно-черноморский. Небольшой поток проходит и через Клухорский перевал, и эти пути — через горы и по побережью — смыкаются в Адзюбже. По территории Адзюбжи проходит северо-западная граница ареала распространения «короля дичи» колхидского подвида фазана.

Небезынтересно свидетельство А. М. Горького о своеобразной суровости ландшафта низовьев реки Кодор: «*Слева от меня по вершинам гор тяжело нависли, угрожая дождем, дымные облака, от них ползут тени по зеленым скатам, где растет мертвое дерево самшит*». Мало кто знает и то, что ставшее известным всему миру горьковское изречение: «*Превосходная должность — быть на земле человеком: столько увидеть чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в та-*

ком восхищении перед красотою!» — связано с рекой Кодором и районом села Адзюбжа[1].

Река Кодор, по оценкам специалистов-ихтиологов, считается крупнейшей нерестовой лососевой рекой Черноморского бассейна. В отличие от северных районов бывшего СССР, где молодь близких видов достигает стадии поката в 3–4 года, в Абхазии лосось достигает этой стадии за один год. Географическое положение села в дельте Кодора определило и его важную историческую роль в судьбах страны. В первой половине XIX века Адзюбжа являлась вторым в Абхазии пунктом после села Лыхны, в Северо-Западной Абхазии, где находилась резиденция владетеля страны (в Адзюбже насчитывалось 240 дворов, в Лыхны — 400)[2]. С середины XIX века северная территория Адзюбжской общины доходила до Келасурской, или Великой Абхазской стены — крупнейшего оборонительного сооружения Кавказа. На территории села выявлен ряд ценных для исторической науки археологических городищ, могильников и поселений I тыс. до н. э., еще недостаточно изученных. Многие ученые связывали район Адзюбжи с античным городом Диоскуриада.

В 1962 году группа ученых Абхазского научно-исследовательского института им. Д. И. Гулия в составе: М. М. Трапш, Х. С. Бгажба, Б. П. Джанашиа, а также агроном-плодовод Э. М. Акшба произвели осмотр местности Ашьашла (старожилы так называли район бухты Скурча). М. М. Трапшом было выявлено наличие здесь укрепленного поселения. Им была сделана полевая запись следующего содержания: Городище на возвышенном плато, округлой четырехугольной формы с крутыми искусственными откосами со всех сторон. Городище занимает господствующее положение в том районе, находится между магистральным шоссе и морем, северо-восточнее оз. Скурча. На городище найдены: обломки посуды (пифос, горшки, кувшины и т. д.): один метательный камень шарообразной формы, большая кремневая бусина с голубыми и синими полосками (двухстороннее сверление цилиндрическое (пополам?), куски раствора (глина, песок, гравий) от стен здания, керамические шлаки; обмазка глиняная[1]. Причерноморская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Центром археологических исследований АН ГССР во время раскопок в том же районе пос. Балан в 1978–1979 годах выявили обломки чернолакового сосуда, несомкнутое золотое колечко. В могильниках поселения обнаружили довольно богатый инвентарь: серебряную тарелку, синопскую и колхидскую амфоры (сохранились их стенки), бронзовый сосуд (сохранились ручки), импортные амфориски, чернолаковую ихтию (рыбное блюдо), золотые предметы — две бляхи в виде пальметок с рельефной розеткой у основания и с ушками для привешивания с обратной стороны, круглопроволочный браслет с прогибом на спинке, крупнопроволочная серьга с поперечными насечками на концах, две конусовидные полые подвески с шестью ушками для подвешивания у основания и 29 бляшек в виде розеток с ушками на обратной стороне. Особый интерес представляет уникальнейшая бронзовая конская маска, рядом с последней обнаружено пять серебряных блях, скорее всего от конской сбруи. Там же найдено множество железного оружия.

Судя по обряду погребения и составу инвентаря могильники относятся к III веке до н. э. Захоронение явно принадлежало эллинизированным представителям местной знати[2]. В бухте Скурча с древности и вплоть до первой четверти XIX века

---

[1] Горький М. Рождение человека // Горький М. По Руси. М., 1973. С. 3–4.

[2] Абрюцкий 2-й. Статистический взгляд на Абхазию // Краткие исторические сведения об Абхазии… С. 227.

[1] Трапш М.М. Полевая запись. 7 марта 1962 г. Пос. Балан. Хранится в Отделе древней истории и археологии Абхазского Государственного музея.

[2] Барамидзе М.В., Бжания В.В., Квирквелия Г.Т. Раскопки в Адзюбжа// Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 496.

был невольничий и обычный рынок. В позднее средневековье Скурча (Исгаур) являлась крупнейшим работорговым рынком Восточного Причерноморья.

Со второй половины XIII века и почти до конца XV века на процесс этнокультурного развития народов Западного Закавказья определенное влияние оказывали генуэзцы, так как Северное и Восточное Причерноморье являлись в указанное время важнейшими объектами колониальной экспансии Венеции и Генуи. Согласно данным учебного пособия «История Абхазии»[1], на побережье Абхазии были основаны фактории Севастополис (Сухум), Какари (Гагра), Санта–София (Алахадзы), Пецонда (Пицунда), Каво-ди-Буксо (Гудаута), Никоффа (Анакопия), Таманса (Тамыш) и др.

В числе генуэзских факторий, располагавшихся на территории современной Абхазии, по материалам К. Кудрявцева, близ мыса Кодор (Goto), были также фактории Цикаба (Цкыбын-Дранда) и Исгаур (Скурча). В этой связи необходимо отметить, что на карте Майоло 1519 года район устья Кодора назван «Каво зизибар»[2]. Название *cava (cavo)* с итальянского переводится как «карьер», «копи»: *cava di pietra* — «каменоломня»: *cava di sabbia* — «песчаный карьер»: *cava di marmo* — «мраморный карьер» и т. д.[3] Что касается названия «Каво зизибар», то вторая часть слова «зизибар», по фонетике не итальянское слово, это скорее интерпретация на иноземный лад какого-то местного, абхазского наименования, о чем говорят следующие примеры: абхазское название Анакопиа генуэзцы передают как Анакофо, Пицунда — Пецонда, Гагра — Какари, Трабзон — Трапизонда и т. д. На основании сказанного, можно не сомневаться в том, что «зизибар» это переиначенное на итальянский лад трудновыговариваемое название Адзюбжа и его варианты — Ад-зиб-ж-ар-а, Авид-зиб-ж-ар-а (кстати, абхазское название воды — *«адзы»* — в итальянском языке передается через «зи»). Следовательно, в дословном переводе «Каво зизибар» означает «Адзюбжский карьер» (По аналогии с «Каво зизибар», «Каво–ди–Буксо» — название г. Гудаута — означает «Самшитовый карьер», но не указываемый в письменных источниках его перевод как «Пальмовая (самшитовая) гавань»).

Это указывает на то, что генуэзцы в районе Адзюбжи что-то разрабатывали и вывозили в свой главный центр в Черноморье Каффу (совр. г. Феодосия в Крыму).

Отметим, что в районе Адзюбжи, согласно геологическим исследованиям, имеются россыпи магнетитовых песков высокого качества, мергелистых глин и др.[1] Надо полагать, из района Адзюбжи — Скурчи генуэзцы вывозили главным образом древесину самшита, который наряду с буком — корабельным лесом, являлся одним из наиболее важных экспортных товаров Абхазии (генуэзцы часто называли Абхазию «берегом ценного леса»). Наличие на карте Майоло в районе устья Кодора пункта «Адзюбжский карьер» само собой указывает на существование там и генуэзского поселения.

В середине XVII века мингрельский владетель Г. Дадиани оккупировал Юго-Восточную Абхазию. Граница между двумя княжествами в исторически ограниченный отрезок времени проходила по нижнему течению реки Кодор.

В 1821 году в низовьях Кодора произошло крупное сражение между отрядами старшего сына владетеля Абхазии Келешбея Чачба — Аслан-бея и царскими войсками. В 1824 году вновь в районе Адзюбжи произошло сражение между сторонниками Аслан-бея и царизмом.

---

[1] История Абхазии. Сухум, 1991. С. 109.

[2] Цит. по: Хотелашвили М. К. Село Дранда. Рукопись. 1982. С. 11.

[3] Скворцова Н.А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. М., 1977. С. 158; Русско-итальянский учебный словарь. М., 1990. С. 226.

[1] Букия С., Колосовская О. и др. Геологическая карта и карта полезных ископаемых Абхазской АССР. 1971.

В мае 1877 года у Кодорской переправы произошли первые бои в русско-турецкой войне на кавказском театре действий. Село Адзюбжа в тот период было превращено в пепелище. Из имевшихся в селе 390 хозяйств в Османскую империю было выселено 370 семей (по другим данным, 298 семей)[1].

В 1898 году ростовский лесопромышленник В. Максимов основал в Адзюбже Кодорский лесопильный завод, являвшийся из восьми существовавших тогда в Абхазии лесозаводов наиболее крупным промышленным предприятием. В 1930-е годы 66% экспортной программы лесопромышленности всего Закавказья падало на Кодорский лесозавод[2] (на правобережье р. Кодор). С началом XX века лесозавод становится наиболее значительным центром нарождавшегося социал-демократического и рабочего движения Абхазии. В 1902 году прибывший из Москвы народоволец П. Добрынин недалеко от лесозавода, в Скурче, объединив несколько местных жителей, организовал садовый кооператив «Язон», ставший конспиративным домом отдыха. По вечерам на даче разгорались горячие споры на политические и литературные темы. Посетители «Язона» общались со вторым конспиративным домом отдыха революционеров в имении Вороновых «Ясочка» в Цебельде[3].

Еще в начале XX века (1910 году) в с. Адзюбжа проживала расширенная негритянская семья Амбера Абаш[4]. Проф. П. И. Ковалевский в книге «Кавказ» писал, что «*в Абхазии целое селение состоит из негров. Это село Адзюбжа у устьев Кодора, в Сухумском уезде*»[5]. Поправляя эту неточность Д. И. Гулиа в 1925

[1] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 371.

[2] Абшилава А.А. История промышленности Абхазской АССР. 1921–1941. Тбилиси, 1969. С. 148.

[3] Лейберов И. П. Цебельдинская находка. М., 1980. С. 100–116.

[4] Делба М. Адзюбжские негры // Журн. «Алашара». 1981. № 4. С. 73–76 (на абх.яз.).

[5] Ковалевский П. И. Кавказ. Народы Кавказа. СПб., 1914. Т. 1. С. 37.

году писал, что в Адзюбже из 160 дворов, «*только два дыма негров по фамилии Хабаш, а лет 40 тому назад был один дым*»[1] (потомки негров, кроме с. Адзюбжа встречаются или встречались до недавнего времени также в селах Аацы, Ачандара, Кындыг, Тамыш, Река, Илор, Тхина и др.).

По свидетельствам русских бытописателей, середины XIX века, негры были привезены в Абхазию не раньше чем появились на Черноморском берегу Кавказа турки, у которых всегда бывало много рабов из африканцев, доставлявшихся из турецких африканских владений.

Первое упоминание в русской прессе об абхазских неграх приводится русским писателем В. Соллогубом. В своих путевых очерках о Черноморском побережье Кавказа он писал о встрече с негром в 1853 году в с. Адзюбжа, недалеко от моря. Любопытное упоминание о том же содержится и у Е. Л. Маркова: «*Проезжая в первый раз абхазскую общину Адзюбжа, я был поражен чисто тропическим ландшафтом: на яркой зелени густых девственных зарослей копошились курчавые африканцы, важно проходила с какой-то ношей негритянка. На ослепительном солнце черные люди в белых одеждах представляли характерное зрелище какой-нибудь африканской сценки… Негры эти ничем не отличаются от абхазцев, среди которых живут уже с давних времен, говорят по-абхазски, исповедуя ту же веру*»[2].

У упомянутого выше адзюбжского негра Амбера Абаш было два сына — Шаабан и Ширин и три дочери — Ксения, Кампыча и Антица. Был у него еще и старший сын, который учился (вместе с сыном князя Гиаргуала Чачба) в одном из Петербургских военно-учебных заведений, но умер до завершения учебы. У старшего сына Амбера, Шаабана, от брака с первой женой, абхазкой Киут, было двое детей — сын Валерий и дочь Цуца. Со

[1] Гулиа Д.И. Собр. соч. Сухуми, 1986. Т. 6. С. 258.

[2] Цит. по: Пачулиа В. П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья. М., 1986. С. 60.

смертью первой жены Шаабан женился на русской женщине: брак был недолгий — она умерла. От второго брака у Шаабана не было детей. Сын Шаабана — Валерий получил высшее образование, работал в Москве, но умер, не был женат. Сам Шаабан Абаш скончался в 1943 году на 65 году жизни.

Младший брат Шаабана — Ширин — жил в отцовском доме и работал в колхозе. От брака с абхазкой Лили Кация, у него родился сын Нури (кадровый моряк, без вести пропал в Великую Отечественную войну) и дочь Нуца, закончившая Тбилисский медицинский институт. Ширин также был вторым браком женат на русской, от которой у него не было детей. Скончался Ширин через некоторое время после смерти старшего брата Шаабана. Из сестер Абаш младшая Антица умерла в расцвете сил (в 1930-е годы она считалась одной из лучших исполнительниц абхазских народных песен под аккомпанемент ачамгура — деревянного щипкового музыкального инструмента — и гитары). Старшая из сестер Кампыч и средняя Ксения, также скончавшиеся через некоторое время, были замужем — Кампыч в с. Кындыг за Тофиком Чанба. У них родилась девочка Джумка и сын Шамил[1]. Для нынешних адзюбжских негров и нескольких поколений, предшествовавших им, не ведом язык африканских народов, потомками которых они являются: родным для них языком стал абхазский. Семья Амбера и Софьи владела также мингрельским и русскими языками. По рассказу дочери Ширина — Нуцы, ее отец хорошо знал и турецкий язык, что неудивительно, так как в соседнем с. Аракич жили бежавшие сюда из Турции в конце XIX и начале XX века амшенские армяне, хорошо знавшие турецкий язык, от которых Ширин мог научиться турецкому языку. Между неграми и абхазами не было никаких противоречий. Жили негры теми же обычаями и культурой, что и окружавшее их абхазское население, только

[1] Делба М. Адзюбжские негры // Журн. «Алашара»…

антропологический тип выдает, что они принадлежат к негроидной расе[1].

Основная причина существования расширенной негритянской семьи состояла в том, что они жили обособленно и местное население не смешивалось с ними. Как писал Д. И. Гулиа, *«случаи браков с неграми белого населения* (в Абхазии. — О. М.) *были крайне редки, но теперь не так редки»*[2].

Семью Амбера Абаш часто посещали высокие гости. Известный негритянский певец Поль Робсон писал: *«Очень интересно было прочитать об африканцах Адзюбжи, об их истории и развитии…, за этой сагой (историей) я следил на протяжении многих лет, поскольку такова же была история предка великого Пушкина. Я скоро приеду повидать своих братьев и сестер. Это будет большая радость»*. В начале 1930-х годов в Советский Союз приезжала делегация компартии США, в составе которой был американский негр по имени Джон. Узнав, что в Абхазии, в с. Адзюбжа, проживают негры, он также посетил село. Джону очень понравилось музыкальное творчество Антицы, он пригласил ее поехать с ним в США. Антица Абаш приглашение не приняла.

Жизнью и бытом адзюбжских негров интересовались абхазские исследователи и писатели: С. Чанба, Н. Джанашиа, Д. Гулиа, А. Чочуа. В конце 20-х и начале 30-х годов XX века у абхазских негров побывали М. Горький, А. Барбюс.

Адзюбжа — родина выдающегося деятеля культуры и просвещения Абхазии А. М. Чочуа, видного общественного деятеля, этнографа Н. С. Джанашиа. Здесь провел свои юношеские годы, выучил абхазский язык будущий академик С. Н. Джанашиа. В Адзюбже (Уарче) родился основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа.

Видный общественный и государственный деятель Иван Николаевич. Маргания (Кудж Маан), просветитель Василий

[1] Газ. «Заря Востока». 22 августа 1958 г.

[2] Гулиа Д.И. Собр. соч. Т. 6… С. 258.

Николаевич Маан (Мышьа Маан), известный дворянин Кычын Маан (Александр Маргания), видный большевик Михаил Канович Цагурия, председатель Очамчырского уездного исполкома в 1925–1939 гг. Дмитрий Лукьянович Габуния, заслуженный мастер спорта СССР Владимир Чичинович Маргания (Тугва Маан) — тоже уроженцы села Адзюбжа.

Абхазские ученые-просветители А. М. Чочуа, Д. И. Гулиа, Н. С. Джанашиа с вожделением вспоминают имена адзюбжских сказителей: Чакуа Сабекиа, Быджгуа Канхуа, Куасты Лолуа, Куастандела Жениа, Алексея Джанашиа, Кана Цагуриа. В Адзюбже жили и другие весьма уважаемые и почтенные сказители, умудренные жизненным опытом люди, такие как: Бирам Джикирба, Мырза Маан, Шьмаф Допуа, Бакура Амзцба (Муцба), Хуса Камкиа, Хусреб Апшцба, Екуп Делба, Антон Куциа, Мшвагу Ченгелиа, Смел Кациа, Хусейн Акшба, Мамсыр Чочуа, Куагу Чанба, Нарыкь Абыхуба и мн. др.

К 1896 году относится открытие в с. Адзюбжа церковно-приходской школы (точнее, перенесение школы в Адзюбжу из с. Джгиарда, население которого мусульманского вероисповедания отказалось посылать своих детей в православную школу). В 1903 году Адзюбжская одноклассная школа была преобразована в женскую, но в том же году была закрыта ввиду открытия здесь министерской школы[1], которая ютилась в тесной комнате сельской управы, едва вмещавшей 15 учеников. Адзюбжцы часто ставили перед властями вопрос о постройке школьного здания и улучшении учебно-воспитательного дела в школе, в чем однако не получали положительного ответа[2]. И только по инициативе А. М. Чочуа, Н. С. Джанашиа и при поддержке старожилов летом 1912 года на большом сходе сельчан было принято решение о строительстве в селе на средства населения школьного здания.

[1] Дудко А.П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917 гг.). Сухуми, 1956. С. 31, 145, 152, 174, 187, 320.

[2] Чочуа А. М. Избр. соч. … С. 8.

Для сбора денежных средств среди населения была выделена специальная группа, которая, перекинув башлыки через плечо, ходила по домам[1]. Причем, начальником Сухумского военного округа полковником Венцлером[2] собственноручно был заложен фундамент строившегося школьного здания. Однако сумма, потребовавшаяся для постройки здания школы оказалась слишком крупной, и больше половины этих денег было собрано добровольными пожертвованиями в Сухуме и его окрестностях[3].

[1] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа… С. 2.

[2] Чочуа А.М. Избр. соч. … С. 62.

[3] Автор статьи «Абхазцы у сухумцев», об этом писал: «*Вот уже целая неделя как несколько человек-абхазцев из села Адзюбжа по городу собирают доброхотные пожертвования на постройку школьного здания в своем родном селе... История школьного вопроса в том селе довольно интересна и поучительна... Почти целое столетие понадобилось на то, чтобы сломить индифферентность, даже более — враждебность, адзюбжцев к школе. Когда в конце семидесятых годов… начальник отдела Гейман предложил адзюбжцам отправить одного мальчика на казенный счет в Никитскую школу садоводства, то общественный сход выдал генералу Гейману мальчика Н. как не имеющего защитника... Много лет после вышеприведенного акта, адзюбжцы после ряда увещаний только потому согласились приютить у себя перед тем из села Джгиарда буквально «уволенную» церковноприходскую школу, что духовное ведомство никаких материальных затрат от общества не требовало. Мало того, когда в конце XIX столетия губернское начальство наметило открыть на земские средства школу в Адзюбже, то адзюбжцы «единогласно» отказались дать место у себя таковой школе, а потому она очутилась в соседнем селе Киндги».* Причина столь «долгого упорства и отказа» адзюбжцев от открытия школы заключалась, видимо, в подстрекательстве народа какими-то группами-противниками народного образования населения. «*То, что не смогли сделать ни начальство, ни отдельные доброжелатели общества, сделало само время: полтора года тому назад по инициативе самих крестьян, что особенно ценно, общественный сход постановил: выстроить большое кирпичное здание (по смете Сухумского округа оцененного в 19.900 с лишним рублей) о 18 комнатах под двухклассную школу с шестигодичным курсом и с сельскохозяйственным отделением: при этом решили при школе устроить и общежитие на 100 учеников…*».

Воодушевленные согласием и усиленно поддерживаемые как администрацией, так и дирекцией 150 дворов адзюбжцев довели свое возлюбленное детище почти до половины: стены выведены и здание готово к покрытию; а всякие источники иссякли… Вот это «*то обстоятельство и заставило адзюбжцев выслать в Сухум несколько уполномоченных для сбора пожертвований на такое доброе дело…*» А один из активных участников сбора средств для строительства школы, учитель Дм. Габуния писал, что таким путем было набрано «*до десяти тысяч рублей*». (Материал любезно предоставлен М. К. Хотелашвили — Инал-ипа).

Энергичную поддержку им оказали кн. А. Г. Шервашидзе, гр. Соллогуб, господа Х. К. Самуриди и Симонов. На собрании правления абхазского просветительского общества под председательством городского головы кн. А. Г. Шервашидзе, было рассмотрено и удовлетворено ходатайство представителей адзюбжцев «об ассигновании 300 руб. временно из сумм просветительского общества для окончательного расчета по постройке двухэтажного здания школы в Адзюбже имени его императорского высочества цесаревича Алексея Николаевича»[1].

В результате «дружной совместной деятельности членов местного общества» в 1913–1914 году[2] в Адзюбже была построена лучшая тогда в Абхазии школа — двухклассное училище с шестигодичным курсом обучения и общежитием на 30 учеников. Газета «Сухумский вестник» 2 декабря 1912 года по этому поводу писала: *«Удивительную настойчивость в этом симпатичном деле проявили местные уроженцы — учителя Сухумского училища А. Чочуа, грузинской школы Н. Джанашиа, приходской священник А. Топуридзе, заведующий училищем И. Ахведиани и члены строительного комитета с почетным блюстителем школы Якубом Делба во главе, труды и заслуги которых перед местным обществом, несомненно, будут оценены по достоинству»*. В этой школе, помимо «многочисленной местной учащейся детворы», учились и дети из других сел тогдашнего Кодорского уезда (в частности, Голандзия Л., Гадлиба Я, Гадлиба М., и многие другие из с. Атара, Кутол, Джгиарда, Члоу, Тамыш, Кындыг).

Классик абхазской литературы С. Я. Чанба указывал на жителей Адзюбжи как на одно из передовых обществ, осознавших необходимость просвещения.

В Первой мировой войне участвовали 12 адзюбжцев. Один из них — негр Шаабан Абаш (награжден Георгиевским крестом

[1] Газ. «Сухумский вестник». 1913. № 262.

[2] Чочуа А. М. Избр. соч. ... С. 58.

четвертой степени) являлся знаменосцем Абхазской сотни, а по другим данным, и знаменосцем Кавказской Дикой дивизии. В период установления Советской власти в Абхазии в 1918 году в районе Адзюбжи происходил бой между грузинскими меньшевиками и абхазскими повстанцами. В память об этом событии у Кодорского моста установлена мемориальная доска.

В годы репрессий (1937–1938 гг.) по так называемому «Делу адзюбжской молодежи» (или дело «Организаторы») к уголовной ответственности было привлечено 35 сельчан, из них 22 человека расстреляно. Всего в тот период было расстреляно 29 адзюбжцев.

В 1940 году грузинские власти начали переселенческую политику. Адзюбжа была заселена 264 хозяйствами колхозников из Западной Грузии. Во время Великой Отечественной войны на защиту Отечества встали 120 адзюбжцев, из них не вернулось более половины — 65 человек: Сандра Жвания, Нури Капба, Фома Абухба, педагоги Ясон Кация, Мамия Канхуа, Шалуа Квирая и др. Многие из них, с честью выполнившие ответственные боевые задания, награждены советскими орденами и медалями, а один из них — Николай Ходосов удостоен звания Героя Советского Союза. После завершения войны, в Абхазии продолжилась переселенческая политика. Позже вместо одного Адзюбжского сельского совета было образовано три: Адзюбжский, Ахалдабский и «Агараки» (Дача).

В 1945 году комиссия под председательством выходца из Адзюбжи М. К. Делба разработала мероприятия по переводу обучения в абхазских школах на грузинский язык.

В период и после завершения Великой Отечественной войны и до 1954 года адзюбжские дети после окончания местной семилетней школы на грузинском языке переводились в Ахалдабскую грузинскую среднюю школу.

В 1948 году Георгий Камкия, Самсон Кация, Кондрат Кация, Арсен Кобахия, Трифон Сичинава и Шалико Чочуа *«за исключительные заслуги перед государством, выразившиеся в получении*

урожая кукурузы 77,06 центнера с гектара на площади 3 гектара» были удостоены звания Героя Социалистического Труда.

В 1960–1980-е годы проводились некоторые мероприятия по улучшению жизни села (асфальтирование проселочных дорог, электрификация), но многие решения, принятые компартией, повлекли за собой целую серию тяжелых последствий. Наиболее отрицательным явилось строительство в Адзюбже Цкургильского завода нерудных материалов, чем был нанесен невосполнимый урон экологии Очамчырского района.

В эти же годы в Адзюбже были проведены значимые культурные мероприятия. Так, 27 марта 1963 года здесь прошел вечер, посвященный памяти А. М. Горького, в ознаменование его столетия; в связи с тем, что в основу рассказа А. М. Горького «Рождение человека» легло событие, пережитое им на берегу реки Кодор, правительство Абхазии в ознаменование столетия писателя в 1968 году приняло постановление *«именовать Адзюбжинскую больницу «Рождение человека»*[1].

В 1974 году в республике широко праздновалось столетие со дня рождения основоположника абхазской литературы Дмитрия Иосифовича Гулиа. На родине юбиляра, в с. Адзюбжа, 21 сентября был проведен День поэзии, в котором приняли участие гости — поэты и писатели из многих городов и республик Советского Союза: русские писатели Константин Симонов, Сергей Орлов, Яков Козловский; осетин Рюрик Тедета, грузин Джансуг Чарквиани, азербайджанец Нариман Гасан-заде, кабардинец Адам Шогенцуков, абазин М. Чикатуев, сын Дмитрия Гулиа — Георгий и др.

На празднике было высказано пожелание, чтобы адзюбжские дни поэзии стали для Абхазии такими же праздниками, какими стали пушкинские дни в селе Михайловском[2]. Адзюбжцы рассказали гостям о жизни и достижениях села, где каждый гордится тем, что это родина Дмитрия Гулиа. В завершении юбилея, 21 сентября 1974 года делегацией Союза писателей СССР, возглавляемой К. М. Симоновым, в центре села была заложена аллея дружбы из кипарисов, тюльпановых деревьев и абхазских чинар.

Период перестройки знаменателен для адзюбжцев и всей Абхазии как благоприятное время для установления связей с зарубежными соотечественниками, потомками депортированных царизмом абхазов в XIX столетии в Османскую империю. В эти годы Адзюбжу посетили потомки депортантов из родов Кациа, Маан, Чанба. В их числе были: Иаган (Маан) Мамун — житель Дамаска, в прошлом известный в Сирии спортсмен-футболист; художник из Сирии Ахмад Иаган (Маан); из Турции — врач Яшар Кациа и спортсмен-боксер Шьаафытын Джанай (Чанба).

Адзюбжа в эти годы принимала много гостей, в частности, делегатов (в основном с Северного Кавказа), состоявшейся в ноябре 1963 года в городе Сухум Всесоюзной научной конференции по проблемам нартского эпоса народов Кавказа, космонавтов А. Хрунова и Г. Титова; немецкого журналиста Г. Штайна, который в своих очерках дал описание некоторых сторон хозяйства и быта Адзюбжи тех лет как примера абхазского села советского времени.

В рассматриваемый период в Адзюбже трудилась замечательная сельская интеллигенция, которая проводила огромную учебно-воспитательную и культурно-просветительскую работу. В те годы Адзюбжскую абхазскую среднюю школу возглавлял заслуженный учитель школы ГССР, отличник просвещения СССР, математик Александр Кациа. Здесь детей обучали и воспитывали: заслуженный учитель школы Абхазской АССР, участник Всесоюзного съезда учителей 1968 года, историк Ясон Делба; заслуженный учитель школы Абхазской АССР, преподаватель русского языка и литературы Ксения Джинджолия; отличник народного образования ГССР Алла Маргания; учитель абхазского языка и литературы Юрий Габуния; учитель истории

[1] Газ. «Советская Абхазия». 27 марта 1968 г.

[2] Там же. 24 сентября 1974 г.

Иосиф Габелая; химии — Евгения Недоступ; математики — Валико Халваш, физики — Заур Карчава; учителя начальных классов — Бабуся Киут, Венера Бжания, Цибул Кация, Алла Куция — отличник просвещения ГССР, преподаватель русского языка и литературы, руководила школой с 1976 по 2001 год.

Интеллигенцию села Адзюбжа представляли заслуженный ветеринарный врач ГССР Георгий Карчава, заслуженный агроном Абхазской АССР и Грузинской ССР Ипполит Инал-ипа, главврач Адзюбжской больницы «Рождение человека» Цицина Барганджия, председатель сельского совета Шамиль Камкия. К видным выходцам из Адзюбжи относятся заслуженный работник науки Абхазской АССР Баграт Джанашия; известный агроном-плодовод, в 1957 году первый заместитель министра сельского хозяйства Абхазской АССР Эраст Акшба; видный юрист Гамбета Маан (Маргания Михаил, 1895–1962 гг.); министр здравоохранения Абхазской АССР в 1982–1990 годах. Анатолий Акшба; его брат Реваз Акшба — заместитель генерального директора Черноморэнерго; председатель Государственного комитета по репатриации Республики Абхазия в 1997–2002 и 2003–2004 годах. Гиви Допуа, его брат Гурам — министр энергетики, транспорта и связи в 1991–1994 гг.; Баграт Кация — заслуженный учитель школы Абхазской АССР и Грузинской СССР, его сын Виктор — заслуженный врач Абхазской АССР и Грузинской ССР; Рауль Кация — художник, директор Абхазских художественно-производственных мастерских Художественного фонда Грузии; Владимир Чичерия — писатель, без вести пропал во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов; Ясон Чочуа — известный абхазский актер, переводчик.

В 1989 году грузинское население Адзюбжи (жители Ахалдабы) требовали разделения сельского исполкома, включавшего два села: Адзюбжу и Ахалдабу и создания самостоятельного исполкома с. Ахалдаба. В 1990–1991 годах конфронтацию создавали представители молодой грузинской интеллигенции,

подстрекаемые специально прибывшими из Грузии. Однако с вводом в Абхазию войск Госсовета Грузии, по словам старожилов, *«даже старики-грузины начали пугать нас»*.

Несмотря на неимоверно тяжелые послевоенные условия жизни села, адзюбжцы не пали духом. И заслуга в этом ее молодежи. Они своими руками подняли село из руин. Их старанияими были решены первоочередные задачи его восстановления.

Несмотря на происходящие в современном обществе существенные процессы нивелировки традиционной культуры, адзюбжцы осознают значение национальных ценностей и сохраняют многое из уходящего. В хозяйствах села возрождены предметы традиционного быта (плетенные хозяйственные постройки, изделия народного промысла). Есть немало хозяйств, служащих примером сочетания современных условий жизни с традиционными. Кроме того, что они сохранили свое абхазское своеобразие, их можно охарактеризовать как настоящих фермеров. Такие хозяйства подают пример, как в современных условиях модернизации, не отказываясь от традиции и обычаев национальной жизни, следует строить свой быт.

5. Религиозные культы и места поклонения святым

На территории нижнего течения реки Кодор, согласно письменным источникам и полевым материалам, имелся ряд культов, родовых и общинных божеств. В ранние периоды освоения этой территории их было, очевидно, значительно больше: каждое поселение имело свой культовый центр и свое божество (имя которого не произносилось и с течением времени стиралось из памяти).

Культовые места были приурочены к рощам или отдельным деревьям, камням. Так, в районе Скурчинского причала вплоть до недавнего времени сохранялись следы языческих святилищ. По утверждению старожил, Скурча была местом клятв и проклятий, посылаемых на головы недругов. В настоящее время здесь сохранились развалины одной зальной церкви (а по некоторым новым сведениям и второй).

Трудно сказать, каким именно божествам были посвящены эти святилища. Но за одним из святилищ сохранилось название местности его нахождения — О(А)лагуанра. Построенный здесь храм (около X века) назывался тем же именем[1].

Такое же место поклонения, согласно «Карте памятников материальной культуры Абхазской АССР», отмечается и в районе современной Бабыширы. Здесь указаны три храма.

На месте храма Мармал-абаа, как уже отмечалось, было святилище морского божества Ага-ныха. Недалеко от него абхазы совершали жертвоприношения Богу морского ветра — Апшаныхуара, а там, где находилось селище рода Маланиа, было местом произнесения молитвы — песни в честь Афы — Бога грома и молнии[2]. С древнейшими религиозными представлениями связаны, найденные в районе устья Кодора, бронзовые фаллические фигурки, а также бронзовые скульптурки быков и баранов[3].

---

[1] См.: Карту памятников материальной культуры Абхазской АССР. / Сост. И. Е. Адзинба, черт. В. И. Патарая. 1939 г.

[2] Инал-ипа Ш. Д. О топонимике Очамчирского района. Приложение. См.: Историко-топонимическую карту низовьев реки Кодор XIX — начала XXI вв. в настоящей книге.

[3] Бронзовые скульптурки баранов должны передавать тотемические воззрения первобытнообщинной эпохи создания родового общества. Изображения тотема члены рода обычно хранили в доме (например, у очага), в святых местах рода; тотемические символы носили на одежде или рисовались на посуде и т.д. Баран являлся символом плодородия и материального благополучия. Скульптурки быков также являются отображением тотемического религиозного верования и происшедшего от него культа быка, а в древнейшее время бык являлся у абхазов одним из тотемов.

Местом поклонения считалась и русло Малого Кодора, где, согласно местным преданиям, обитала мать вод — Дзызлан[1]. Население поддерживало берега рек в чистоте и опрятности[2].

Как известно, христианские храмы в период раннего средневековья, в основном, сооружались в священных местах. В этой связи интересна найденная возле Драндского собора в 1936 году скульптурная голова быка конца V — первой половины VI века[3]. По существующему же в литературе мнению, «выбор места для постройки собора пока объяснить трудно — у нас нет никаких данных о существовании там в тот период какого-либо населенного пункта. Не исключено, что…место для создания нового христианского центра подобрали тихое, безлюдное и, вместе с тем, заметное, вознесенное высоко над обрывом в сторону Кодора»[4]. Однако, Драндский собор, надо полагать, был возведен на древнем, почитаемом месте, имевшем религиозное значение (видимо, имело значение и то, что эта местность хорошо просматривалась мореходами). Об этом может свидетельствовать название села с северо-запада перед храмом — Пшап (**шьа8*, что в переводе с абхазского языка означает *«перед освященным, святым»* местом (от *«а8шьа»* — *«святыня»* и *«8ы»* — *«перед, впереди»*)[5].

Из фамильных культов населения низовьев реки Кодор заслуживает внимания аныха-ныхуа (аныха–ныхъа или допу-

---

[1] Гулиа Д. И. Сочинения. Сухуми, 1962. Т. 4. С. 107(на абх. яз.).

[2] Маан О. В. О религиозных верованиях абжуйских абхазов // Россия, XXI век: право, общество, государство: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 9 октября 2009 г. Ростов-н/Д, 2010. С. 345.

[3] Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии… С. 39.

[4] Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998. С. 171–172.

[5] Маан О. В. О религиозных верованиях абжуйских абхазов // Россия, XXI век: право, общество, государство: Материалы межрегиональной научно-практической конференции… С. 345.

ныха) — родовая святыня фамилии Допуа. Она была известна только жителям сел Адзюбжа и Атара. В честь этой святыни жителями в воскресенье, на Масленицу, приносился в дар пирог *«из вареного пшена»*.

В каждом доме молился глава семьи, причем для «иконы» откладывались горсть соли и кусок восковой свечи. После моления старший из Допуа обходил дома своих братьев и забирал соль и воск — долю «иконы».

Н. С. Джанашиа писал, что эта святыня по-абхазски называется *жъара:ъы*, и что она происходит от грузинского Звараки (жертвенное животное, древ. груз. Зуараки — Зоуараки)[1]. Тем не менее, материнская основа этого слова может оказаться абхазской, так как по признанию И. Джавахишвили, С. Джанашиа, А. Чикобава и др. в древнейших картвельских географических, этнических терминах Западной Грузии — Гурии, Раче, Аджарии, Мингрелии — наличествуют абхазо-адыгейские корни[2]. Эту святыню Допуа называли еще *«Шъ5ъын-ныха»*, то есть Суджунской иконой; Н. С. Джанашиа считает, что, вероятно, имелся в виду св. Георгий Суджунский (в Мингрелии)[3].

Являясь первоначально фамильной святыней только одного рода, Допу-ныха позднее становится святыней и др. фамилий. По Н. С. Джанашиа этой святыне совершали жертвоприношение не только допуакытцы, но и все адзюбжцы[4]. Вместе с тем многие фамилии, как и Допуа, имели свои родовые святыни. Каждой из святынь первоначально, как и Допу-ныхе поклонялись только роды, которым эти *«аныхи»* принадлежали, но позже они стали святынями и других фамилий. Например, Цачыхур *(?ачыхъыр)* — Мардиани) аргьалаз первоначально была «аныхой» фамилии Камкия (садзских), позже ей стали

[1] Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов… С. 118.
[2] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми. С. 26.
[3] Там же. С. 25.
[4] Там же. С. 45.

поклоняться и др. роды, в частности такие как Амзцба (Муцба), Мцвагуачаа (Дочия) и др.

По словам старожил, эта *«икона»* наказывала провинившуюся семью смертью преимущественно детей. Если же не было детей, то *«взрослых она не трогала»*. Жертва ей приносилась непременно у дуба. В четверг пасхальной недели рано утром пеклись жертвенные пироги, вся фамилия Камкия шла к своему дубу, который находился там же в усадьбе. Семья становилась на колени, лицом к востоку, а глава семьи приносил в жертву *«аквакавр»* и *«пироги»*, «и просил великого Цачхура, благодатного Таргалаза», чтобы он простил им все их прегрешения. *«Аамин»*, — вторила семья. Ветви дуба увешивали кусками разноцветных тканей: куски частью прибивали гвоздями, частью же прикрепляли воском. Дуб этот рубить или осквернять строго воспрещалось. В тот же день вечером уже дома жертвовали откормленного каплуна и пекли опять пироги. У некоторых сельчан в честь *«Цачхура»* имелись кувшины с *«жертвенным вином»*. В старину, когда люди не так были развращены, Таргалаз, по словам Османа Камкия, ко дню жертвоприношения приводил дикого козла (самца), как Илорская икона быка. Крестьяне Камкия являлись и служителями этой «иконы». У них имелась маленькая *«апацха»*, где обитало это божество. В пацхе на столе стояла кружка, куда опускали медные монеты.

Ныне, как и в прошлом, один раз в году проводится моление рода Чанба. По объяснению старейшин указанной фамилии, моление посвящено Амкамгариа — божеству-покровителю скотоводства[1], в особенности, разведению буйволов. Моление это еще называется Анцъа рныщъара — моление богам. Проводится оно весной, после Пасхи, в один из воскресных дней. Все заботы по подготовке и проведению моления возлагаются на

[1] Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984. С. 35–36.

старшего члена рода. В случае его смерти для проведения моления избирается новое лицо, который для *«узаконивания своих полномочий»* должен у себя в доме, в присутствии однофамильцев, помолиться за себя и пожелать себе всего хорошего. Для этого режут годичного козленка (абыжъ), готовят акваквары, мамалыгу, преемник молится о том, что он выполнит поручение, данное ему предшественником. Затем все приготовленное съедается.

За неделю до начала моления на покупку жертвенного животного — трехгодовалого козленка — хынхьаа, с чистой кровью и высокими рогами — однофамильцы собирают деньги. Место моления — грабовый лес, у священного крупного грабового дерева высотой 8–10 метров. В лесу могут находиться соседи. Но на самом молении присутствуют только однофамильцы — мужчины, допустимо присутствие детей.

Моление происходит до полудня, в 12 часов. С утра женщины пекут дома жертвенные акваквары, а также ачашъ (пирог с сыром), мужчины же ведут в рощу жертвенного козленка, предварительно вымыв ему морду и ноги. Сняв головные уборы, все становятся лицом к востоку. Молельщик, взяв козленка за рог, произносит молитву, после чего разрешает его резать. Мясо варят в котле, там же в роще. Здесь же готовят мамалыгу. Односельчане приносят акваквары, ачашъ, вино. Перед началом моления молельщик берет свечу, зажигает ее и прикрепляет к священному дереву. Затем, в присутствии мужчин, молельщик еще раз молится, держа в одной руке нанизанные на ореховую палочку печень и сердце, а в другой — стакан вина. Молельщик выпрашивает у Всевышнего охранять их род, имущество и скот от всякого несчастья. Все однофамильцы стоят коленопреклоненно позади молельщика. По окончании моления молельщик пьет вино и закусывает кусочками печени, сердца и хлеба, затем то же самое предлагает сделать всем присутствующим.

После обряда моления все приглашаются в рощу, где они садятся на разложенные ветки с листьями, положив на них обед, состоящий из мяса, акваквароv, мамалыги и вина. При этом отсутствующим на молении женщинам отсылают домой их долю. Оставшееся мясо вешают на священном дереве. И каждый проходящий может брать его.

ЧАСТЬ III

1. Кодорский лесозавод

Конец XIX — начало XX века явились временем активной эксплуатации природных богатств в Абхазии — прежде всего лесов.

Эксплуатация кодорских лесов началась еще в древний период. Вывозу леса способствовали и географические условия — Кодор облегчал сплав леса к морскому берегу. Обладание источниками древесины и торговля ею играли важную роль в экономической жизни населения. Несомненно также, что рубка и транспортировка леса требовали большой затраты рабочей силы и определенной организации.

Известен такой факт: в 1818 году генуэзский коммерсант Р. де Скасси (временно находившийся на службе у русского правительства в качестве попечителя торговли с абхазами и черкесами) погрузил в Скурче двести штук дуба длиной в две сажени и фут в диаметре, причем купил его весьма дешево — за двести сорок рублей[1]. Вывоз леса увеличивается с середины XIX века. Так, лесопромышленник Мошин кодорский лес вывозил в г. Николаев. По мере развития экономической жизни начинается использование леса и для местных нужд, что было связано, прежде всего, с увеличением потребностей г. Сухума. В этой

[1] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958. С. 88; Он же. Труды. Сухуми, 1988. С. 185.

связи М. Селезнев в 50-х годах XIX века отмечал, что на правобережье Малого Кодора стояла «лесная команда», заготавливавшая лес для различных построек в Сухуме. Лес в Сухум везли на плотах[1]. Спрос на лес был связан также с проведением шоссейных дорог и мостов через р. Кодор. После упразднения Абхазского княжества, активно стали торговать лесом местные дворяне и князья. Они заключали «контракты» с лесопромышленниками на порубку строительного леса. Так, дворяне Маан заключили договоры на рубку кодорского леса для продажи с купцом Ибрагим-оглы; Григ. Чачба-Шервашидзе — с купцами Метакса и Авездопуло на порубку клепки в лесу Чачал, вблизи Скурчинского леса[2]. Во второй половине XIX века со Скурчинского причала местные феодалы вели оживленную торговлю тисом, самшитом и другой ценной древесиной[3].

К 1890 году на богатом лесами Абхазском побережье Черного моря леса, кроме как в имениях князей Г. Чачба-Шервашидзе, А. и Ш. Чачба-Шервашидзе, почти не осталось[4]. В 1889 году в Абхазии были образованы лесничества. С этого времени П. В. Фон-Дервиз, будучи лесником, начал, изучение условий для эксплуатации лесов в верховьях р. Кодор, а также изучение самой реки в целях использования дешевого водного пути для выхода в Черное море. Обследование и первые пробы показали, что р. Кодор пригодна для сплава бревен. Сведения об этом быстро

[1] Дзидзария Г. А. Труды. Сухуми, 1988

[2] Там же. С. 152–153.

[3] По некоторым сведениям отдельные детали внутренней облицовки Собора Парижской богоматери и Кельнского собора изготовлены из абхазского самшита. Между прочим, в 70–80-х годах XIX века на берегу Скурчинской бухты эксплуатацией леса занималась французская компания (Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Материалы по археологии Кавказа. 1889. Вып. II. С. 40–43.)

[4] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего) // Записки Кавказского Отдела Русского Географического общества. Тифлис, 1906. Кн. XXV. С. 68.

разошлись по России. В 1894 году лесопромышленник Жолквер также провел удачный пробный сплав 1000, а затем и 10000 бревен. Впоследствие постановлением комитета министров России лесничество было предоставлено торгам, но это не дало положительных результатов[1], после чего в 1898 года в сообществе с Жолквером контракт на эксплуатацию лесов Очамчирского лесничества сроком на 15 лет подписал лесопромышленник из Ростова-на-Дону В. Р. Максимов. В том же 1898 году предприниматель построил в Адзюбже крупный по тем временам лесозавод (всего В. Максимов построил в Адзюбже два лесозавода) — наиболее крупный из 8 лесозаводов, действовавших тогда в Абхазии[2]. Кодорский (Адзюбжский) лесопильный завод располагался на левом берегу Кодора, севернее Кодорского моста, примерно в километре от него[3]. На заводах Максимова, имевших пункты по деревообработке от Чхалты (где стояла контора Максимова и пост стражников) до Адзюбжи, по ведомостям 1898 года, работало двести человек. В 1913 году стоимость произведенной продукции на заводе составляла 280 тыс. рублей. В 1900 году на заводе Максимова, по сведениям К. Гана, который называет это предприятие «самым грандиозным в своем роде на Кавказе», работало до 700 рабочих[4], а по сведениям Фон-Дервиза число сезонных рабочих доходило до 8000 человек. Сюда входили лесорубы, сплавщики, пильщики, железнодорожные мастера, рабочие разных специальностей и чернорабочие-подсобные рабочие, а также инженерно-технический персонал[5].

[1] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего) // Записки Кавказского Отдела Русского Географического общества. Тифлис, 1906. Кн. XXV. С. 69.

[2] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1964. С. 157.

[3] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа Очамчирского района. 1965. С. 1. По свидетельствам старожилов площадь лесозавода составляла более 1 га.

[4] Газ. «Кавказ». 5 октября 1900 г.

[5] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа...

Для их обслуживания в 1900 году в Адзюбже были построены различные службы: больница, лавка, столовая, а также была пущена в эксплуатацию первая в Абхазии электроустановка мощностью в 41 л. с.[1]

Кодорский лесопильный завод
(*Из книги С. П. Басария. Избранные сочинения. Сухуми, 1967 г.*)

Лесорубы вырубали в соседних горах сосновые, пихтовые деревья и по р. Кодору (расстояние до 40 км), сплавляли к Кодорскому мосту[2]. Бревна по 15–20 штук, связанные в плоты, даже в большую воду сопровождали по 2–3 сплавщика, так как их заносило на отмели.

Основную рабочую силу Кодорского лесозавода составляли западногрузинские переселенцы-мингрелы и гурийцы, которые с выселением абхазов в Турцию стали поселяться в Абхазии, обычно вблизи дорог в различных приморских пунктах, где шла оживленная торговля и возникали промышленные предприятия. Именно к этому времени относится и появление грузинского названия Адзюбжи — «Швацкали».

[1] Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960. С. 145.

[2] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии... С. 163.

На Кодорском лесопильном заводе работало и некоторое количество абхазских крестьян.

Корреспондент журнала «Квали» в 1898 году писал: «*До сих пор помню мою беседу с одним абхазом: лучше смерть, чем сидеть на арбе по найму или быть слугой или свинопасом. Такова была твердая вера каждого абхаза; сейчас, думаю, наступает другое время — этот мой знакомый работает на заводе по найму Думаю, в коротком будущем все абхазы втянутся в это дело*»[1]. Однако, — отмечалось в очерке «Абхазия» в 1902 г., — проработав несколько дней на заводе Максимова, «*абхазцы ушли. Ушли не потому, что презирают работу, а в силу неспособности к «рабочей» жизни. Их опять потянуло к кукурузе...*»[2].

Завод Максимова производил ящичный материал, предназначенный для укладки керосиновых жестянок, который отправлялся в Батум двум фирмам — Ротшильду и Монташеву — по 62 коп. за кубический фунт. Бревна с трещинами или сучковатые, непригодные для ящичного производства, шли на изготовление предметов, необходимых в строительном деле: брусьев, досок,

Рабочие и служащие Кодорского лесозавода

[1] Журн. «Квали». 1898. № 42. (на груз. яз.).

[2] Цит. по: Лакоба С. З. Крылились дни в Сухум-кале. Сухуми, 1988. С. 34–35.

шелевок, реек, драни и т. д. Эти лесоматериалы отправлялись во все города восточного побережья Черного моря, а попутными пароходами даже в Ростов[1]. Лесопромышленник Максимов так широко развернул свою деятельность, что его предприятие посетил министр земледелия России А. С. Ермолов, а также директор лесного департамента Ф. П. Никитин[2].

Лес вывозился морским путем через Скурчинскую бухту. Для подвоза пилолеса к морю, в Адзюбже была проложена первая в Абхазии узкоколейная железная дорога[3] (см. историко-топонимическую карту). На берегу моря, в местности Цкургил, были сооружены складские помещения[4] и причал, куда пришвартовывались корабли, отвозившие пилолес в различные порты юга России.

В 1898–1903 годах В. Максимовым была построена и сухопутная дорога Сухум–Чхалта, проведена была на завод телефонная линия[5]. Сюда же 4–5 раз в неделю пароходами из Новороссийска и Батума доставлялась почта.

Характеризуя деятельность Максимова, историк А. Олонецкий пишет, что Максимов по своим приемам хищнического ведения лесного хозяйства мало отличался от своих предшественников помещиков-лесопромышленников. Он и его агенты, занимаясь истреблением лесов, не стеснялись в своих операциях «формальными» соображениями, кому собственно принадлежит лес и расположен ли он на территории заарендованной Максимовым под эксплуатацию[6]. В обоснование ска-

[1] Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России... С. 145.

[2] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). Цит. по: Авидзба В. Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми, 1985. С. 139.

[3] Газ. «Советская Абхазия». 19 ноября 1976 г.

[4] См. напр.: Топографическую карту Сухумского округа...

[5] История Абхазии... С. 256–257.

[6] Олонецкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец Х1Х — начало ХХ вв.). Сухум, 1934. С. 27.

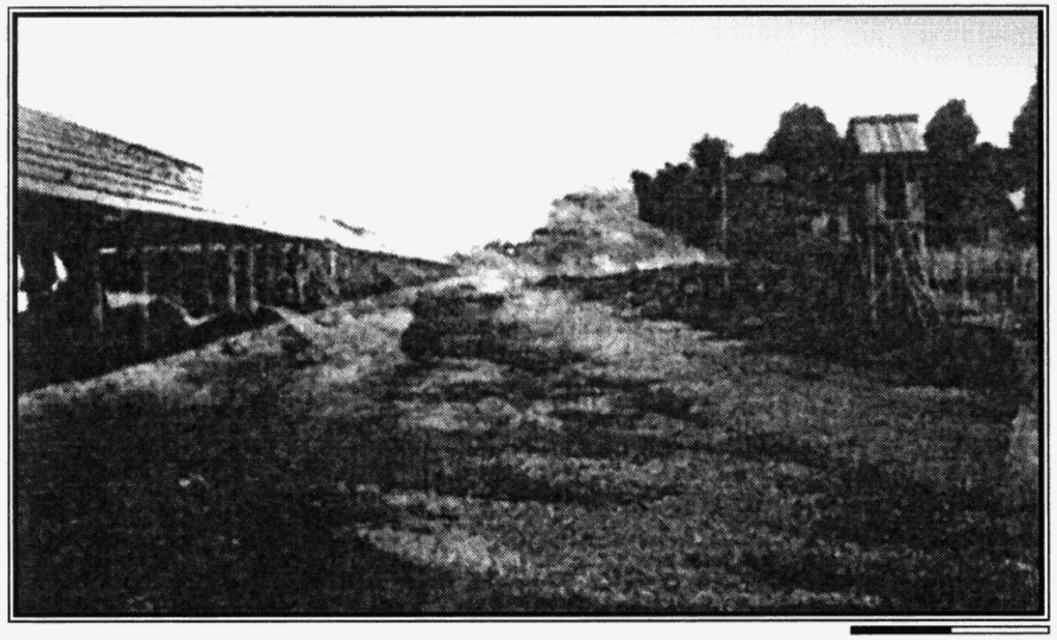
занного, А. Олонецкий приводит статью «О лесоистреблении в Сухумском округе», опубликованную в журнале «Кавказское сельское хозяйство» за 1900 год, где говорится: «*Лесопромышленники Метакса и Спанаки в 90-х годах затратили до 10 тыс. рублей на расчистку русла Кодора, но без результатов. На сцене появился херсонский лесопромышленник В. Максимов с более солидным капиталом... Эксплуатация Очамчирского лесничества… только началась, но вместе с тем пошли систематические злоупотребления... Укажем на истребление прекрасного пихтового леса... лежащего у слияния рек Сакен и Клыч с Кодором. Пользуясь отсутствием хозяина, лес два года тому назад стал самым хищническим образом вырубаться и уничтожаться контрагентом лесопромышленника Максимова Жолквером. В результате двухлетней усиленной рубки гигантские деревья пихты вырублены на площади в 500 десятин. Дело перешло в суд. (В суд было передано также дело о вырубке дубовых на-*

Складские помещения лесозавода по берегу Скурчинской бухты, 1930-е гг. (из архива А. С. Агумаа)

саждений в имении Смецкого и в имении Николаева в Дальском ущелье). Максимов полагал, что, имея деньги нечего бояться Военно-Народного Управления. В 1912 г. Максимов закончил свои операции с убытком...»[1].

С начала XX века Кодорский лесозавод становится наиболее значительным центром нарождавшегося социал-демократического и рабочего движения в Абхазии. В 1902 году, прибывший из Москвы народоволец П. А. Добрынин, недалеко от лесозавода, в Скурче, на берегу моря, объединив несколько местных жителей, организовал садовый кооператив «Язон», ставший своеобразным конспиративным домом отдыха, где часто скрывались социал-демократы. Так, здесь жил соратник В. И. Ленина — М. И. Васильев-Южин, которому Сухумская жандармерия местом ссылки определила Скурчу[2]. В книге Б. Костюковского и

Складские помещения лесозавода — задний план (из архива А. С. Агумаа)

[1] Олонецкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений... С. 28.

[2] Дзидзария Г. А. В. И. Ленин и Абхазия. Сухуми, 1977. С. 38–39.

С. Табачникова «Главный университет», в частности, сообщается, что М. Васильев-Южин находился в «Язоне» *«под надзором пристава, устраивавшего наезды из Сухума. Но постепенно Сухумское начальство уверилось, что Васильев никуда не собирается бежать из этого райского уголка, и «контрольные» наезды почти совсем прекратились»*[1].

Живя в «Язоне» М. Васильев-Южин вместе с супругой часто совершали походы по окрестностям Адзюбжи. А однажды они вместе с П. А. Добрыниным посетили дом его друга Кычына Маан (Александра Маргания), тоже бывшего народовольца[2]. Посетители «Язона» общались с созданным почти одновременно с ним, вторым конспиративным домом отдыха революционеров в имении Вороновых[3] «Ясочка» в Цебельде[4]. С «Язоном» имели контакт и постоянные жители Адзюбжи, в том числе и известный в будущем деятель большевистского движения М. К. Цагурия. По вечерам на даче «Язон» разгорались горячие споры на политические и литературные темы[5]. О существовании дачи Добрынина в Скурче, которая, к сожалению, не сохранилась до наших дней[6], до недавнего времени помнили старожилы Адзюбжи.

В том же 1902 году на Кодорском лесозаводе впервые в Абхазии возникают революционные кружки. Весной грузинские

[1] Костюковский Б., Табачников С. Главный университет. М., 1975. С. 248.

[2] Пачулиа В. П. Памятники и памятные места революционной и боевой славы Абхазии. Сухуми, 1981. С. 14–15.

[3] Предок выдающегося ученого-археолога, политического деятеля Абхазии Ю. Н. Воронова (1941–1995 гг.). Дед Юрия Николаевича Воронова — тоже Юрий Николаевич, весной и летом 1901 г. проводил ботанические исследования в Адзюбже, в том числе и на Скурче. (Колаковский А. А., Воронов Ю. Н. Юрий Николаевич Воронов. М., 1981. С. 20–21).

[4] Пачулиа В. П. В Сухумской ссылке // Газ. «Советская Абхазия». 19 ноября 1976 г.; Он же. Черноморское побережье Кавказа. М., 1980. С. 16–17; Лейберов И. П. Цебельдинская находка… С. 100–116.

[5] Дзидзария Г. А. В. И. Ленин и Абхазия...

[6] Пачулиа В. П. В Сухумской ссылке...

рабочие завода, протестуя против расстрела мирной демонстрации рабочих в Батуме, устроили первую в Абхазии политическую демонстрацию[1].

Вплоть до 1905 года на Кодорском заводе происходили неоднократные выступления рабочих. Так, в донесении начальника Кутаисского губернского жандармского управления 9 февраля 1905 года сообщалось, что на лесопильном заводе забастовали рабочие[2], а в другом донесении главноначальствующего гражданской частью на Кавказе указывалось, что количество бастовавших рабочих на заводе доходило до 400 человек[3]. Весной 1905 года революционеры — Л. Готошия и С. Кухалейщвили — организовали в Адзюбже пропагандистскую группу, в которую вошли Дмитрий Габуния, Киагуа Дарсалия, Федор Джанашиа и др. Группа была связана с социал-демократической организацией рабочих Кодорского лесозавода. Вскоре члены пропагандистской группы были арестованы.

Выше упоминавшийся Л. Готошия, совместно с С. Орджоникидзе и др. создал первые в Абхазии боевые группы, организовывавшие террористические акты против представителей военно-полицейской службы и экспроприировавших деньги и ценности у государства. В конце 1905 года боевики совершили нападение на Кодорский полицейский пост. А в ночь на 20 сентября 1906 года они экспроприировали на пароходе «Цесаревич Георгий» около 20 тыс. рублей. Боевики остановили судно у мыса Кодор, принудили капитана спустить шлюпки и, высадившись на берег, скрылись... По слухам, на корабле находилось до полумиллиона рублей, но

[1] История Абхазии. Сухум, 1991. С. 219.

[2] Мелихов А. Н. Абхазия в годы первой русской революции // Из истории революционных событий в Абхазии в 1905–1907 гг. Сухуми, 1955. С. 7.

[3] Мелихов А. Н. Абхазия в годы первой русской революции.

нападавшие, якобы, не смогли забрать все деньги, так как торопились... Подробности «экса» через несколько дней рассказывал капитан «Цесаревича Георгия» М. Сенкевич, по словам которого, в частности, «*слушать команду, распоряжался один, по-видимому, атаман, с типичным восточным лицом и грузинским акцентом... Есть сведения, и воспоминания очевидцев, что возглавлял Кодорскую операцию И. Сталин*[1], *один из крупнейших в России «эксов»*. По свидетельствам старожилов, боевики после высадки у Кодорского мыса поднялись выше поселения Наа (чтобы остаться незамеченными кодорским и драндским полицейскими постами), перешли через Кодор и, спустившись вдоль реки Маджара (Мачара) к побережью, спрятали реквизированные ценности в дупле старого дуба со следами поражения молнией, который рос на правой обочине дороги, ведущей в Сухум, в 100–150 м от моря, вдали от поселений.

Между тем, в начале марта 1905 года, после ареста Л. Готошия и С. Кухалейшвили, рабочие лесозавода приняли решение отбить агитаторов у правительства. Рабочие завода с красными знаменами подошли к Кодорскому мосту. Участники шествия разоружили Кодорский и Драндский стражнические посты, вывели около 300 монахов из Драндского монастыря и поставили их впереди колоны вместе с пленными стражниками[2]. Несколько тысяч демонстрантов были встречены у Келасурского моста войсками. После заверения об освобождении арестованных демонстранты разошлись[3].

---

[1] Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 47–48.

[2] Лакоба С. З. Боевики Абхазии в революции 1905–1907 годов. Сухуми, 1984. С. 14–15.

[3] Очерки истории Абхазской АССР. Сухуми, 1960. Ч. 1. С. 243; Лакоба С. З. Боевики Абхазии в революции 1905–1907 годов. Сухуми, 1984. С. 14–15.

2. Немеркнущая истина

В нынешнем году исполняется 100 лет со дня создания и опубликования поэмы грузинского поэта и мыслителя Акакия Церетели на тему абхазского аталычества «Наставник» («Гамзрдели»). Акакий Церетели еще в детстве проявлял большой интерес к Абхазии и ее народу: будучи учеником Кутаисской гимназии, он подружился с гимназистом-абхазом Кычыном Маан (Александром Маргания), сыном адзюбжского дворянина Сасрыквы Маан.

По материалам, которые сообщил в свое время краеведу Вианору Пачулиа правнук Сасрыквы — Хасан, сын общественного и государственного деятеля Ивана Маан (Маргания), в доме его дяди Кычына в селе Адзюбжа была обширная библиотека, сохранявшаяся до 1937 года. В ней были дореволюционные издания сочинений Льва Толстого, произведения Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Пушкина, а также собрания сочинений Шиллера, Шекспира, Гете, Мопассана и Церетели, различные философские произведения, книги по ведению сельского хозяйства, охотничьему делу, воспоминания деятелей «Народной воли» (некоторые из перечисленных книг сохранились и сегодня в доме внука Кычына — Хутуши, проживавщего до своей смерти там же, в усадьбе своего деда). В библиотеке Кычына было много рукописных речей, произнесенных во время похорон Акакия Церетели. Здесь же висела небольшая фотография самого Акакия.

В этом имении в 1853 году побывал известный русский писатель Владимир Соллогуб, в 1913-м — академик Н. Я. Марр, в 1920-м — профессор из Турции Мустафа Бутба… Библиотекой же Кычина пользовались многие образованные люди, в том числе и академик Симон Джанашиа. Сюда, в имение отца,

Кычын Маан во время летних каникул пригласил и своего друга Акакия Церетели. Здесь, на левом берегу бурного Кодора, у традиционно гостеприимного очага в старой ажурного плетения апацхе, как гласит семейное предание, Акакий слушал абхазские народные сказания, одно из которых и легло в основу его будущего произведения «Наставник» — «Абадзэй». Сказание это — об абхазском кодексе чести — аламысе (буквально «не бьющий в глаз»), а вовсе не о «разложении традиционных моральных устоев в результате новых социальных отношений», как писали еще в недавнее время некоторые исследователи. В сказании и поэме А. Церетели говорится о том, как воспитатель, не сумевший вырастить достойного человека, пришел к выводу, что казнить за преступление следует не воспитанника, а воспитателя, т. е. себя. Виновник же всего происшедшего остается в живых, что по национальному обычаю является жестоким наказанием, поскольку в глазах общества он — «живой труп».

Акакий Церетели является примером того, как представители передовой грузинской интеллигенции прошлого черпали из абхазской жизни характерные черты и мотивы для своих произведений и всегда с уважением относились к абхазам — в отличие от некоторых наших современников, которые не моргнув глазом готовы растоптать все, что создано прогрессивно мыслящими деятелями культуры, их предками. Чего стоит лишь одно высказывание небезызвестного Георгия Каркарашвили, грозившего физическим уничтожением всех поголовно абхазов даже ценой жизни 100 тысяч молодых грузин! Могут ли такие люди быть духовными потомками Акакия Церетели?

Поэма Акакия Церетели «Наставник» и другие его высокоталантливые произведения были в числе любимых произведений, которые читались и перечитывались Дмитрием Гулиа, Георгием Чачба-Шервашидзе, Константином Мачавариани, Николаем Джанашиа, Симоном Джанашиа и др.

Церетели не только в этой поэме проявлял большой интерес к богатейшему устному народному творчеству абхазов. Так, по его инициативе в журнале «Акакис кребули» («Сборник Акакия») был опубликован знаменитый абхазский миф о богоборце Абрскиле — аналоге греческого Прометея и грузинского Амирани. Поэт поддерживал тесные контакты с видными представителями интеллигенции Абхазии. Его связывала тесная дружба с выдающимся абхазом — писателем Георгием Чачба-Шервашидзе, о чем свидетельствуют их переписка и другие материалы.

В 1915 году Георгий Чачба-Шервашидзе посвятил памяти поэта стихотворение. А спустя несколько лет основоположник современной абхазской литературы Дмитрий Гулиа завершил перевод поэмы «Наставник», который был опубликован в газете «Апсны» в 1919 году.

Газета «Эхо Абхазии». 1 декабря 1998 г. № 45.

3. Безвинные жертвы из Адзюбжи

Произвол, беззаконие и репрессии, порожденные сталинским тоталитарным режимом, суждено было, как и другим нашим землякам, испытать и жителям села Адзюбжа. По надуманным политическим мотивам, зачастую для оправдания репрессий в отношении таких видных политических и общественных деятелей, связанных с Адзюбжей, как С. Чанба, М. Цагурия, Г. Делба и др., было арестовано более сорока жителей этого села.

Аресты в Абхазии начались с начала 1937 года, стали массовыми с середины этого года и продолжались позже.

Они производились с грубейшими нарушениями законности, без санкции прокурора. Работниками НКВД искусственно-провокационными методами создавались липовые «дела» о «шпионах» и «вредителях», о так называемых «антисоветских центрах», «блоках», «заговорах».

В начале 1938 года по так называемому «Делу адзюбжской молодежи» (или дело «Организаторы») большая группа сельчан была привлечена к уголовной ответственности и осуждена якобы за участие в «контрреволюционной, правотроцкистской, повстанческо-вредительской организации молодежи в Абхазии». В следственных материалах указывалось, что «руководство этой организации законспирировало свою работу в селе Адзюбжа».

Из заведомо сфальсифицированной докладной записки наркомвнудела Абхазской АССР грузинскому наркому ВД Гоглидзе следует: «Наркомом внутренних дел Абхазской АССР в конце декабря 1937 года был вскрыт и ликвидирован областной центр контрреволюционной молодежной организации правых в Сухуми, пытавшейся создать новую молодежную организацию из числа бывших членов в свое время не выявленных контрреволюционных формирований молодежи… По имеющемуся в распоряжении следствия предметному материалу, данная организация была создана по прямому указанию из Москвы членом контрреволюционной, организации в Москве Цагурия, работавшим там в качестве заместителя начальника ЦУНХУ (Центральное управление народнохозяйственного учета СССР, впоследствии ЦСУ СССР. — О. М.)», и что «данная организация в течение нескольких лет проводила широкую вербовку членов, подготовку повстанческих кадров молодежи, имела собственную технику, изготовляла и распространяла контрреволюционные листовки».

35 человек (подавляющее большинство) из числа жителей Адзюбжи, фигурирующих в деле «Организаторы», были

репрессированы и приговорены к расстрелу. Среди них: Джанашия Борис (как говорится в следственных материалах, «руководитель контрреволюционной, молодежной организации Сухумского района, в 1937 году арестован и осужден, подлежит возврату из ссылки»), Джанашия Арсен («арестован, признался»), Джанашия Серапион («арестован, признался»), Джанашия Бессарион («арестован, признался»), Джанашия Астамур («в 1937 году арестован и осужден, подлежит возврату из ссылки»), Лагвилава Хванка («в доме которого проводилась вся контрреволюционная работа, арестован, признался»). Жвания Ектим («арестован, сознался»), Апищба Элизбар («арестован, сознался»).

В отношении остальных указано «не арестован», тогда как большинство из них также было арестовано по устному распоряжению, без соответствующих документов на арест. Среди них: Маан Бекирбей, Апшцба Сулейман, Какулия Арсен, Джеджелава Виссарион, Канхуа Ирод, Кантария Иона, Лепсандзе Сандро, Камкия Темраз, Кация Николай, Джикирба Ачи, Чечериа Кач, Дараселия Кукута, Кация Патос, который скончался через несколько дней после «освобождения» из заключения по состоянию здоровья.

По свидетельству племянницы Бекирбея Маан, кандидата филологических наук Тамары Шакрыл, в 30-е годы Бекирбей учился на юридическом факультете Харьковского университета. После доноса о том, что он дворянского происхождения, по приказу властей он подлежал аресту, но, предупрежденный о готовящемся, Бекирбей покинул Харьков. Возвратившись в Абхазию, он поступил в Сухуме в педагогический институт. Однако здесь он был арестован и на следующий день расстрелян.

Расстрелянные обвинялись в «попытке захвата власти путем вооруженного восстания», в «хранении пишущей машинки» (якобы похищенной Апшцба Элизбаром, Аргун Чичико и Джанашия Астамуром из Сухумского педагогического

института), в «печатании и распространении листовок против Советской власти», в «проведении нелегальных собраний», в «саботаже против решения правительства по заготовке мяса, молока, масла и сыра», в «дестабилизации мероприятий Советской власти по вопросу колхозного строительства», «в систематическом занятии вооруженными ограблениями, убийствами крестьян», а также в «экспроприации государственных средств». В описи материалов следствия по делу «Организаторы» имеются протоколы допросов, в частности, «активных членов контрреволюционной молодежной организации»: Апшцба Элизбара, Лагвилава Хванки, Джанашия Серапиона. Допросы зарегистрированы подписями наркома ВД Абхазии Пачулия и сотрудника НКВД Абхазии Абазова.

Пытками, истязаниями, угрозами, насилием и обманом работники НКВД принуждали обвиняемых давать требуемые следствию ложные показания на себя и других лиц. Протоколы допросов, по свидетельству следователей, переписывались, пересоставлялись по нескольку раз, «очных ставок не устраивали и дело закончили». Это у них было правилом.

После судебного процесса, состоявшегося в г. Сухуме, в здании гостеатра Абхазии в конце октября — начале ноября 1937 года (происходившего по режиссуре Берия), по так называемому делу «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации в Абхазии», все арестованные осуждались уже не судом, а «Особым совещанием», так называемыми тройками, которые могли административным порядком высылать, ссылать, арестовывать сроком до 5 лет. Об этом говорится и в книге Б. Сагария «О трагических страницах в истории Абхазии» (Сухум, 1995).

Во время так называемого «Лакобовского процесса» 1937 года в Сухуме общественным обвинителем в суде был назначен выходец из Адзюбжи Делба Михаил Константинович, который проявил весь свой «талант и искусство оратора» —

обвинителя, навешивая ярлыки на осужденных. Все они, по словам, М. Делба, являлись *«заклятыми троцкистами и бухаринцами..., активными участниками банды, которую сколотил бывший предцика Абхазии Н. Лакоба, ярый враг народа, презренный предатель родины, двурушник, диверсант, шпион, террорист... фашистский выродок...»*. Далее он говорил, что все они являются ... «презренными мерзавцами», которые «поднимали руку на великого Сталина и на его верного соратника тов. Берия». «Смерть вам! Смерть! Проклятые фашистские выродки», — так закончил он свою речь.

В числе других жителей Адзюбжи, не фигурирующих в деле «Организаторы», но также в конце 1937–1938 годов репрессированных, — Маан Тенгиз, Чочуа Тархана, Карчава Ноча, Начкебия Липар, Габуния Чындыж и Кация Михаил. Последний, закончив Тбилисскую духовную семинарию и получив сан священника, служил в Лыхненской, Кутольской, а в последние годы жизни — в Адзюбжской церквах. Как «враг народа» он был арестован НКВД 15 ноября 1938 года. Скончался в тюрьме и был похоронен в одном из дальних лагерей г. Зеравшана (Узбекистан). 24 марта 1958 года он был посмертно реабилитирован.

В числе репрессированных и сын общественного деятеля Екупа Делба — Григорий (Гриша) Делба (1894–1937 гг.), генерал-лейтенант, сотрудник комиссариата ВД Абхазии и начальник уголовного розыска. Г. Делба окончил Владикавказское военное училище и Батумскую офицерскую школу (где учился вместе с Л. Берия). До революции работал начальником милиции в Гагре. Ездил в Турцию по вопросам репатриации абхазов и привез в Батум 26 абхазских семей, которым затем, при Советской власти, не было разрешено приехать в Абхазию. В свое время без кровопролития сумел перевести не подчинявшихся Советской власти сванов на сторону большевиков. Однако вскоре после смерти Н. Лакоба был арестован по обвинению в «предательстве Берии» и «стремлении переселить из Турции абхазских капиталистов».

Расстрел сидевших в Драндской тюрьме производился в ее окрестностях, — в местностях Агдарра и Баглан с. Адзюбжа. По свидетельству старожилов, заполночь, в течение недели в Баглан вереницей направлялись грузовые машины с арестованными. Жители гасили свечи. Лаяли и выли собаки. Затем доносились выстрелы. До недавнего времени в Багланской низине каждый раз после половодья на берегу Кодора обнажались останки расстрелянных.

Газ. «Республика Абхазия». 28–29 апреля 1999 г. № 47.

4. Село Адзюбжа и его окрестности в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.

С момента ввода в Абхазию войск Госсовета Грузии, Адзюбжа, как и многие населенные пункты Очамчырского района, оказалась в зоне грузинской оккупации. Село было сожжено и обескровлено — в Адзюбже было сожжено и разорено 549 хозяйств, здание правления совхоза, Дом культуры, школа и больница.

Самые страшные преступления были совершены в отношении гражданского населения, главным образом, абхазского. После первых попыток абхазских партизан взорвать Кодорский мост и задержать продвижение противника к Сухуму грузинские боевики 24 августа атаковали мирное население и разрушили более 15 домов. С 10 декабря 1992 года начался повальный грабеж мирного населения. По словам сельчан, никуда из дому нельзя было выйти. Участок Адзюбжской железной дороги охранялся грузинским отрядом. Вооруженные грузинские по-

сты охраняли также шоссейную дорогу и мост. По словам местной жительницы Аллы Куция, *«мы были полностью отрезаны от партизан. Хотели перегнать к ним скот, но не было никакой возможности»*. В результате карательных акций, проводимых мингрело-грузинскими боевиками, только в первой половине марта 1993 года было расстреляно семеро жителей. Командование первого полка Восточного фронта сообщало о том, что *«жителей Адзюбжи загоняют в дома, которые поджигают»*[1].

Всего за время «наведения порядка» было убито 37 жителей Адзюбжи. Полностью были истреблены семья Валико Джикирба: глава семьи, его супруга, двое сыновей — 21, 11 лет; семья Хмелевских: муж и жена, близнецы 10 лет от роду, бабушка. Семья Шоты Габуния была полностью вырезана. Мать семейства, Галина, на коленях умоляла бандитов не убивать членов ее семьи. Соседка Т. Шехтман *«застала семью Габуния, лежавших окровавленными. У главы семьи Шоты были перебиты руки и выколоты глаза. У Аполлона (брата главы семьи) было перерезано горло. У Галины череп был раздроблен. Были убиты и лежавшие на кроватях в задней комнате дома отец и мать главы семьи»*.

Грузинскими палачами были убиты также местные грузины, лояльные к абхазам; Джемал Чакветадзе, Кинтуша Кемулария, Нодор Данелия. По национальному признаку был расстрелян 28-летний абхаз Беслан Муцба...

• • •

Жительница с. Адзюбжа Ксения Джинджолия:

«В феврале 1993 года к нам во двор вошли вооруженные грузины. Это были наши соседи из села Ахалдаба. Меня и моего мужа, педагога истории и географии, Ясона Константиновича Делба, они знали хорошо. Им было известно, что мои сыновья

[1] Материалы официальных радиосводок по Восточному фронту 1992–1993 гг. (Архив Министерства обороны Республики Абхазия).

на фронте. Соседи перевернули в доме все, затем раздели Ясона, поставили его во дворе, стали пытать, надсмехались: *«Как ты учил нас истории и географии, ты не знаешь историю Грузии и ее границ?»*. Через четыре месяца от перенесенных мучений Ясон скончался в Гагрской больнице».

Из свидетельства Бориса Дараселия, 1932 г. р.:

«В наш поселок по несколько раз приходили боевики Бабыширы, Уарчи и Пшапа и совершали рейсы на север с нашим добром. А однажды с мародерами была женщина-сванка в военной форме — в звании майора. Они зашли и в дом Хутуши Маан, сразу поднялись на второй этаж, вытащили мебель и забрали все добро... В ночь со 2-го на 3-е апреля была перестрелка с грузинскими боевиками из Хашурского района Грузии. С их стороны были убитые, а наш сосед Гурам Чанба был тяжело ранен. Нам сказали, что вы прячете партизан. Затем меня, нашу соседку Зою Лолуа и Хутушу Маан забрали в штаб отряда грузин. Здесь нас избили, а у Хутуши от удара прикладом отнялась рука».

Из свидетельства Ани Кация, 1903 г. р.:

«В декабре, ко мне домой со стрельбой приходили мародеры, по семь-восемь человек, сваны. Делали что хотели, забирали любую понравившуюся вещь, унесли нашу мебель. Мне помогали, как могли, местные грузины — мои соседи. В конце марта 1993 года грузины забрали меня на обмен. В тот же день, не выдержав угроз, покончил жизнь самоубийством наш сосед Алиас Чачхалия, 1930 г.р.

Из свидетельства Гены Карчава, 1960 г. р.:

«5 марта 1993 года, придя домой, грузины погрузили в машину все, что было в доме. Не удовлетворившись этим, они начали допрашивать моего отца Янко: «Почему, мол, ты абхаз, а по фамилии — грузин, почему твои сыновья воюют против

нас». Допытывались: «Где у тебя вырыто бомбоубежище?» (хотя никакого бомбоубежища не было). Под угрозами отец показал яму. Отца затолкали туда и хладнокровно расстреляли».

Из свидетельства Шуры Дгебия, 1935 г. р.:

«Террористическая группа грузин, орудовавшая в селе, имела списки. По этому списку они и приходили к мирному населению. Пришли ко мне домой 6 марта 1993 года (меня в это время не было дома, так как я хоронил соседа Янко Карчава). Моя жена, Рая Дгебия-Черкезия, 1937 г. р., и моя сестра Татьяна Дгебия, 1932 г. р., «негостеприимно» встретили незваных гостей. Стали допрашивать мою жену, почему ее сыновья воюют на стороне абхазов... Раю и ее золовку расстреляли, дом подожгли, а затем тела моей жены и сестры были брошены в пылающий костер».

Из свидетельства Тамары Карчава, 1932 г. р.:

«Я приехала в Адзюбжу из Сухума в начале августа 1992 года. К нам несколько раз приходили грузинские мародеры. Ограбили дом. Говорили: твой сын воюет. Гоняли меня по двору, издевались. Забрали нашу машину. 24 февраля 1993 года грузины убили нашего соседа Севарну Пулукия (1923 г. р.), пенсионера. Перед расстрелом ему сказали: «Ты ткварчельский, занял в Адзюбже участок, тогда как нам здесь не хватает земель». Дом Севарны вместе с его телом сожгли».

Из свидетельства Бабуси Акшба-Киут, 1940 г. р. и соседей:

«Грузинские молодчики грабили нас почти ежедневно. Я была одна в доме и потому пряталась у соседей. 5 ноября 1992 года в наш поселок вошло три танка, «Икарус» с солдатами, «Виллис» и легковые автомашины с открытыми багажниками со стрелками. Началась стрельба гранатометами по домам, над поселком кружили вертолеты. Забрали все ценное, всю жив-

ность. В декабре того же года мы вынуждены были перейти в Атару. Грузины и там психологически издевались над стариками. Но особенно зверским издевательствам подвергли Миро Цицкладзе (Цецхладзе) — в паспорте он был записан абхазцем. Его жестоко избивали и пытали. Это невозможно было вынести. Затем накинули веревку на шею и инсценировали повешение. Утром, нас женщин, пригрозив расправиться, если куда-то выйдем из дома, отпустили по домам. А Цицкладзе перед его домом расстреляли».

• • •

В период боевых действий 1992–1993 годов погибли многие мирные жители села Адзюбжа: Кумф (Валико) Сандрович Апшцба, 1929 г. р., пенсионер, расстрелян у себя в доме 25 декабря 1992 года; Спиридон Корсантелович Жвания, 1929 г. р., пенсионер, инвалид II группы и его сестра Антонина Корсантеловна Жвания, 1925 г. р., пенсионерка (оба были расстреляны у себя в доме); Анатолий Джаргович Лагвилава, 1938 г. р., рабочий лесхоза (расстрелян у себя в доме); Виктор (Резо) Иванович Лагвилава, 1958 г. р., инвалид труда II группы (расстрелян боевиками на проселочной дороге); Владимир Темурович Адлейба, 1942 г. р., инвалид с рождения, и Шалико Хасанович Допуа, 1918 г. р., пенсионер (пропали без вести — по неподтвержденным данным, расстреляны); Николай Георгиевич Дзадзамия, 1928 г. р. пенсионер (расстрелян); Мария Хутовна Габуния, 1910 г. р., пенсионерка (расстреляна в доме); Николай Гут, 1953 г. р., рабочий совхоза (расстрелян); Нодик Тарасович Чанба, 1946 г. р., рабочий «Абхазстроя», подорвался на мине.

Вклад адзюбжских мужей в борьбу с грузинскими агрессорами в Отечественной войне Абхазии в 1992–1993 годов — предмет специального рассмотрения. В настоящем очерке — только фрагментарное касание. Адзюбжские партизанские группы с первых месяцев войны принимали участие в боевых действиях в населенных пунктах Атара, Адзюбжа, Ануаа-рху,

Кутол, Кындыг, Куачара, а после создания 1 января 1993 года объединенного Атара-Адзюбжского батальона и в неоднократных боях за освобождение с. Лабра; на Гумистинском фронте — в боевых операциях за взятие Шромы, Камана и в боях за Сухум. В этих боях смертью храбрых пало 32 адзюбжца: Беслан, Едем и Борис Квирая, Юрий и Реваз Апшцба[1] (по завершении боевых действий трагически погиб и третий брат Апшцба — Роман, а их отец Апшцба Кумф (Валико) Сандрович расстрелян боевиками у себя в доме), Вальтер и Влад Кварчия, Рауль и Владимир Муцба, Мераб и Жанна Гвинджия[2], Владимир и Аслан Камкия, Руслан и Мераб Карчава, Владимир и Геннадий Мишелия, Джамбул и Гоча Допуа, Джемал Габуния, Юрий Адзинба, Даур Дзидзария, Слава Хашба, Гиви Адлейба, Заур Сабекия, Аркадий Чанба, Батал Акшба, Юрий Кация, Вахтанг Яшвили, Мирон Кобахия, Владимир Дочия (умер от ран), без вести пропавший Астамур Ажиба.

При исполнении служебных обязанностей в марте 1994 года в Гальском районе в районе Ингур ГЭСа погиб Игорь Трушкин, а майор милиции Важа Ашуба в декабре 1996 года — на развилке дороги Приморск — Гал — Река. После завершения боевых действий трагически погибли также бойцы Адамыр Допуа, Сосо Карчава, Вианор Канхва, Михаил Капба, Муслим Да-

---

[1] *Реваз Кумфович Апшцба*, 1967 г. р., участник боевых действий на Гумистинском и Восточном фронтах. С начала боевых действий воевал под командованием лейтенанта, ученого-археолога Лаши Михайловича Когония. Как и его командир, Апшцба Реваз за особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите Родины, посмертно удостоен высшей правительственной награды Республики Абхазия — ордена Леона.

[2] *Жанна Нуриевна Гвинджия*, 1963 г. р., студентка филологического факультета АГУ, с первого дня войны стала медсестрой. Она погибла 14 декабря 1992 года, летела из блокадного Ткуарчала в Гудауту на российском гражданском вертолете Ми-8, сбитом сванскими боевиками над с. Лата. За особую храбрость, самоотверженность и мужество удостоена ордена Леона. В том же вертолете погибли жители Адзюбжи: Лейла Камкия, 1959 г. р. и ее дочери Кристина Камкия — 1982 г. р. и Эка Камкия — 1981 г. р.

раселия, Роман Апшцба, Беслан Акшба, Аслан Кация[1], Дмитрий Когония, Артем Адлейба, Виталий Габуния, Анзор Гвинджия, Беслан (Тута) Квирая, Даур Допуа. Большая группа бойцов за мужество и отвагу удостоена правительственных наград — медали «За отвагу» и ордена Леона. Восемь бойцов, из Адзюбжи, удостоены звания «Герой Абхазии» — семеро из них посмертно: Батал Геннадиевич Акшба, Гоча Григорьевич Допуа, Аслан Нурбеевич Камкия[2], Владимир Шамильевич Камкия, Вианор Акакиевич Канхва, Беслан Борисович Квирая, Рауль Миронович Муцба и только один из них — Важа Кушович Ашуба — звания «Герой Абхазии» удостоен при жизни.

7 сентября 1993 года командование Восточного фронта получило приказ быть в боеготовности к 16 сентября, а за день до наступления блокировать шоссейные и железнодорожные пути у реки Кодор. Операция по установлению контроля над автотрассой началась 14 сентября. По разработанному командованием фронта (командование же 3-го полка фронта с 16 сентября временно перемещается в Адзюбжу) плану операции, с 15 сентября первая рота Адзюбжского батальона, несмотря на то, что местность, по заверениям военных, была заминирована (под командованием В. Жвания), часть атарского батальона (ком. начальник штаба Р. Квициния), группа «Ласточка», выделенная из

[1] *Аслан Язбеевич Кация*, 1968 г. р. — студент экономического факультета АГУ. С формированием в 1991 году полка Внутренних войск Абхазии — инструктор по обучению и подготовке новобранцев. В августе 1992 г. находился в грузинском плену. С начала боевых действий — командир взвода 3-й бронетанковой роты (командир БМП-33), с боями дошедшей до р. Ингур. Один из участников становления бронетанковых войск Абхазии. После войны остается служить в армии командиром роты. В ноябре 1996 года в результате почечной недостаточности (из-за повреждения почек в плену) оперирован, но спасти его врачам не удалось. После смерти у него родилась вторая дочь, в честь отца названная Асландой.

[2] Аслан Камкия в 1987 году окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии и получил диплом режиссера художественного кино и телефильма.

личного состава 3-го полка Восточного фронта в отдельную роту (под командованием О. Ломия), группы «Скорпион» (под командованием Н. Какубава) и «Гроза» (под командованием Р. Джелия) под общим командованием Л. Миквабия в 5 утра заняли позиции в районе Кодорского моста. Одновременно 2-й взвод 2-й роты Адзюбжского батальона (под командованием С. Карчава) занял позиции у железнодорожного моста; 1-я и 3-я роты Атарского батальона (под командованием А. Квициния и А. Какоба) выдвинулась к пос. Дача и Адзюбжской больнице. 2-я рота Адзюбжского батальона (под командованием Б. Делба), 2-я рота Атарского батальона (ком. А. Квициния) и присоединившийся к ним 17 сентября Ткуарчалский полк окружили с. Ахалдаба. С установлением контроля над пос. Дача и Кодорским мостом, этот участок трассы, как и весь участок трассы от с. Маркула, оказался заблокированным абхазскими формированиями. Но, по сведениям на 17 сентября, противник начат собирать живую силу со стороны с. Новый Кындыг и за рекой Кодор для контрнаступления.

Одним из самых главных событий последнего месяца войны были бои у Кодорского моста. Абхазские бойцы более двух недель, с 16 до 29 сентября, держали оборону на этом участке фронта — в условиях мощных артобстрелов противника со стороны Гулрыпшского района (Уарчи, Дранды), а также с востока — со стороны Ахалдабы, Кындыга, Цагер, с приморской стороны Кындыга артиллерия противника наносила удары по населенному пункту Ануаа-рху.

Одна из огневых точек грузинских формирований располагалась у самого Кодорского моста на правой его стороне. В районе Кодорского моста были разрушены все здания (особенно досталось школе), земля была выжжена и перепахана взрывами. С. Сангулия, который должен был взрывать мост, попаданием снаряда во взрывчатку разорвало на части, а С. Юлия (по словам зам. командующего Восточным фронтом Д. Асландзия) был убит выстрелом снайпера. Противник, имея перевес в во-

оружении и боеприпасах, пытался выбить абхазских бойцов из первой линии обороны. Особо критическое положение сложилось в первые дни и в начале второй недели обороны моста. В одной из первых атак грузинские автоматчики под прикрытием своих пулеметчиков сумели прорваться к бетонным плитам на левой абхазской стороне моста попытались отбросить абхазских бойцов. Но на помощь абхазским бойцам подоспела тяжелая техника, и наступавшая группа противника была отброшена.

С 18 сентября (когда с утра противник передавал сообщение, что сегодня в 9.00 абхазцы начнут наступление на Сухум и сегодня решается судьба Грузии), Атарские и Адзюбжские отряды, поддерживаемые партизанами других отрядов Восточного фронта, а также тяжелой техникой — одного танка и боевой машины пехоты — БМП 1, были направлены для очистки от грузинских боевиков южной части с. Адзюбжа, вплоть до берега моря. На Адзюбжской РРС (радио-релейной станции) были обнаружены и захвачены птурсы, ящики со снарядами и гранатометы. Был также выведен из строя ретранслятор РРС. 18 сентября началась подготовка операции по захвату с. Ахалдаба. На неоднократные предложения сложить оружие во избежание лишних жертв, а также предоставления коридора для отступления, — противник медлил, ибо грузинские формирования из Гулрыпшского района обнадеживали их, что из Очамчир вышли к ним на помощь три баржи с личным составом Джабы Иоселиани.

Наступление абхазских формирований началось в 8.45 утра, в котором участвовали (по информации командира 5-го Атарского батальона Б. Квициния и других бойцов) система «Град», два 120-мм полковых миномета, система зенитной установки, два танка, один БМП и один БРДМ-1. Бой с противником продолжался до 17.00. В результате ожесточенных боев противник потерпел поражение. В бою за взятие Ахалдабы погиб и командир Адзюбжского батальона Рауль (Дада) Муцба.

21 сентября грузинское командование (несмотря на то, что по характеру боевых действий на Западном (Гумистинском) фронте чувствовалось, что бой за Сухум ими проигран, о чем говорит и сообщение грузинской стороны за 20 сентября — «Дальнейшая оборона бессмысленна, Сухум не выстоит, а Грузия изъявила желание войти в состав СНГ», подтянув большие силы, пытаясь спастись от надвигавшейся катастрофы, предприняло крупное наступление (очевидно, воодушевленное тем сообщением, что командир отряда сторонников З. Гамсахурдия — Лоти Кобалия находится в Очамчырах), чтобы освободить трассу и пробиться к Сухуму — со стороны Цагеры, Кындыг-Скурчи на Дачу. Одновременно началось наступление грузинских вооруженных формирований из Гулрыпшского района на Кодорский мост и со стороны моря. В связи с создавшимся в Абхазии критическим положением 22 сентября в 8.29 утра последовал и приказ командования Восточного фронта: «Ни шагу назад от Кодорского моста». По свидетельству Д. Асландзия и других бойцов, велика была в той сложной ситуации и роль самого командующего фронтом М. Б. Кишмария, непосредственно находившегося в районе Кодорского моста и руководившего действиями абхазских формирований. После сильных боев, продолжавшихся у пос. Дача до 29 сентября, противник потерпел поражение и понес ощутимые потери. Так, при наступлении противника со стороны Баглана-Джобрии абхазскими бойцами были уничтожены грузинский танк и БТР-1, при наступлении со стороны Скурчи — БМП-1. На центральном направлении — Кындыг–Дача, в районе с. Адзюбжа, абхазскими формированиями были подбиты пять танков Т-55, два БМП-1 и один БМП-2.

Несмотря на очевидное поражение, власти Грузии не оставили попыток спасти положение, направляя из Грузии в район боевых действий живую силу. 22 сентября, по сообщениям фронтовых сводок, в 21.50 был сбит самолет Ту–154 с живой силой противника на борту. Согласно информации первого

зам. министра обороны РА Гурама Допуа, после установления контроля над трассой, Кодорским мостом и перекрытия воздушного пути через Адзюбжу, самолеты противника стали заходить на посадку в аэропорт Бабышира со стороны моря, однако там их поджидали абхазские катера, которыми и был сбит вышеупомянутый самолет. Кстати, абхазская артиллерия (БМП-21), установленная на барже для ведения огня с моря, оказала неоценимую помощь бойцам Восточного фронта по удержанию моста через реку Кодор, что в дальнейшем способствовало объединению двух фронтов[1].

23 сентября части Адзюбжского и Атарского батальонов, а также вспомогательные силы Ткуарчалского полка вторично были брошены для окончательной очистки района Джобрия-Баглан, устья Кодора и берега моря от врага. В результате многодневных боев у Кодорского моста, а также у поселка Дача понесли потери и абхазские формирования. Согласно спискам Министерства обороны РА в ходе боев в этом районе с 16 по 28 сентября 1993 года погибло более сорока абхазских бойцов.

29 сентября передовые подразделения Западного фронта, развивая наступление, прорвали оборону грузинских частей на реке Мачара, заняли аэропорт Бабышира и, достигнув реки Кодор, соединились с войсками Восточного фронта.

С завершением грузино-абхазской войны, боевые действия на территории Абхазии не прекратились. Разбитые грузинские вооруженные отряды из-за Ингура развернули в Абхазии диверсионно-террористическую войну. Весной 1998 года они затеяли в Гальском районе крупномасштабную военную провокацию: в начале октября 2001 года интернациональная по составу грузинская террористическая группировка вторглась в верховья реки Кодор и обосновалась в районе горы Адагуа (т. н. «Сахарная голова»). Абхазскими вооруженными

[1] Газ. «Воин Абхазии». Февраль. 1999 г. № 2.

силами боевики в районе горы Адагуа были окружены и рассеяны на мелкие группы, но часть из них просочилась в низовья Кодора и Адзюбжу. По сообщению МВД Абхазии, 18 октября террористы, стремившиеся уйти в сторону границы с Грузией, в пос. Скурча взяли в заложники одного из местных жителей, которому впоследствии удалось бежать. Силами местных резервистов было организовано прочесывание местности, затем и преследование террористов, которые впоследствии были уничтожены.

5. Народное творчество

Территория Междуречья и низовьев реки Кодор — один из своеобразных центров народного творчества Абхазии. Сказки, сказания об Абрскиле — абхазском Прометее, об ацанах, нартские сказания, песни и предания о народных героях — это неполный перечень того, что до наших дней донесли адзюбжские старожилы.

Для исследователей огромную ценность как первоисточник представляют богатейшие фольклорные материалы, собиравшиеся в селе Адзюбжа этнографом Нико Джанашиа и его сыном Симоном Джанашиа летом 1921 года. Фольклорные материалы, собранные Симоном Джанашиа в Адзюбже, в бытность его студентом Тбилисского государственного университета, вошли в четвертый том трудов ученого. В собрание вошли 15 абхазских сказок, два героических сказания о нартах, более 350 абхазских пословиц и более 50 загадок[1].

[1] Джанашиа С.Н. Труды. Тбилиси, 1968. Т. 4. С. 172–250 (на груз. яз.); Зухба С. Л. Абхазское народное поэтическое творчество. Сухуми, 1981. С. 71.

Материалы, записанные С. Н. Джанашиа, представляют интерес как для фольклористов, так и для языковедов. Например, сказка о животных — «Летучая мышь, колючка и зимородок» близка к мифам этиологического характера. В волшебных сказках есть сюжеты, не встречающиеся в других абхазских сказках. В частности, сказка ««Штангаз», по своему сюжету, очень близка к хорошо известной сказке ««Джамхух — сын оленя». В сюжете адзюбжского варианта этой сказки наблюдаем новые мотивы — эпизод об отце, который оставляет своих детей и уходит, куда глаза глядят, из-за того, что он становится не в состоянии содержать свою семью, эпизод о том, как его ищут. Древние мотивы встречаются в волшебных сказках «Ашнакума и крестьянин», «Куамаха и Ашханыкуа», «Ахтисага и Сахсаган» и в др.

В героических сказаниях о нарте Сасрыкве, записанных С. Н. Джанашиа, нартов 80 братьев, тогда как в большинстве известных нам вариантов этих сказаний их 99, а отец нартов — немощный старик. В одном же из вариантов, записанных ученым, отец нартов предстает настолько мужественным, что угоняет весь скот у великанов. В этом же сказании говорится, что после смерти отца нартов, пастух нартов выкупил себе в жены Сатаней Гуашу у ее сыновей. И звали ее не так как в известных вариантах сказаний, а Саканиа Хангуаша.

В другом сказании о нарте Сасрыкве говорится, что инициаторами обычая справления поминок являются нарты, в частности сам Сасрыква.

Абхазские пословицы, включенные в «Труды» С. Н. Джанашиа, снабжены грузинскими переводами.

В народных преданиях населения низовьев реки Кодор, нашли отражение различные политические события из истории Абхазии раннего средневековья (VI–VIII вв.).

Например, существуют многочисленные варианты исторического предания о деятельности Апсха, т. е. «царя Абхазии» (появление таких сказаний следует отнести к эпохе полной консолидации древнеабхазских племен и образования Абхазского царства в VIII в.).

Одна из легенд приурочивает резиденцию Апсха к району Кодора. Предание гласит, что Апсха жил у устья реки Кодор. Однажды к нему приехал пастух кур — акутыхча — из местности Сатамашо, что в 10–12 км к юго-востоку от устья Кодора. Когда акутыхча приблизился к дворцу, пред ним предстала страшная картина. На обширной поляне, что перед дворцом, по одну сторону сидели волки, по другую — лисицы. Между ними все время ходили посредники, очевидно, было крупное недоразумение. В конечном итоге произошла свалка, из которой победителями вышли лисицы. Большинство волков было истреблено, а оставшиеся в живых бежали. Акутыхча поспешил о виденном сообщить Апсхе. Выслушав его, Апсха пришел к заключению, что какой-то маленький народ объявит ему войну, в которой он потерпит поражение, и что ему лучше бежать, пока не поздно. И он бежал, а царство его заняли другие народы…[1]

Согласно фольклорным материалам, коренным и самым древним абхазским владетельным родом считается Ачба. В одном из сказаний, посвященном генеалогии Ачбовых и Чачбовых, сообщается, что в глубокой древности первым в Абхазию пришел род Ачба. Один из представителей этого рода, по имени Бабышь, поселился в Уарче[2] (в окрестностях Уарчи и по сей день есть местность Бабышира). Братья же Бабышьа Ачба поселились в районе нынешнего с. Кутол, в местности, которая и ныне называется Ачааркыт («поселение Ачбовых»). Как-то в Уарчу со стороны гор вошел с отрядом некий византиец. В эти края он прибыл не морем, а по суше — вкруговую. Увидев из-за хребта море, он удивился — не понял в чем дело и двинулся узнать, что за чудо открылось ему. Жена византийца, которая

[1] Гулиа Д. И. Собр. соч. Т. 6… С. 315.

[2] Зухба С.Л. Абхазское народное поэтическое творчество… С. 359.

сопутствовала ему в походе, была на сносях. В первую же ночь по прибытии в Уарчу, она родила сына в доме Бабышьа Ачба, у которого незваные гости остановились. Византиец счел за позор, что его жена разрешилась под чужой кровлей. Ранним утром следующего дня, он, не попрощавшись с хозяевами, тайком со своей женой и людьми покинул дом Бабышьа, оставив там своего младенца. Бабышь, не ожидавший такого исхода, в недоумении обратился к своим братьям за советом, как ему поступить. Те посоветовали воспитать младенца, но не давать ему фамилии Ачба. По согласованию братьев, ребенку дали фамилию Чачба, созвучную фамилии Ачба[1]. Так рассказывают, от сына византийца, которого воспитали Ачбовы, произошла фамилия Чачба — позднефеодальных владетелей Абхазии.

Местом, где проходили разнообразные народные представления, игры и увеселения, являлись, как известно, абхазские свадьбы.

Очень популярными здесь были выступления акечек с куклами (акендж), когда они разыгрывали различные комические сценки, в основном также бытового характера. Примечательно, что имелись своеобразные «специалисты» по изготовлению кукол. Более того, имелись ученики, оказывавшие помощь старшим в изготовлении кукол.

Летом 1929 года, в период организации колхозов, в с. Атара, куда на сельский сход приехал Н.А. Лакоба, в заключение официальной встречи с главой Абхазского правительства, участниками драматического кружка с. Адзюбжа была поставлена пьеса «Аламыс» — коллективный труд молодой абхазской интеллигенции — Э. Акшба, П. Чкадуа, М. Хашба, М. Делба и других[2]. Во время спектакля произошел курьезный случай. Ясон Чочуа, игравший революционера, должен был имитировать убийство урядника царской охранки, роль которого исполнял Болтенков Кузьма, местный житель, потомок русских колонистов. Для этой цели Чочуа вооружили наганом, в барабане которого, помимо холостых патронов было и несколько заряженных. Рассчитывали, что выпущены будут холостые патроны. Однако, когда Ясон потянул пистолет из кармана, раздался выстрел, причем не холостой. К счастью, пуля, не задев ногу Ясона, вонзилась в пол. Через несколько минут загорелся карман актера, и он вынужден был убежать со сцены. Кузьма и Ясон так хорошо сыграли, что неудачный выстрел и загорание брюк были спокойно встречены зрителями.

По выходным дням молодежь устраивала гуляния, игрища, на которых состязались в игре в мяч, в джигитовке, борьбе, метании камней, в песнях и танцах.

Издревле, наиболее популярным местом сборов и проведения традиционных состязаний и народных игр населения низовьев реки Кодор была местность Набеш (позже затопила река), на левом берегу реки, на территории современного села Адзюбжа.

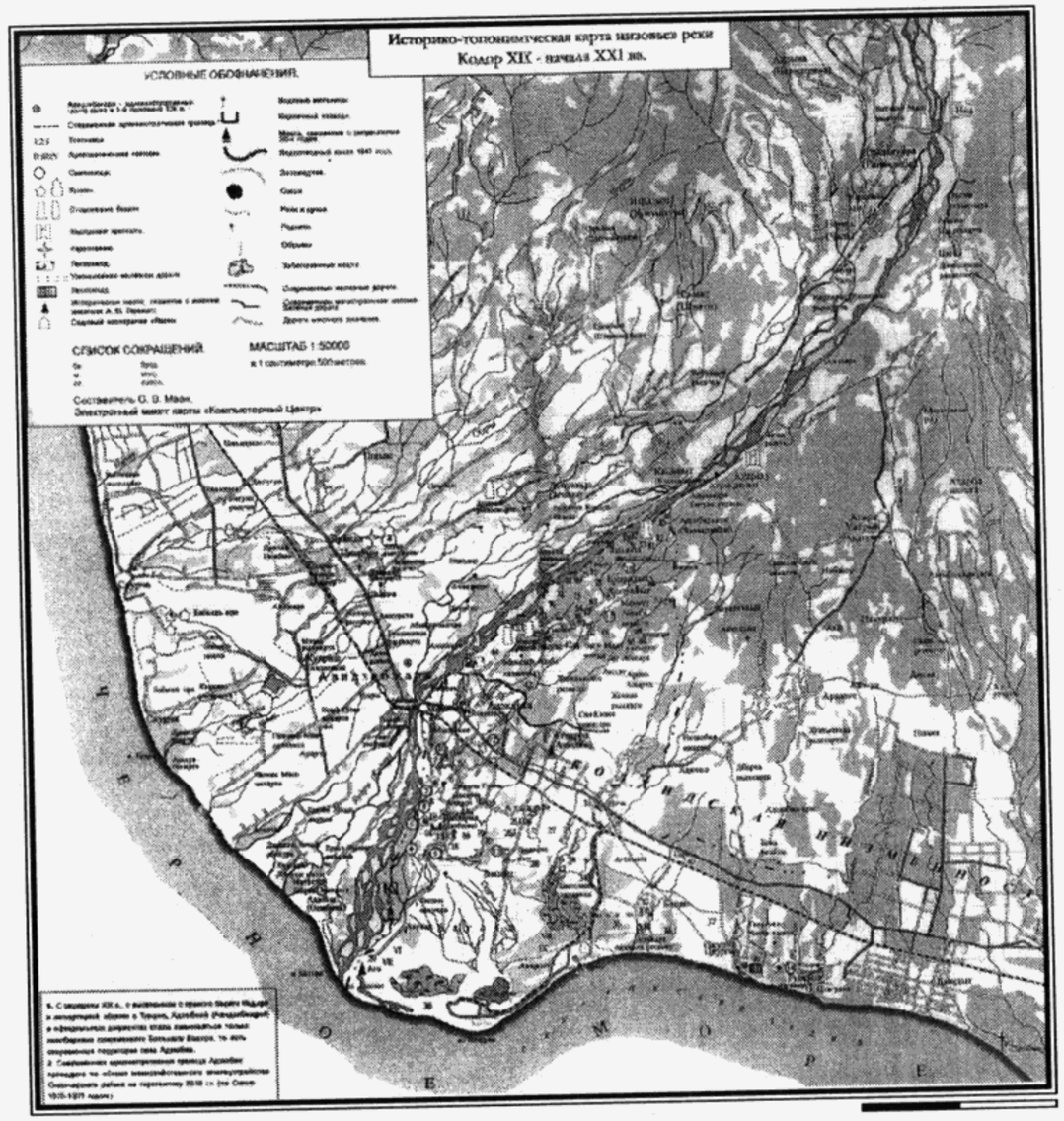
В конце XIX века здесь были устроены большие игрища по случаю окончания строительства Кодорского лесозавода. Праздник проводился в день Успения Богородицы. Начались игрища с состязания по аимцакиачара. По традиции, игровой мяч изготавливался новобрачной. Тогда этой чести удостоилась Пшыц (Апшцба) Дзыркуи. Игроку, первому забросившему мяч в амба (ворота), владелец завода Максимов установил приз — 50 рублей золотом. Деньги были зашиты в мяч. Приза удостоился Кация Кадыр. Восхищенный игрой Кадыра, Максимов подарил ему еще 5 рублей золотом[1]. В скачках на этих игрищах принимали участие гости — наездники и скакуны Смецкого. Первый приз разделили наездники Камкия Хуса и Амзцба Бакура. По примеру Максимова, местная знать одарила наградами и призеров других видов состязаний.

[1] Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966. С. 128.

[2] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа… С. 8.

[1] Камкиа Ш.Т. От Абрскила до наших дней. Этюды и очерки. Сухуми, 1988. С. 24–26 (на абх. яз.).

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ И ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Историко-топонимическая карта Междуречья — низовьев реки Кодор

МИКРОТОПОНИМИКА, НАНЕСЕННАЯ ЦИФРАМИ НА ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКУЮ КАРТУ МЕЖДУРЕЧЬЯ — НИЗОВЬЕВ РЕКИ КОДОР

1. Дата (Цагурия) икиапта — пустырь Даты (Цагурия).
2. Згыта икуаца — виноградный сад Згыты.
3. Бакура (Амзцба, Муцба) инхарта — место жительства Бакуры (Амзцба, Муцба).

3.1. Амбер (Абашь) инхарта — место жительства Амбера Абаш.

4. Мырза (Маан) инхарта — место жительства Мырзы (Маан).
5. Осман (Камкия) инхарта — место жительства Османа (Камкия).
6. Шьугиан (Чочуа) итынхара — наследство Шутяна (Чочуа).
7. Делаа ркиапта — пустырь фамилии Делба.
8. Мада (Камкия) икиапта — пустырь Мады (Камкия).
9. Дамей (Карчаа) икиапта — пустырь Дамея (Карчаа).
10. Нарчу (Карчаа) икиапта — пустырь Нарчу (Карчаа).

11. Хуат (Джыджериа) инхарта — место жительства Хуата (Джиджериа).

12. Баглан адзыхь — родник Баглана (название поселка).

13. Киагу (Арахамиа) икиапта; Харчлаа рынхарта — пустырь Кягу (Арахамиа); место жительства фамилии Харчлаа.

14. Андриа (Курцикидзе) дахинхоз — место жительства Андрея (Курцикидзе).

15. Кутат (Джикирба) инхарта — место жительства Кутата (Джикирба).

16. Ахухшара — место голубиной охоты.

17. Маланиаа рынхарта — место жительства фамилии Маланиа (Аланиа).
18. Жампыл (Маан) икиапта — пустырь Жампыла (Маан).
19. Аграа ркиапта — пустырь фамилии Агрба.
20. Чычын (Маан) иху — холм Чичина (Маан).
21. Плиаа ркиаптакуа — пустыри фамилии Пилиа.
22. Пыр икуаца — виноградный, фруктовый сад Пыра.

23. Бирам (Джикирба) икиапта — пустырь Бирама (Джикирба).

24. Бирам игуаюара — котловина, обрыв Бирама.

25. Куациа (Маан) идгил — земля Куации (Маан), Маанаа рапсыжырта — кладбище фамилии Маан.

26. Куациа (Маан) ицедж — колодец Куации (Маан).

26.1. Маанаа рыдгил — земля фамилии Маан.

27. Пшькиар — Пшкяр.
28. Джикраа ркиаптакуа — пустыри фамилии Джикирба.
29. Араху ртып — место содержания скота.
30. Акацхурта (Акарцхуал).

31. Темыр (Плиа) инхарта — место жительства Тимура (Пилиа).

32. Рапы агуаюа — обрыв, пропасть Рапы (название местности).

33. Сипана (Куагуаниа) идзыхь — родник Сипаны (Когониа).
34. Куагуаниаа рхабла — поселение фамилии Когониа.

35. Болтенков идзиа — озеро Болтенкова (потомок русских колонистов).

36.1. Шамаа ркиаптакуа — пустыри фамилии Шамба.

37. Гиаргуал (Чачба) инхарта — место жительства Григория Чачба.

38. Гоглика (Чачба) инхарта — место жительства Гоглики Чачба.

39. Адзбаара гуаюа — обрыв в трясину.
40. Дгебиаа ркиаптакуа — пустыри фамилии Дгебиа.

41. Куабахиаа ркиаптакуа — пустыри фамилии Кобахиа.

42. Ченгелиаа рыдгил — земля фамилии Ченгелиа.

43. Арсен (Какулиаа) инхарта — место жительства Арсена (Какулиа).

44. Леиаа рынхарта — место жительства фамилии Лейба.

45. Маанаа рыдгил — земля фамилии Маан.

45.1. Латашькиар — Латашкяр.

46. Алыгу (Габния) икиапта — пустырь Алыгу (Габуниа).

47. Мырзакан (Маан) инхарта — место жительства Мырзакана (Маан).

48. Пшцаа рыдгил — земля фамилии Апшицба.

49. Араца ахьтажу — место свалки угля (свидетельство железоплавильного производства).

50. Бажгуа (Ченгелиа) имарда — подъем (по склону горы) Баджгуа (Ченгелиа).

51. Кубрыц (Жениа) ицака — внизу Кубрыца (Жваниа).

52. Кубрыц иху — холм Кубрыца.

53. Абухуаа рыпсыжырта — кладбище фамилии Абухба.

54. Ахьча дахьтахаз — место, где погиб пастух.

55. Адзахуатра — виноградник.

56. Гуалан адзмах — болото Гуалана (название местности).

57. Ешаа рыдгил — земля фамилии Эшба.

58. Ахмат (Ешба) икиапта — пустырь Ахмеда (Эшба).

59. Шмаф (Допуа) дахиршьыз — место, где убили Шмафа (Допуа).

60. Кучир (Допуа) иашта — площадь, поляна Кучира (Допуа).

61. Темыр (Адлейба) ибаара — болотистая местность Тимура (Адлейба).

62. Аюнду — большой дом.

63. Чанаа ркуаца — виноградный, фруктовый сад фамилии Чанба.

64. Чанаа рааптра — весенне-осенняя стоянка пастухов мелкого рогатого скота фамилии Чанба.

65. Аджмаргуара — загон для коз.

66. Адзацв — одинокий дуб.

67. Допуаа рыдгил — земля фамилии Допуа.

68. Чаландзиаа рнышынтракуа — кладбища фамилии Чаландзиа.

69. Лагу (Гудзба) икиапта — пустырь Лагу (Гудзба).

70. Закара (Ченгелиа) имарда — подъем (по склону горы) Закары (Ченгелиа).

71. Абгыдзырра — кизиловая роща.

72. Ченгелиаа рыдгил — земля фамилии Ченгелиа.

73. Гуджуаа рыдгил — земля фамилии Гуджуа.

74. Акуадацра — место, где растет шиповник.

75. Хасан (Допуа) икиапта — пустырь Хасана (Допуа).

76. Нкылс итахара — ложбина на выходе.

77. Амадза марда — тайный склон.

78. Кантариаа ркиапта — пустырь фамилии Кантариа.

79. Мамышь икиапта — пустырь Мамыша.

80. Цахуаркыра — место подъема по крюку.

81. Сыкун икиапта — пустырь Сыкуна.

82. Багыр идзмах — болото Багыра.

83. Шьахар (Допуа) иааптра — весенне-осенняя стоянка пастухов мелкого рогатого скота фамилии Допуа.

84. Сузар (Допуа) икиапта — пустырь Сузара (Допуа).

85. Лыгу иааптра — весенне-осенняя стоянка пастухов мелкого рогатого скота Лыгу.

86. Ешьылаа ркиаптакуа — пустыри фамилии Яшвили.

87. Мамсыр (Допуа) икиапта — пустырь Мамсыра (Допуа).

88. Мамсыр (Допуа) икуаца — виноградник Мамсыра (Допуа).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ, НАНЕСЕННЫЕ ЦИФРАМИ НА ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКУЮ КАРТУ МЕЖДУРЕЧЬЯ — НИЗОВЬЕВ РЕКИ КОДОР

I. Клад бронзовых топоров.

II. Железный инвентарь из погребения середины I тыс. до н. э.

III. Разрушенное погребение второй половины I тыс. до н. э.

IV. Гончарные мастерские античного времени.

V. Находки бронзовых топоров и слитков.

VI. Три бронзовые фаллические фигурки.

VII. Две бронзовые подвески с изображением быка и барана.

VIII. Верхний жернов античной ручной мельницы греческого типа.

IX, X. Местонахождения текстильной керамики.

XI. Поселения эпохи развитой бронзы.

XII. Могильники III в. до н. э.

XIII. Городище середины I тыс. до н. э.

СВЯТИЛИЩА, ХРАМЫ, НАНЕСЕННЫЕ ЦИФРАМИ НА ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКУЮ КАРТУ МЕЖДУРЕЧЬЯ — НИЗОВЬЕВ РЕКИ КОДОР

1. Храмы Скурчи (совр. Гулрыпшский район).

2. Драдский (Кодорский) собор.

3. Святилище Аджбна.

4. Место молений и жертвоприношений богу морского ветра — Апшаныхуарта.

5. Место молений и жертвоприношений Афы — богу грома и молнии.

6. Святилище Ага-ныха и храм Мармал-абаа.

7, 17. Места общинных молений «ацу» — Ацуныхуарта.

8. Место божества кузни «Шашвы» фамилии Камкия.

9. Деревянная церковь «Общества восстановления православного христианства на Кавказе».

10. Место культа божества «Цачыхур».

11. Храм «Рождества Богородицы».

12. Место божества кузни «Шашвы» фамилии Уачараа.

13. Место божества кузни «Шашвы» фамилии Джикирба.

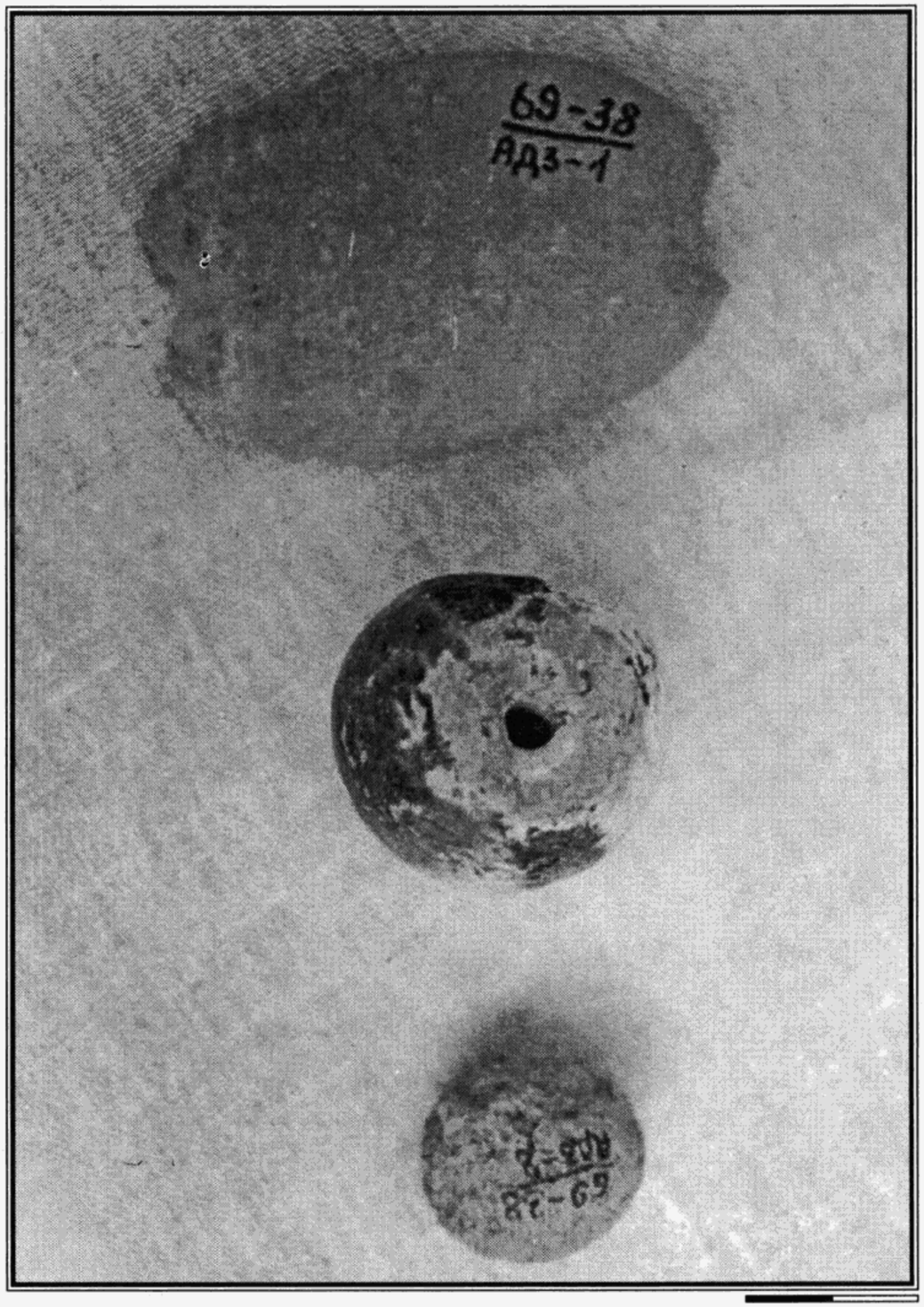
14. Святилище и храм О(А)лагуанра.

15. Место родового моления фамилии Чанба — Чанаа рныхуарта.

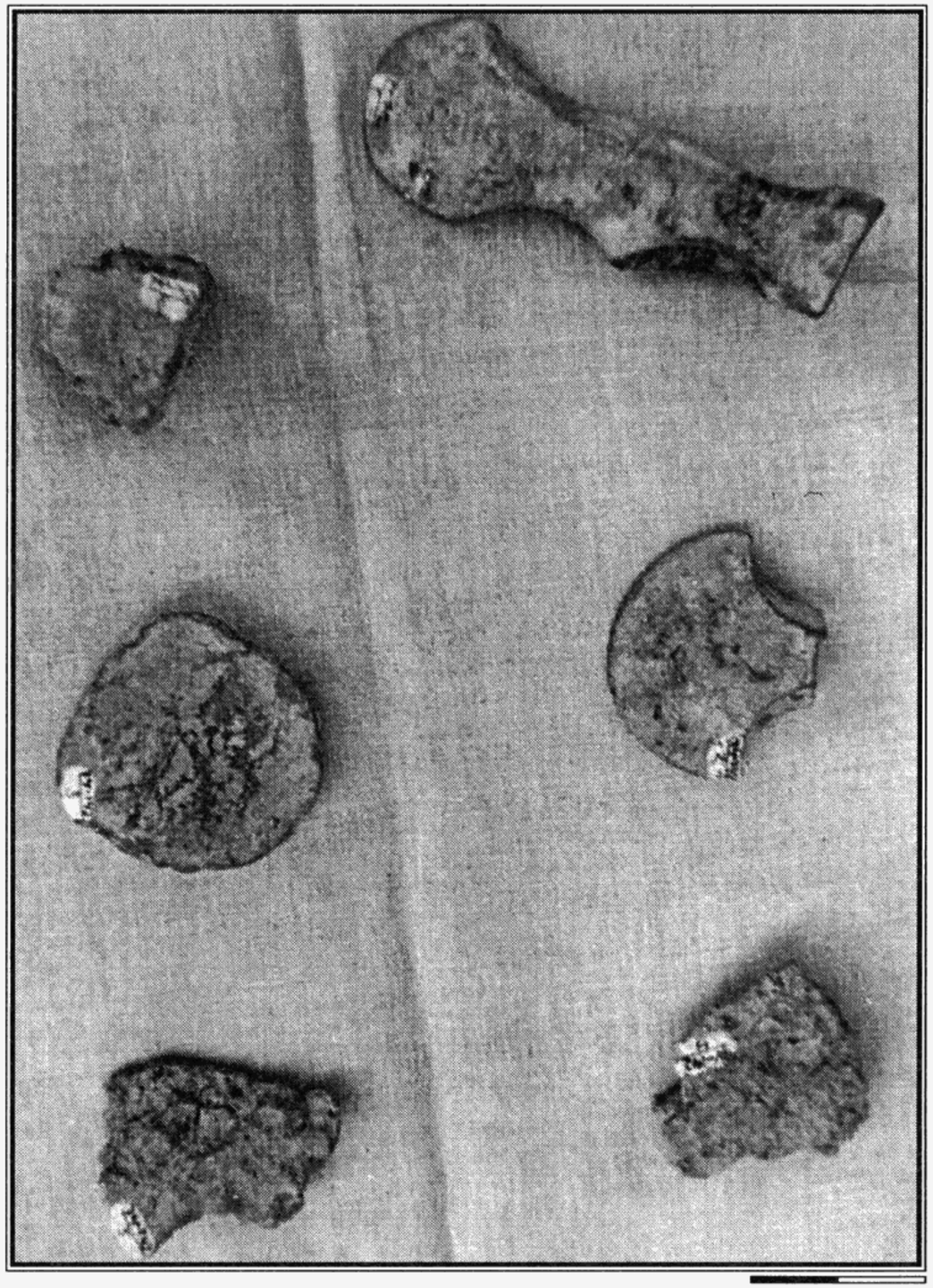
16. Место родового моления фамилии Допуа — Допуаарныха.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ГИДРОНИМОВ, НАНЕСЕННЫХ НА ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКУЮ КАРТУ МЕЖДУРЕЧЬЯ — НИЗОВЬЕВ РЕКИ КОДОР

Адзлагарадзы — «Мельничная вода».
Адзтаха — «Озерцо».
Ацардзы — «Подземная вода».
Бачкуара — «Ручей Бача».
Дабакур — Дабакур.
Джамгуагруал — Джамгуаргуал.
Джкуара — «Дубовая речка».
Куарачча — «Пересохший ручей».
Куатапей — Куатапей.
Кудры — Кодор.
Кудры-хучы — Малый Кодор.
Нартоу — Нартоу (собственное имя).
Пшьагиат — Пшьагиат.
Пшьакуа — «Место залежей глины».
Пшьап — «Перед освященным, святым местом».
Рапдзы — «Речка арапа».
Скурча — Скурча.
Хапшьра — «Место изготовления глиняной посуды».
Хиачпан — Хиачпан.
Цкуара — «Бычья речка».
Цкургил — с мингрельского буквально «родник холодный».

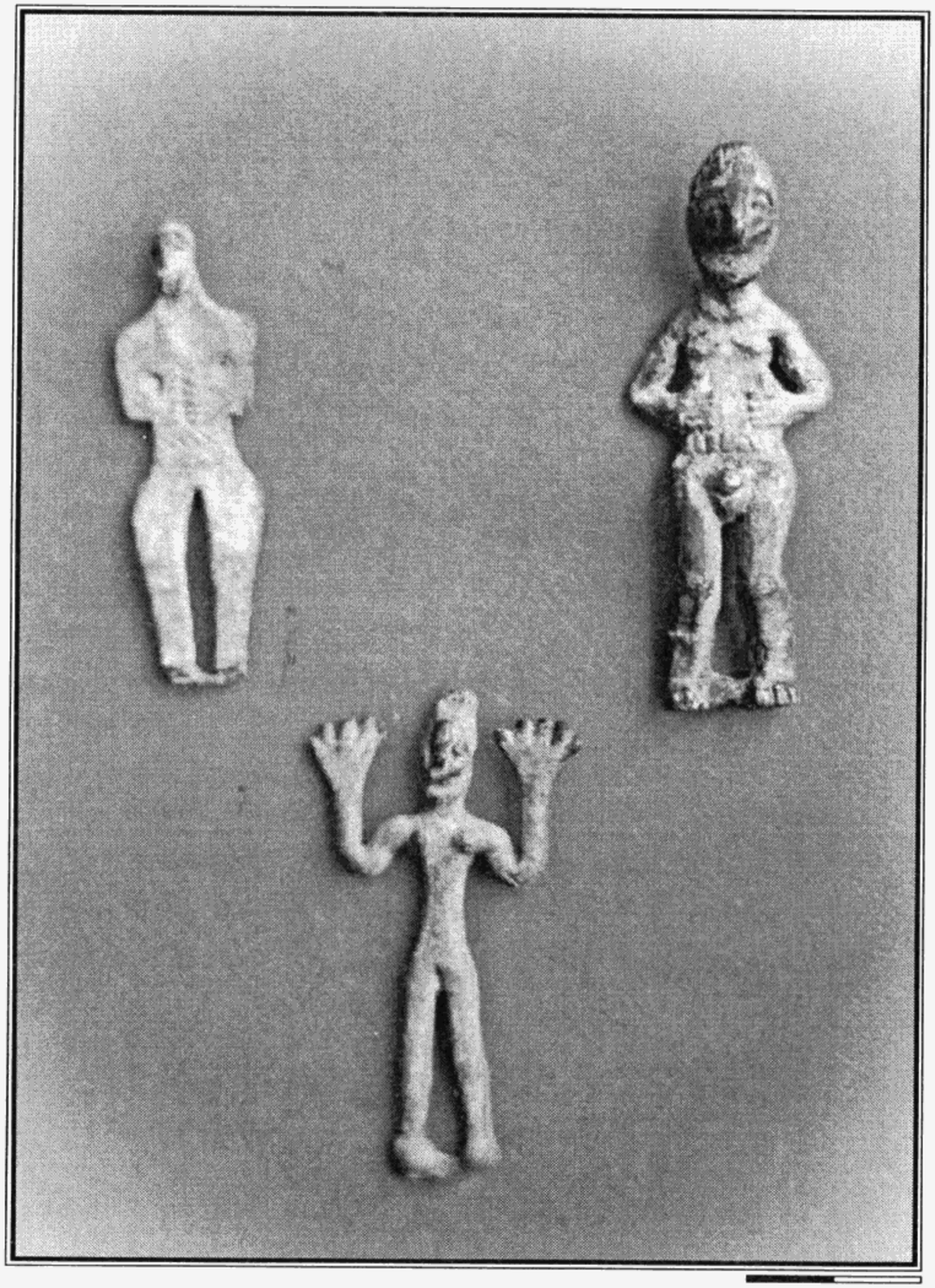
Каменное грузило. Египетская подвеска. Метательный камень (Адзюбжское городище середина I тыс. до н.э.)

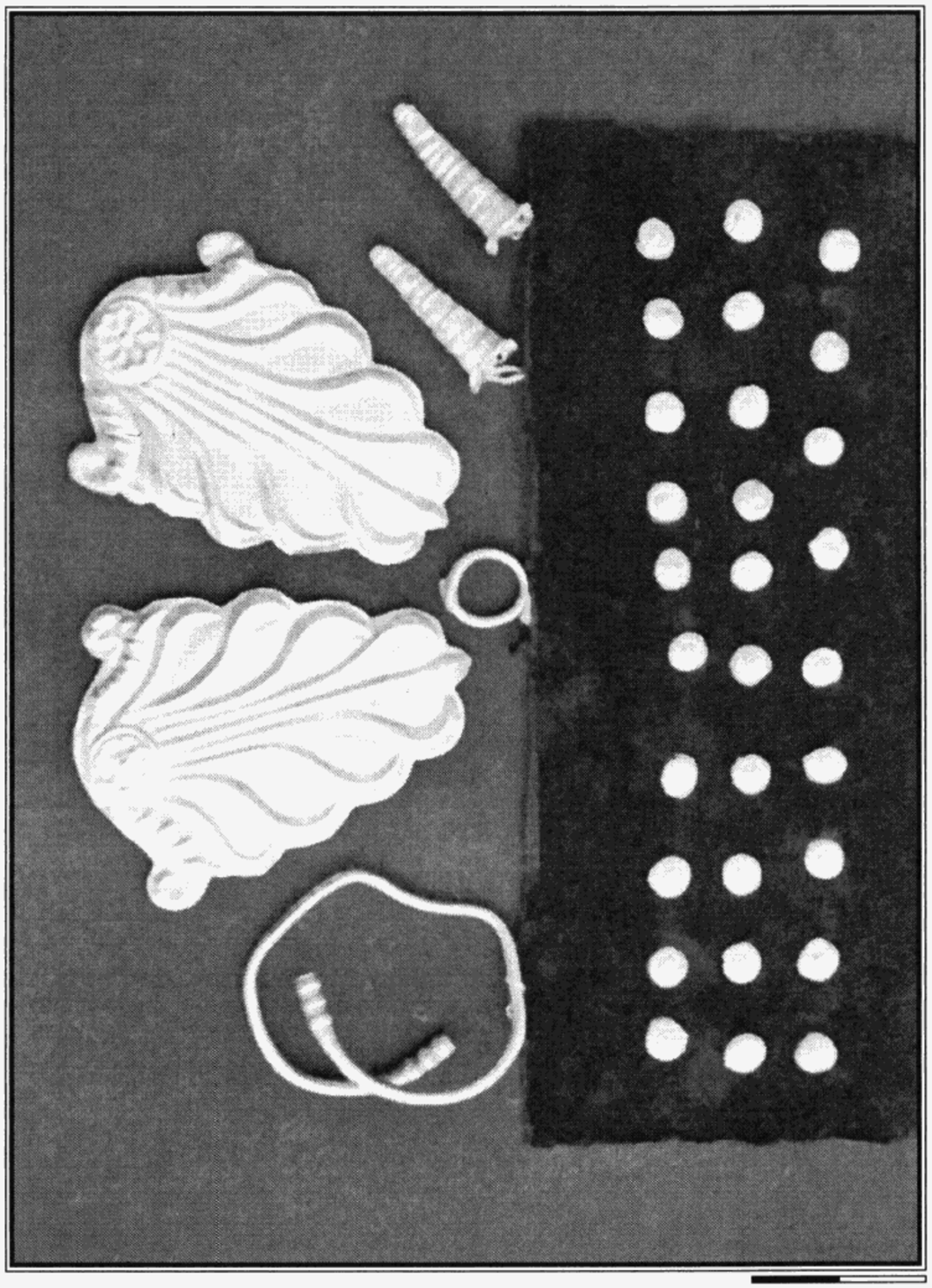
Бронзовый топор, слитки. Клад литейщика из с. Адзюбжа
(конец средней бронзы).
Из фондов Абхазского государственного музея

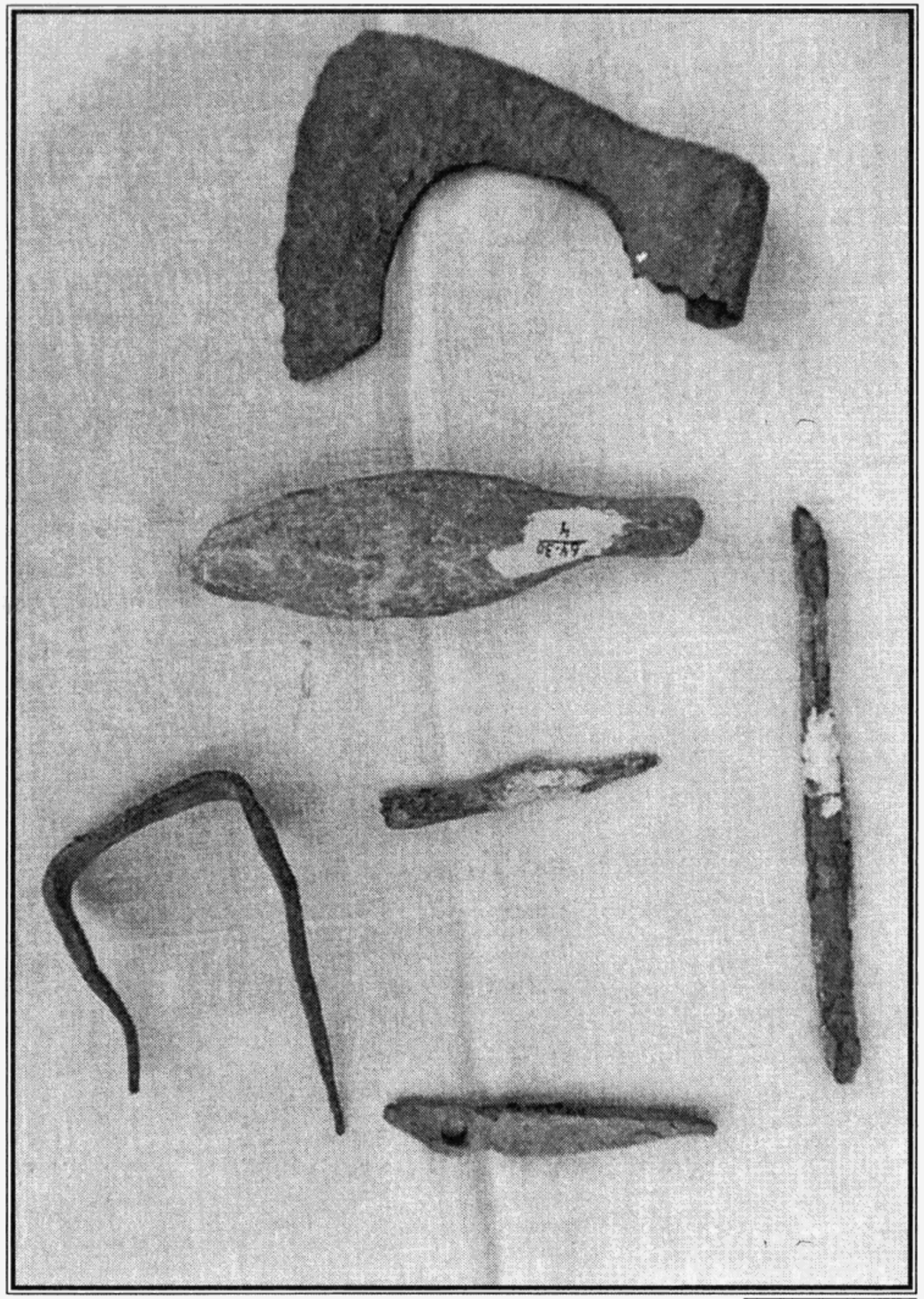
Бронзовый топор и бусина из с. Адзюбжа.
(VIII–VII вв. до н. э.). Из фондов Абхазского государственного музея

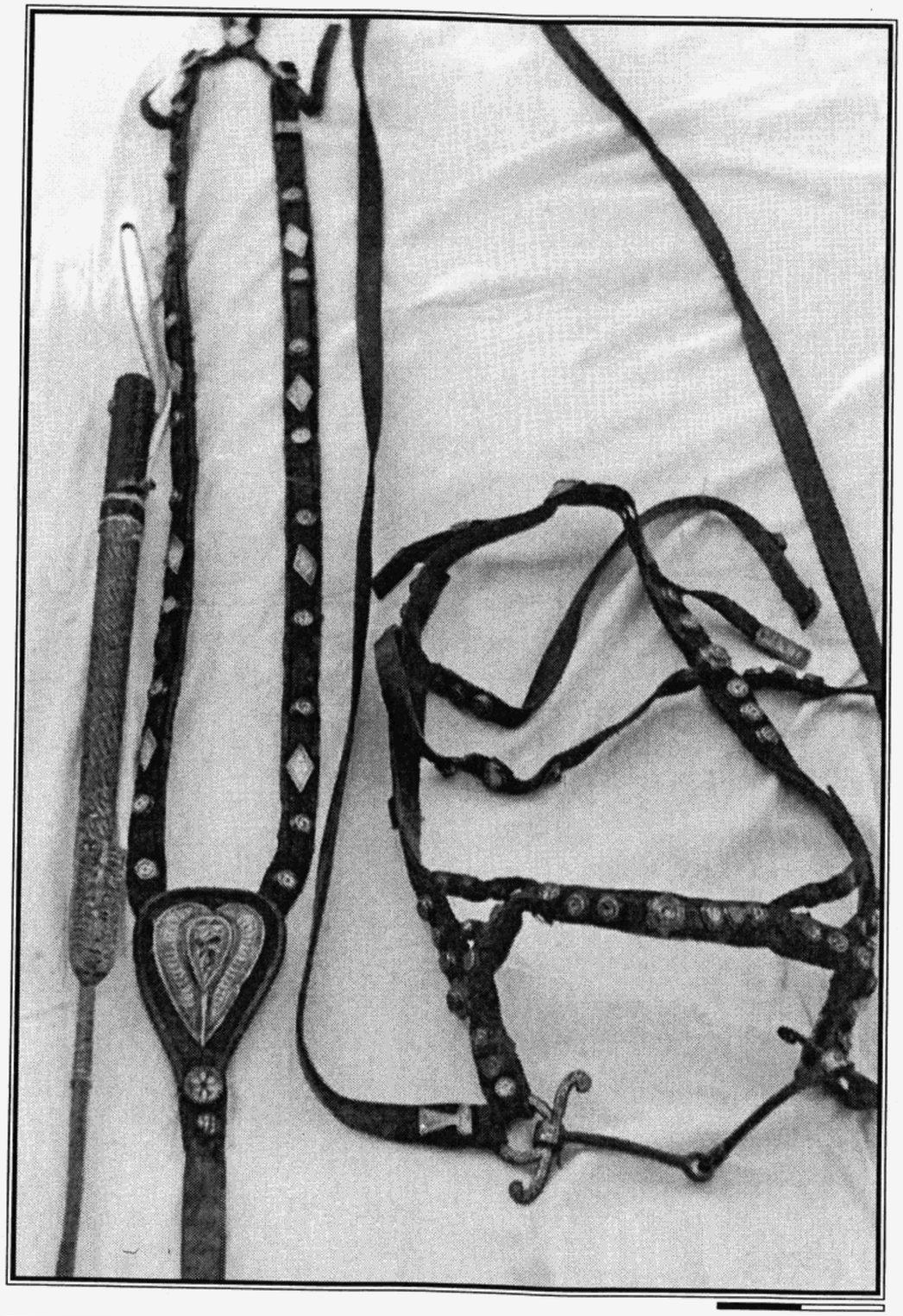
Бронзовые фигурки из низовья р. Кодор, пос. Баглан
(эпоха поздней бронзы).
Из фондов Абхазского государственного музея

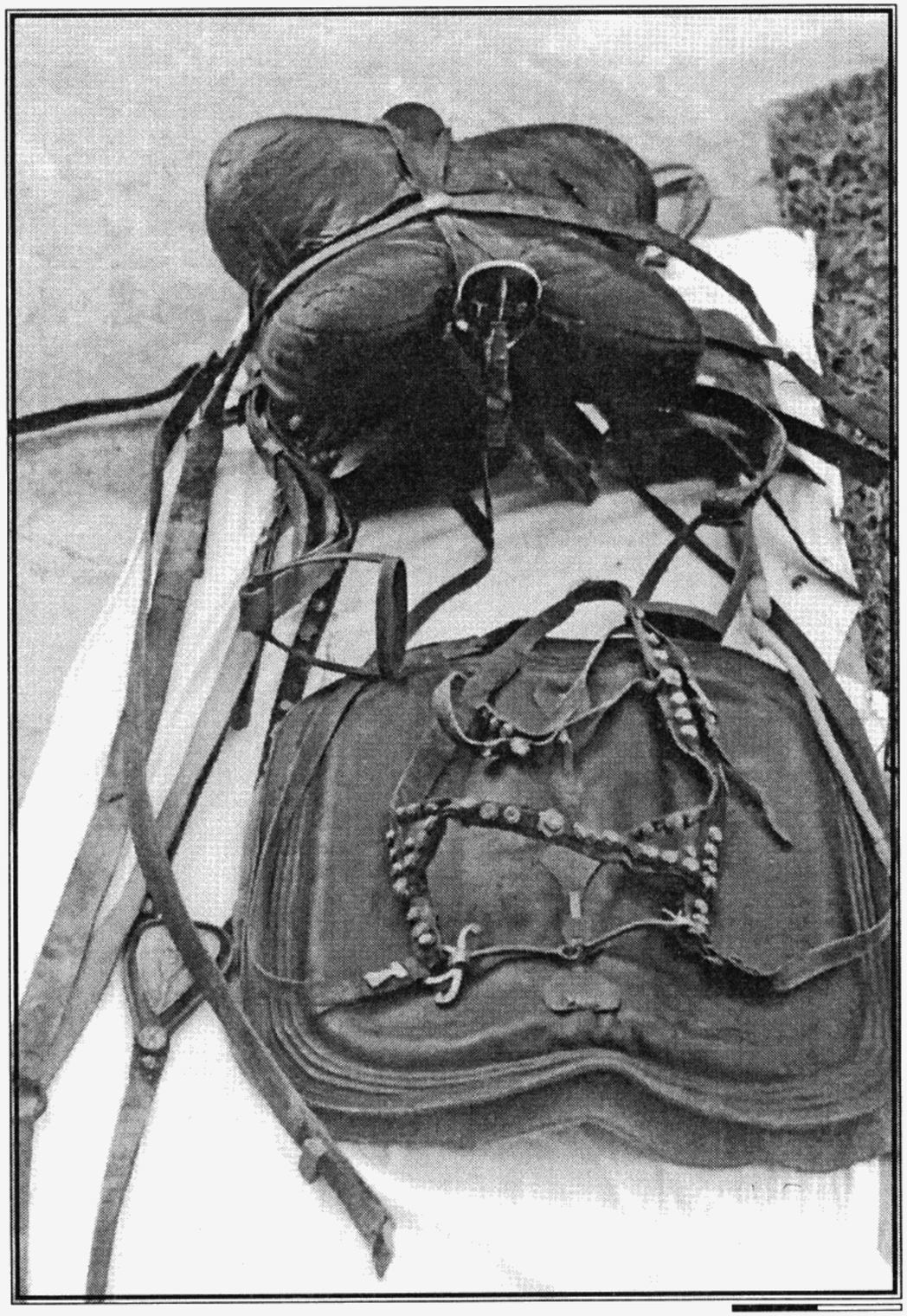
Золотые предметы из низовья р. Кодор
с. Адзюбжа, пос. Баглан (III в. до н. э.).
Из фондов Абхазского государственного музея

Железные орудия. Низовья р. Кодор (IV–VI вв.).
Из фондов Абхазского государственного музея

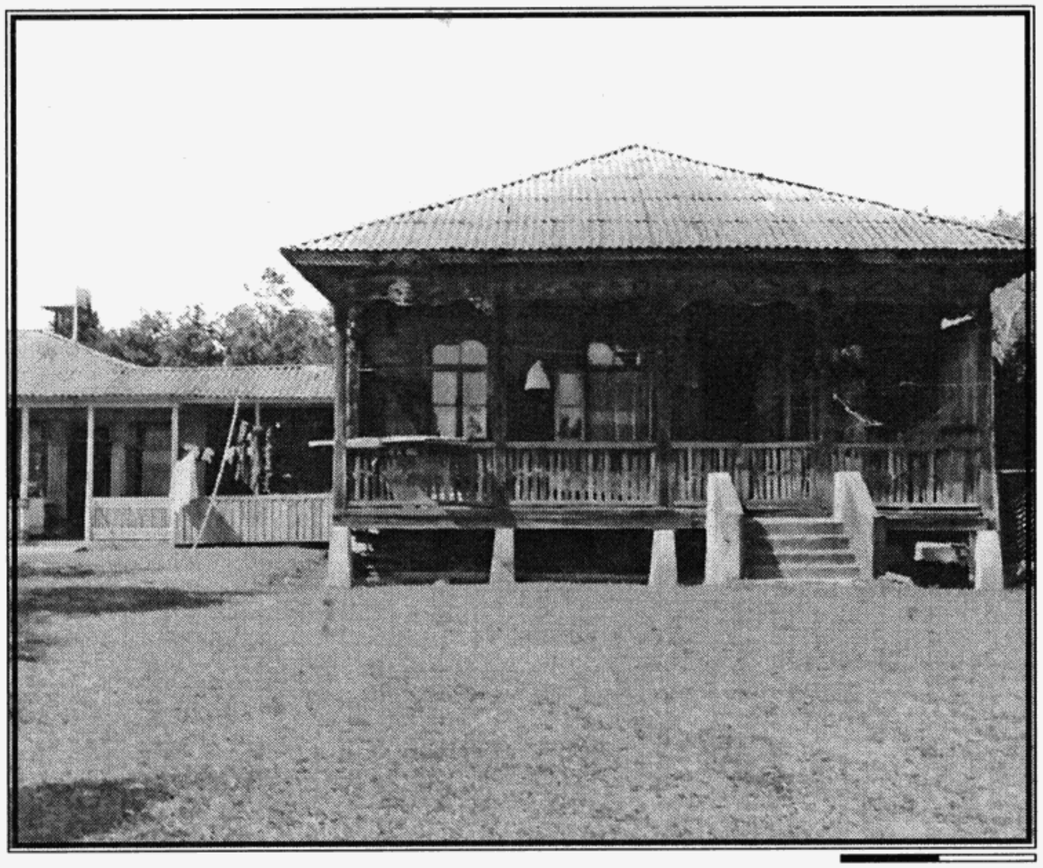
Уздечный набор и кнут из с. Адзюбжа (фото автора, 1989 г.)

Мужское седло и кнут из с. Адзюбжа (фото автора, 1999 г.)

Адзюбженец в национальной одежде (фото конца XIX — начала XX вв.)

Современный вид усадьбы Т. Камкия в с. Адзюбжа
(фото автора, 1998 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Б.А. Камкия) 4

ЧАСТЬ I
1. Историческая география 6
2. Скурчинская заповедная территория 27
3. Архитектурные памятники 38
4. О чем поведало древнее захоронение 49
5. Находка в Адзюбже 51

ЧАСТЬ II
1. Из истории судоходства 53
2. Фамильные имена 65
3. Пути сообщения 77
4. Адзюбжа 82
5. Религиозные культы и места поклонения святым 99

ЧАСТЬ III
1. Кодорский лесозавод 106
2. Немеркнущая истина 117
3. Безвинные жертвы из Адзюбжи 119
4. Село Адзюбжа и его окрестности
в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. 124
5. Народное творчество 135

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ
И ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ 140

Научное издание

О.В. МААН

МЕЖДУРЕЧЬЕ — НИЗОВЬЯ РЕКИ КОДОР

Редактор — Д. В. Нефёдов
Верстка и дизайн — Д. В. Нефёдов
Корректор — П. В. Багров
Художник — О. И. Махота

ООО «Профпресс», 344019, г. Ростов-на-Дону,
ул. 13-я линия, 34, оф. 407, тел. (863) 241-37-43, факс (863) 220-38-27,
e-mail: profpress@aaanet.ru.

Отпечатано в РИК ООО «Профпресс». Сдано в набор 20.12.2012.
Подписано в печать 24.01.2013. Формат 64x80/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 10. Тираж 150 экз.

